

DE CONSPIRATIONE

УДК [94+32+330](100)(082)
ББК 63.3(0)я43+66.4(0)я43+65.03(0)я43
О 11

De Conspiratione / О Заговоре. Сборник монографий. А.И. Фурсов (сост.).
М.: Товарищество научных изданий КМК. 2014. 2-е изд. 522 с.

В монографиях сборника анализируются скрытые механизмы мировой истории, политики и экономики, деятельность закрытых (тайных) обществ мирового соглашения и управления («закулисы»), спецслужб и криминальных синдикатов.

- © А.И. Фурсов, предисловие, 2013, 2014
- © А.И. Фурсов «*De Conspiratione*:
Капитализм как Заговор», 2013, 2014
- © С.А. Горяинов «Криптоэкономика
мирового алмазного рынка», 2013, 2014
- © В.И. Карпенко, А.Б. Рудаков «Новая
реальность: Террор», 2013, 2014
- © Е.Г. Пономарева «Проект “Косово”:
мафия, НАТО и большая политика»,
2013, 2014
- © Товарищество научных изданий КМК,
издание, 2013, 2014

ISBN 978-5-87317-949-7

СОДЕРЖАНИЕ

Фурсов А.И. Предисловие.....	4
Фурсов А.И. De Conspiratione: Капитализм как Заговор.....	7
Горяинов С.А. Криптоэкономика мирового алмазного рынка.....	145
Карпенко В.И., Рудаков А.Б. Новая реальность: Террор.....	217
Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика.....	331

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нарастающий мировой кризис своей масштабностью все более привлекает внимание к породившим его причинам. Кроме того, в связи с нынешним кризисом растет интерес к кризисам прошлого, включая войны и революции. Среди объяснительных моделей, вскрывающих причины широкомасштабных исторических потрясений, можно выделить две противостоящие друг другу. Согласно одной из них, кризисы, будь то революции или войны, логически обусловлены «объективными предпосылками» и вытекают из них; «субъективные факторы», т.е. действия людей, могут лишь ускорить или замедлить процесс, либо лишь придать ему ту или иную форму. В другой модели крутые исторические повороты рассматривают как результаты деятельности определенных групп, как бы стоящих над историей.

Истина не лежит между двумя этими точками зрения. Как говорил Гете, между двумя крайними точками зрения лежит не истина, а проблема, иногда даже не сформулированная. Это одна сторона дела. Другая – на самом деле противоречия между приведенными выше точками зрения нет, особенно если проблема сформулирована четко, в соответствии с принципами системности и историзма и научными регулятивами.

Начать с того, что неверно противопоставление социально-экономических предпосылок как объективных действиям людей и организаций, особенно целенаправленным и подкрепленным мощным ресурсом, как субъективным. Во-первых, организации и структуры, их интересы, цели и действия столь же объективны, как и так называемые «социально-экономические предпосылки». Кстати, последние сами по себе не являются силами, они – условия.

Во-вторых, само противопоставление в нашей «литературе» о революциях неких факторов/сил как «объективных» и «субъективных», которое закрепилось с легкой руки не случайно имевшего «четверку» по логике В.И. Ленина, – ошибочно. Ленин называл субъективным то, что на самом деле является субъектным. «Субъективный» означает нечто обусловленное внутренним переживанием субъектом самого себя, его знанием, соотносящимся с объектом. Соответственно, субъективный фактор – это действия в соответствии с этим знанием и переживанием. А как быть с классовым интересом? Это – субъективное или объективное? Как быть с организациями, выражающими эти классовые интересы? Если некая сила воплощает в кон-

центрированном виде долгосрочные и целостные характеристики класса или системы, представляет их, действует на их основе – это не объективный фактор? Что же тогда объективный?

На самом деле речь должна идти не об объективных факторах, а о **системных** и **субъектных** – и те, и другие объективны, но при этом один из аспектов субъектного фактора – субъективный. Субъектный фактор представляет собой целенаправленную деятельность субъекта по достижению своих целей, реализации планов и интересов на основе учета, контроля и управления социально-историческим процессом, а с определенного времени – на основе проектирования и конструирования этого процесса. Последнее невозможно без знания системных законов истории, которые становятся законами действия субъекта.

Новоевропейская наука об обществе была системоцентричной. Попытка Маркса разработать теорию исторического субъекта и превратить ее в науку успехом не увенчалась¹. Впоследствии эта линия теории Маркса продолжения не нашла – субъектное было сведено к субъективному, приобретая характеристики чего-то второстепенного. В результате из поля зрения исчезли очень важные агенты исторического изменения, а сами эти изменения стали изображаться как филиация одной системы из другой, одного комплекса «объективных факторов» из другого. В результате из истории исчез субъект как ее творец. Одна из главных задач нынешнего этапа развития знания об обществе – не просто вернуть субъекта, но разработать субъектоцентричную науку и синтезировав ее с системоцентричной создать полноценную, многомерную субъектно-системную науку.

Изучение субъекта и субъектности – задача более сложная, чем изучение и анализ систем. Во-первых, если системы более или менее открыты, то деятельность многих субъектов носит закрытый характер – и чем серьезнее субъект, тем более он закрыт; о тайных обществах (ложах, орденах, клубах) я уже не говорю. Во-вторых, существуют транссистемные субъекты, переходящие из одной социальной системы в другую и оказывающиеся как бы над системами. Так, христианская церковь как крупнейшая религиозно-политическая и финансово-экономическая структура присутствовала в античной, феодальной и капиталистической системах и, скорее всего, будет так или иначе присутствовать в посткапиталистической. Помимо христианской церкви к транссистемным субъектам относится ряд орденских структур.

Современная наука об обществе ориентирована не только на системы, но и на открытые структуры. В то время как структуры закрытого типа, исторически реализующие себя в качестве особых субъектов, практически не попадают в ее «створ», а их изучение нередко квалифицируется как нечто ненаучное, как конспирология. В связи с этим одна из задач нынешнего этапа развития рационального знания об обществе – разработка области знания, посвященной закрытым структурам как особому историческому субъекту, синтез эпистемологического поля, изучающего теневые стороны общества, с тем, которое изучает «фасад», т.е. опять же создание полноценной многомерной науки без «белых пятен» и признаков когнитивной инвалидности.

¹ Подробнее см. об этом: Фурсов А.И. «Биг Чарли», или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория // Русский исторический журнал. М., 1998. Т. I, № 2. С. 335–429; Fursov A. Social Times, Social Spaces, and Their Dilemmas: Ideology “In One Country” // Review. Fernand Braudel Center, Binghamton (N.Y.), 1997. Vol. XX, № 3/4. P. 345–420.

Настоящий сборник монографий – шаг в этом направлении. Открывает сборник работа А.И. Фурсова «De Conspiratione: Капитализм как Заговор». В ней рассматриваются некоторые теоретические проблемы конспирологии как научной программы и вопросы создания новой науки об обществе вообще и о капиталистической системе как единстве капитала, государства и закрытых наднациональных структур управления (конспироструктур), в частности. Автор предлагает свою картину исторической реальности европейского развития XVI–XVIII вв., в котором конспироструктуры в качестве особого субъекта снимали противоречие между капиталом и государством.

Следующая работа – «Криптоэкономика мирового алмазного рынка» – написана С.А. Горяиновым, автором таких работ как «Алмазы Аллаха» (М., 2004) и «Деньги террора» (М., 2005). «Криптоэкономика...» посвящена «скрытым шифрам» функционирования мирового алмазного рынка, прежде всего – деятельности корпорации «Де Бирс».

В исследовании военных аналитиков В.И. Карпенко и А.Б. Рудакова (автор пионерной работы «Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха», М., 2008) с различных сторон рассматривается феномен террора как новая реальность современного мира.

Завершает сборник исследование автора нескольких монографий по балканскому региону Е.Г. Пономаревой – «Проект “Косово”: мафия, НАТО и большая политика». На конкретном материале криминального государства Косово автор показывает, как в реализации их политико-экономических интересов и целей оказываются завязаны в один узел западные политики и военные и мафия, как совместно они пытаются перекраивать современный мир – его экономику и даже географию. Существенным дополнением к монографии является перевод, сделанный А.Э. Никифоровой, доклада Комиссии ПАСЕ по правовым вопросам и правам человека, шире известный как доклад Дика Марти, – «Бесчеловечное обращение с людьми и незаконная торговля человеческими органами в Косово». На русском языке полный перевод этого документа печатается впервые.

При всем различии поднимаемых вопросов и тем у четырех монографий есть общее – это анализ **неявного** в истории, экономике и политике, анализ некой сущности, которая реализует себя как заговор, а точнее, с учетом масштаба и геоисторических последствий, как Заговор – Conspiratio. Собственно, «О Заговоре» – «De Conspiratione» – и написана наша работа.

А.И. Фурсов

А.И. Фурсов

DE CONSPIRATIONE:
КАПИТАЛИЗМ КАК ЗАГОВОР

Том I

1520–1870-е годы

Фурсов Андрей Ильич —
директор Центра русских исследований
Московского гуманитарного университета,
директор Института системно-стратегического анализа;
академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия)

1. Конспирология – веселая и строгая наука?	10
2. Конспирология: за и против (несколько выборочных примеров)	16
3. Конспироструктуры как имманентная форма развития капитализма.	21
4. La Serenissima, или «Чужие» в Европе	29
5. Английская семерка, или Как осуществилась сборка североатлантического геоисторического субъекта	39
6. Сити и английская разведка: «идти порознь, бить вместе»	46
7. «Славная революция» и после	55
8. Большие циклы Евразии, или Маятник Старого Света	62
9. XVIII век: рождение проектно-конструируемой Истории, или Что могут Вещество, Энергия и Информация, сконцентрированные в одних, отдельно взятых руках	69
10. Капиталистическая система: циклы, «длинные волны» и другие регулярности	74
11. Конспироструктуры: первый этап развития, 1710–1770-е годы	82
12. Второй этап развития конспироструктур, 1770–1870-е годы: взгляд с высоты	86
13. Американская сецессия и британские трудности	93
14. Французская революция – опыт реализации проектно-конструкторского подхода к истории	100
15. О Ротшильдах бедных замолвите слово	110
16. Великобритания, конспироструктуры и Россия	118
17. Крымская война, или Финансисты и революционеры против России	125
18. Гражданская война в США, или Британцы и конспироструктуры против Америки	131
19. Италия, Германия и конец второго этапа развития конспироструктур	139

1. Конспирология – веселая и строгая наука?

Есть странное противоречие в нашей жизни – жизни ученых, аналитиков, исследователей, изучающих социальную реальность. На уровне здравого смысла, регулирующего повседневное поведение, мы прекрасно знаем, что, во-первых, есть лица, группы и структуры, оказывающие на ход вещей, на жизнь значительно большее влияние, чем другие лица, группы и структуры, а порой – чем большинство этих последних; во-вторых, эти более могущественные лица, группы и структуры реализуют свое влияние, власть скрытым образом, за кулисами видимых событий; в-третьих, лица, группы и структуры, о которых идет речь, существуют не хаотически, а организовано. Все это довольно тривиально, и едва ли кто-то станет с этим спорить. Однако как только речь заходит об объяснении неких исторических явлений или политических событий, указанную не лежащую на поверхности социальную неравномерность, неравновесность не просто забывают или игнорируют – ее стараются опровергнуть; в результате анализ или объяснение того или иного события ограничивается фасадом, тем, что можно пощупать, тем, что легко «дает себя прочесть» (М. Фуко).

Если, например, речь пойдет о выборах президента, то нам будут совать под нос опросы рядовых граждан (можно подумать, что они имеют такой же вес и такие же возможности, что не рядовые: ведь никто не станет утверждать, что у кукол те же права, что у кукловодов) и результаты голосования. Нам станут говорить о большинстве, его волеизъявлении и т.п. Но что значит большинство? Сто волков и тысяча овец – кто тут большинство? Сотня людей, которая контролирует 30–50% мирового богатства, власть и информация (СМИ, а точнее СМРАД – «средства массовой рекламы, агитации и дезинформации») и, обладая обширными международными связями, живет в глобальном пространстве, или несколько десятков миллионов не очень образованных работяг, пролов, живущих от зарплаты до зарплаты в своем локальном мире?

Если речь идет о некоем экономическом событии, то нам представят статистику, подменяя количеством качество. Конвенциональная наука об обществе функционирует главным образом как наука больших цифр и эмпирических обобщений. Но ведь даже математика начинается там, где заканчивается цифирь, а из нескольких

эмпирических обобщений не сделать одного теоретического. И если мы в объяснении тех или иных исторических явлений усомнимся в видимом, в **явлении** и попытаемся найти объяснение, лежащее глубже, чем видимое, которое нередко искусственно сконструировано, если попытаемся проникнуть на уровень **сущности**, такую попытку нередко квалифицируют как «конспирологию». Более того, этот термин сам по себе или в виде синонима – «теория заговора» (далее – ТЗ) – используется, когда нужно скомпрометировать ту или иную работу, концепцию или схему без обсуждения или, что еще чаще, когда нужно не допустить такого обсуждения в принципе. Но если история свободна от Заговора как одного из важнейших факторов, то что делать с такими заявлениями как «миром управляют оккультные силы и их тайные общества»? Или: «Судьба Европы находится в руках всего лишь трехсот человек, каждый из которых знает всех остальных. Своих преемников они выбирают из собственного окружения. Эти люди имеют средства для того, чтобы положить конец той государственной форме, которую они считают неоправданной».

Первая фраза принадлежит представителю британской верхушки премьер-министру Великобритании Бенджамину Дизраэли, вторая – представителю немецкой верхушки (и в то же время советнику Ротшильдов) промышленнику и министру иностранных дел Веймарской республики Вальтеру Ратену.

Сказанное ими вполне соответствует научному подходу, обусловленному политэкономией капитализма. «Современная политическая экономия, – пишет нобелевский лауреат по экономике П. Кругман, – учит нас, что маленькие, хорошо организованные группы зачастую преобладают над интересами более широкой публики»¹. Эти слова принадлежат не конспирологу, а известному либеральному американскому экономисту и экономическому обозревателю, нобелевскому лауреату по экономике. Он прямо пишет о том, что, например, в Америке правые радикалы, будучи небольшой группой, но, контролируя при этом Белый дом, Конгресс и в значительной степени юстицию и СМИ, стремятся изменить как нынешнюю американскую, так и мировую систему.

Задолго до П. Кругмана – в самом начале XX в. – об огромной роли маленьких, хорошо организованных групп в широкомасштабных исторических процессах на примере Великой французской революции писал Огюст Кошен на примере энциклопедистов. А ведь энциклопедисты жили и действовали до эпохи всемогущества СМИ, флэшмобов и сетевых структур, контроль над которыми увеличивает потенциал «малых народов» различного типа не то что в разы – на порядки, превращая заговор в Заговор. П. Кругман очень хорошо показал это на примере деятельности неоконгов в США в 1990-е годы. «Никому не хочется выглядеть сумасшедшим теоретиком заговоров, – пишет он в своей работе «Великая ложь», – Однако нет ничего безумного в том, чтобы раскапывать истинные намерения правых. Наоборот, неразумно притворяться, что здесь нет никакого заговора»².

Слово сказано, и это слово – «заговор», причем как политико-экономический феномен, как система странового, государственного уровня.

Обычно под конспирологией (от англ. *conspiracy* – заговор; «*conspiracy*», в свою очередь, восходит к латинскому «*conspiratio*» – созвучие, гармония, согла-

¹ Кругман П. Великая ложь. М.: АСТ, 2004. С. 322.

² Кругман П. Ук. соч. С. 46.

сие, единение и... тайное соглашение, сговор, заговор и даже мятеж) имеется в виду сфера знания, в которой история, особенно резкие ее повороты, объясняются не историческими закономерностями и массовыми процессами, а перипетиями тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил – орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций и т.д. и т.п. – на выбор.

Нередко акцентируется примитивный или сознательно примитивизируемый характер конспирологических схем, их несерьезность, порой – одиозность. Действительно, немало конспирологических работ написано в погоне за сенсацией и заработком (не очень честным), отсюда – легковесность, непроверенность фактов. В то же время немало работ, именуемых «конспирологическими», суть не что иное, как своеобразные «акции прикрытия», цель которых – либо упреждающе отвлечь внимание от главного, от «базовой операции», заставить публику сконцентрировать внимание не на том «шаре», не на том «наперстке», да еще и «наварить» на этом; либо, напротив, привлечь внимание к какой-либо третьестепенной теме или проблеме, разрекламировать те или иные структуры или тех или иных лиц как якобы обладающие неким скрытым могуществом; либо заранее скомпрометировать серьезные попытки глубоко разобраться в тайных механизмах тех или иных событий, а тех, кто эти попытки предпринимает, выставить в невыгодном свете.

Не прибавляет доверия к конспирологии и то, что порой она становится элементом неомифологических конструкций (борьба «Добра против Зла», «сил Бытия против Небытия» и т.п.). В таких случаях реальный и часто корректный сам по себе анализ компрометируется вненаучными целями схемы, элементом которой он оказывается и в которой научные термины пересыпаны религиозными, мифологическими и т.д., являются их функцией. Особенно когда схемы эти подаются как озарение (типа распутинского «я так вижу»), которое на самом деле представляет собой (пост)модернистскую версию мракобесия, шаманского камлания.

Иногда имеют место более замысловатые комбинации: конспирологическая работа появляется специально для того, чтобы, попав под огонь разгромной критики, раз и навсегда скомпрометировать исследования по данному вопросу, структуре, личности; часто это делается накануне выхода в свет серьезной публикации по данной теме. И невдомек публике, что автора «заказухи» – «слепого агента» – исходно снабдили недостоверной информацией, чтобы устранить серьезное отношение к исследованиям в данном направлении вообще и – «два шара в лузу» – нейтрализовать эффект серьезных публикаций, максимально подорвав цену на этот товар на «информационном рынке».

Кстати, сам «рынок» конспирологической литературы, так сказать, в его количественном аспекте во многом выполняет роль дезориентации людей, топит их в потоке информации, в котором они не способны разобраться, отвлекает внимание от реальных секретов, от тех мест, где их действительно прячут.

Вспомним диалог патера Брауна и Фламбо из честертоновской «Сломанной шпаги» («The sign of the broken sword»): «После минутного молчания маленький путник сказал большому: “Где умный человек прячет камешек?” И большой ответил: “На морском берегу”. Маленький кивнул головой и, немного помолчав, снова

спросил: “А где умный человек прячет лист?” И большой ответил: “В лесу”»¹. Иными словами, секреты практичнее всего «прятать» на видном месте. Подобной точки зрения придерживались не только Кийт Гилберт Честертон и такие мастера детектива, как Эдгар По («Похищенное письмо») и сэр Артур Конан-Дойл, но и Александр Зиновьев: «Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности», и в этом смысле одна (но далеко не единственная) из задач реальной конспирологии – прочитывать неявный смысл, скрытый шифр очевидного, лежащего на виду и потому кажущегося ясным. В том числе и – высший пилотаж – скрытый смысл самих конспирологических работ.

Едва ли кто сможет оспорить тот факт, что далеко не все причины и мотивы происходящего в мире лежат на виду – наоборот, они скрываются; далеко не все цели декларируются открыто, и это естественно. Мы прекрасно знаем, что большая политика делается тайно, реальная власть – это тайная власть, а зона функционирования «высоких финансов» – тайна. Поэтому, как правило, поставить под сомнение реальный анализ скрытых механизмов истории пытаются либо люди недалекие, профаны, либо, напротив, те, кто слишком хорошо знает о существовании тайных сил, структур и т.п. и старается отвести от них внимание, сбить со следа, высмеивая серьезный поиск как конспирологию. Правда, в этом старании нередко прокалываются, в частности, на двойных стандартах в оценке различных явлений.

Возьмем, к примеру, интерпретации Коминтерна, т.е. III Интернационала, который два десятилетия втайне планировал и проводил перевороты, восстания, революции, у которого были гигантские скрытые финансы и т.п. Коминтерн – это, несомненно, конспироструктура (далее – КС), а его влияние на ход истории – это конспирологическое влияние. Почему же аналогичные структуры буржуазии и аристократии, действующие в закрытом режиме, обладающие намного большим политическим и финансовым потенциалом, – не конспирологические? Напомню слова Льва Троцкого о том, что настоящие революционеры сидят на Уолл-стрит. И, добавлю я, не только сидели, но тайно помогали большевикам, а еще больше Гитлеру, решая, естественно, свои задачи. Это не говоря о том, что революции, войны и макрокризисы – это всегда заговор. А точнее – Заговор.

Разумеется, в основе кризисов и революций лежат объективные системные причины. Никто не отменял массовые процессы. Но мир – понятие не количественное, а качественное, как любил говорить Эйнштейн. В мире небольшая, но хорошо организованная группа, в руках которой огромные средства (собственность, финансы), власть и контроль над знанием и его структурами, а также над СМИ весит намного больше, чем масса людей или даже целая страна – достаточно почитать «Исповедь экономического убийцы» Дж. Перкинса.

О конспирологии можно говорить двояко – как об определенном подходе к изучению реальности и как о **научной программе** или эпистемологическом поле, но не как о дисциплине (по крайней мере пока, хотя потенциально это дисциплина транспрофессионального типа, другой вопрос – актуализируется ли эта потенция и если да, то как). Как **подход** конспирология это прежде всего дедуктивно-аналитический поиск (хотя и индукцией не следует пренебрегать), нередко по кос-

¹ Chesterton G.K. The sign of the broken sword // Chesterton G.K. The Penguin complete Father Brown. L.: Penguin books, 1985. P. 144.

венным свидетельствам, неочевидного в очевидном, тайного в явном, вычисление скрытых мотивов, причин и причинных связей (рядов), которые не лежат на поверхности, не проявляются, а если и проявляются, то в виде странностей, досадных случайностей, непонятных пустот, отклонений, которые так не любят стандартные исследователи – они им жить мешают, смущают и тревожат. Можно сказать, что в этом смысле конспирология должна быть неотъемлемым элементом социальных дисциплин в их нынешнем состоянии, компенсируя их ориентацию на то, что лежит на поверхности, на «законы количества», на явное.

Это «должна» обусловлено не только несовпадением явления и сущности, самой спецификой социального знания, в основе которого лежит несовпадение – принципиальное несовпадение истины и интереса, на порядок усиливающее в этой области знания несовпадение явления и сущности. Эйнштейн говорил, что природа как объект исследования коварна, но не злонамеренна, т.е. не лжет сознательно, «отвечая» на вопрос исследователя; человек же в качестве объекта исследования часто лжет – либо бессознательно, либо намеренно, скрывая или искажая реальность в личных, групповых, системных интересах. Или будучи в плену ложного сознания, а то и просто от незнания, порой – ученого. Более того, в социальных системах целые группы специализируются на создании знания в интересах определенных слоев, т.е. в продуцировании ложного знания. Так, в капиталистической системе социальные науки и их кадры выполняют определенную функцию – анализ социальных процессов в интересах господствующих групп и с точки зрения их интересов, в конечном счете – в целом (интересах) сохранения существующей системы с ее иерархией. В результате социальный интерес верхов становится социальным и профессиональным интересом того или иного научного сообщества как корпорации специалистов, которая, по крайней мере ее верхняя половина, становится идейно-властными кадрами системы, особой фракцией господствующих групп, привилегированной службой.

В этом нет ничего необычного, напротив – проза жизни, в основе которой лежит двойное несовпадение: сущности и явления, истины и интереса. Постигание кем-то сущности социальной системы или властной организации, их истины и меры, как правило, не в интересах господствующих групп, они всячески препятствуют этому, ограничивая (в том числе институционально и дисциплинарно) реальные исследования уровнем явлений, причем трактуемых в интересах верхов. В результате социальный, классовый интерес верхов становится интересом обслуживающего их профессионального интеллектуального сообщества как корпорации и в известном смысле – его **истиной** в специфическом смысле слова.

Этот интерес автоматически встраивается в исследования научного сообщества, регулируя не только решения проблем, не только способы их постановки, но и то, что считать научными проблемами, а что нет. Отсюда – табу на целый ряд проблем, их практическая необсуждаемость. В периоды кризисов реальность мстит этой табуизации, приводя верхи к классовой и геополитической слепоте, а обслуживающих их «спецов» к полной интеллектуальной импотенции. Список этих проблем в современной социально-исторической науке довольно длинный – от конспирологической проблематики до расовой и холокоста. Любой анализ знания с учетом искажающих его социальных интересов, вскрытие самих этих интересов, ана-

лиз реальности с точки зрения не тех или иных групп/интересов, а системы в целом так или иначе соотносится с конспирологией – эпистемологически, по повороту мозгов. Здесь выявляется двойной скрытый смысл: самой реальности (прежде всего властной, социально-энергетической) и знания о ней (информационной).

Конспирология как научная программа – это, помимо прочего, всегда раскрытие секретов власть имущих, того, как **реально** функционирует власть, как распределяются ресурсы и циркулирует информация. А поскольку истинная власть – это, как правило, тайная власть или явная власть в ее тайных действиях, в тайном измерении, то ее анализ по определению имеет конспирологический аспект. К сожалению, у современного обществоведения нет ни понятийного аппарата, ни возможности, а часто и желания заниматься скрытыми механизмами социальных процессов, тем, что лежит не на поверхности, теневой стороной реальности. В этом плане современное обществоведение является ущербным, половинчатым: в основном оно занимается явлениями, а не сущностью, функциями, а не субстанцией, таким образом, упуская главное. Конспирология как научная программа – мера половинчатости, неполноценности современной науки об обществе. Когда будет создана полноценная, «свето-теневая», наука об обществе, нужда в конспирологии, в криптоматике отпадет – это будет просто анализ закрытых сторон реальности, вскрывающий секреты, интересы и мотивы властей преобладающих.

Иными словами, разработка конспирологии как научной программы – это работа на превращение социальных наук из одномерных в многомерные, полноценные и занимающие произвольную позицию по отношению к интересам тех, у кого в руках власть, собственность и информация, т.е. конспирология выполняет функцию эмансипации и самокоррекции нынешней науки об обществе.

2. Конспирология: за и против (несколько выборочных примеров)

Помимо рынка конспирологической литературы существует и рынок антиконспирологических работ, эффект которых нередко столь же контрпродуктивен, как и некоторых конспирологических: если эти последние нередко компрометируют анализ закрытых сторон реальности как таковой, то их антиподы своей слабостью или ангажированностью, стремлениям доказать, что никаких заговоров в природе нет, что, например, Линкольна и Кеннеди убили одиночки и т.п., добиваются обратного эффекта. К таким работам, в частности, относится книга Д. Пайпса «Заговор. Мания преследования в умах политиков»¹. Уже из названия видно, что автор, сын известного русофоба Р. Пайпса, приравнивает ТЗ к паранойе. О работе Д. Пайпса, как и о ее авторе, на котором природа явно отдохнула (достаточно почитать его рассуждения), самих по себе не стоило бы говорить. Однако эта работа доводит до логического конца типичную антиконспирологическую аргументацию, активно замешанную на тупом антикоммунизме, и тем показательна, а поэтому взглянем на нее поближе.

Пайпс высмеивает «конспирологические» теории убийства Кеннеди (он согласен с официальной версией!), создания Федеральной Резервной Системы (ФРС), Французской революции. «Сплясал» он и по поводу «Протоколов Сионских мудрецов», напирая на роль этого документа в «конспирацизме». В реальности в послевоенный период «Протоколы...» не играют практически никакой роли в конспирологической литературе. Но дело даже не в этом. Четкий ответ по поводу протоколов дал Герберт Уэллс – писатель, разведчик, человек из «закулисы», причем намного более информированный, чем оба Пайпса вместе взятые. На вопрос, фальшивка «Протоколы...» или нет, автор «Машины времени» ответил, что этот вопрос иррелевантен, т.е. не имеет значения, поскольку в мире все произошло так, как расписано в «Протоколах...». Повторю: Уэллс «работал» на таком уровне, куда пайпсов и близко не подпустят.

Все ТЗ Пайпс-младший, примитивизируя и оглупляя их, сводит к схемам посков каверз масонов и евреев, автоматически навешивая на конспирологов ярлык

¹Пайпс Д. Заговор. Мания преследования в умах политиков. М.: Новый хронограф, 2008.

«антисемитизма». Д. Пайпс – не единственный «критик конспирологии», прибегающий к этому дешевому жульническому трюку. Нередко исследователей, ищущих скрытые механизмы истории и политики, обвиняют в поисках «мирового правительства», «жидомасонского заговора», ну а от «жидомасонского заговора» один шаг не только до «масонов», но и до «жидов» и, следовательно, до обвинения в антисемитизме. Пайпс вешает антисемитизм на левых, но ведь исторически антисемитизм – это, как правило, «забава» правых, и сам же Пайпс связывает конспирологию и с правыми. Где логика? Он даже утверждает, что в 1989 г. с исчезновением советского блока исчезла и самая мощная в истории фабрика ТЗ. Бедный-бедный Пайпс. Он, по-видимому, не знаком с основами марксизма, исторического материализма, которые в том виде, в каком они развивались в СССР, исключали ТЗ по определению, поскольку акцентировали роль «объективных массовых процессов» и «законов истории». Ярлык «советского конспирацизма» Пайпс пытается навесить на любое противодействие СССР агрессивным акциям США во внешнеполитической и идеологической сферах.

«Советским конспирацизмом» Пайпс называет «непомерный страх коммунистических режимов перед заговорами» в результате того, что они, как пишет Пайпс, сами же поверили в созданный ими образ врага¹. По Пайпсу выходит, что у СССР и соцстран не было врагов – они их выдумали; т.е. выходит, не было директив Совета Национальной Безопасности США об атомной бомбардировке советских городов. Практически любую критику в адрес США Пайпс квалифицирует как проявление ТЗ. Можно порекомендовать ему почитать Зб. Бжезинского, Г. Киссинджера, Дж. Фридмена и др., которые откровенно говорили и говорят о тех агрессивных планах США, которые Д. Пайпс квалифицирует как «конспирологические выдумки». Пайпс, по-видимому, идиот в исходном, греческом смысле слова: идиот – человек, который живет так, будто окружающего мира не существует.

Что тут скажешь? Только одно: больше читать надо, шлемазл, и не позорить свой народ.

А уж если взялся выполнять политический заказ, делать это надо не тупо и кондово, а изящно. Впрочем, о чем это я? Показательно, что Пайпс не осмелился назвать свою работу научным исследованием – она не выдерживает минимальной проверки на научность. Ее цель в другом – опорочить в глазах широкой публики любые попытки анализа реальных тайных пружин политики и особенно американской политики.

У работы Пайпса есть антиподы – ультраконспирологические схемы, авторы которых видят заговоры везде. Это крайности, посередине – скучноватый мейнстрим, в котором не столько анализируются (для этого много что надо знать и немало продумать), сколько излагаются и каталогизируются ТЗ (классика – работа Й.Р. фон Биберштайна²) или дается попытка их культурологической интерпретации (например, П. Найтом³).

¹ Пайпс Д. Ук. соч. С. 160.

² Биберштайн Й.Р. фон. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010.

³ Найт П. Культура заговора. От убийства Кеннеди до «секретных материалов». М.: Ультракультура 2.0., 2010.

Хотя обе эти книги более спокойны по тональности, чем многие другие опусы подобного рода, у них есть заданная направленность, которая видна в подзаголовках. Для Найта «культура заговора» это одновременно и реальное, до сих пор нераскрытое убийство Кеннеди с практически доказанным реально существовавшим заговором, и популярный сериал. Так сознательно стирается грань между реальностью и вымыслом и возникает некая зыбкая «культура заговора», где социальное содержание событий исчезает, растворяется в фантастике. А самое главное – снимается необходимость поиска причинно-следственных связей, который может поставить ряд неприятных или просто неприемлемых для истеблишмента вопросов.

В еще большей степени это так в случае с фон Биберштайном. Он разбирает схемы, в которых в качестве заговорщиков фигурируют философы, масоны, евреи, либералы и социалисты. Но не финансисты, не капиталисты, не династические семьи, не аристократия, поскольку такой анализ, имеющий, кстати, солидную доказательную базу, подошел бы опасно близко к реальным секретам западной системы, буржуазного общества. Тайная криминальная история капитализма, в которую в качестве активно действующих лиц, субъектов замешана верхушка – реальность; при таком подходе уже трудно будет дать заголовок «Миф о заговоре» – с капиталом все конкретно, и фон Биберштайн прекрасно это понимает, «тренируясь на кошках» – на философах, социалистах, на тех, кто не создает проблем.

В целом работа фон Биберштайна полезна – судя не только по библиографии, но и по тексту, автор перелопатил огромный пласт конспирологической и антиконспирологической литературы. К сожалению, работа написана в «немецком стиле» – много знания и не так много понимания, отсюда либо легковесные, либо приземленные суждения – автор знаком с книгами по узкой теме, но не очень хорошо представляет себе более широкую историческую реальность. Впрочем, повторю: как стартовым историографическим материалом «Мифом о заговоре» вполне можно пользоваться.

Моя работа – не историография конспирологии, тем не менее необходимо упомянуть те работы, которые обычно помещают у ее истоков и которые задали определенную логику ее развития и логику ее критики, особенно недобросовестной. Прежде всего нужно назвать «Памятные записки по истории якобинства» (1797) аббата Огюстэна Баррюэля¹, «О тайных обществах и их угрозе государству и религии» Джона Робинсона² и «Триумф философии в XVIII веке» Йогана Августа Старка³. По сути это трио и сформулировало нечто вроде масонско-иллюминатской повестки дня развития конспирологии и антиконспирологии на добрую часть XIX в. Хотя Баррюэль был не первым, кто связал масонство с революцией (пионер здесь – священник Жак Франсуа Лефран с его «Сорванным покрывалом»)⁴ и хотя документами его активно снабжал Старк, все же именно этот аббат оказался главной фигурой у исто-

¹ Barruel A. Mémoires pour servir à la l'histoire du jacobinisme. 4 vol. Londres: De l'Imprimerie Française, chez Ph. Le Boussonnier and Co, 1797–1798.

² Robinson John. Über Geheime Gesellschaften und deren Gefährlichkeit für Staat und Religion Königs-lutter: Culemann, 1800.

³ Stark Johann August. Der Triumph der Philosophie im Achtzenten Jahrhunderte. Germantown: Rosenblatt (Bolling), 1803.

⁴ Lefranc J.F. Le voile levé pour les curieux, on Le secret de la Revolution révélé à l'aide de Francmaçonnerie. Paris: Valade, 1791.

ков конспирологии – по детальности и одновременно охвату исследования, весьма масштабному по меркам конца XVIII в., да и не только. В первом томе («Антихристианский заговор») он подробно описал, как англофил Вольтер со товарищи вели идейную подготовку подрыва монархии и христианства; во втором томе («Заговор софистов и мятеж против королей») рассказано о союзе философов и масонов; третий том («Нечестивый и архаический заговор софистов» – так же называется и четвертый том) посвящен баварским иллюминатам, а в четвертом показано, как заговор реализовывался в реальности.

Работы указанной «тройки», их последователей и их критиков привлекли внимание к масонско-иллюминатскому аспекту европейской истории и политики и в то же время серьезно заузили этой тематикой анализ европейской истории и политики в ее закрытом («тайном») измерении в целом.

Во-первых, сами дискуссии развивались по упрощенной схеме утверждения – отрицания («да» – «нет»), что весьма упрощало реальную историческую картину. Во-вторых, внимание отвлекалось от других неявных субъектов мировой политики, мировой игры, например от крупных финансовых домов (тех же Ротшильдов), от истеблишмента в целом. В-третьих, внимание отвлекалось и от Великобритании – государства, весьма заинтересованного в развитии в Европе масонских и иных закрытых структур, от государства, которое в значительной степени (хотя и не в такой, как США) было создано подобно рода структурами Европы и Англии, в какой создавало их, и от капитализма как системы.

Одна из главных слабостей конспирологических штудий заключается в том, что, «нарыв» огромный, интереснейший, нередко убойный эмпирический материал, перворачивающий представления о многих исторических событиях, их авторы не смогли адекватно концептуализировать его, превратив в особую дисциплину и/или перестроив под определенным углом уже существующие дисциплины. Для этого нужно было вписать конспироштудии в проблематику исторического и теоретического анализа капитализма как системы, поскольку и закрытые («тайные») наднациональные структуры мирового согласования и управления, и возможности небольших по численности групп проектно направлять ход истории или, по крайней мере, пытаться это делать, логически вытекают из социальной природы капитализма, его особенностей.

Более того, именно капиталистическая система (и в таком масштабе только она) порождает закрытые наднациональные структуры мирового управления и согласования, существующие в режиме «заговора», они имманентны ей; по сути ее существования без них невозможно. Они – такая же черта капитализма, как циклы накопления капитала или циклы борьбы за мировую гегемонию и мировые войны; более того, развитие КС теснейшим образом связано с экономическими и политическими циклами капитализма, по ним можно судить о системе в целом, поскольку они воплощают целостные (пространство) и долгосрочные (время) аспекты стороны ее функционирования.

В конце жизни Маркс заметил, что если бы он писал «Капитал» заново, то начал бы с государства и международной системы государств. Сегодня я бы сказал так: если в наши дни писать заново «Капитал» (эта задача весьма актуальна), то начинать надо с того, что с легкой руки И. Ильина называют «закулисой», т.е. с закрытых наднациональных структур согласования и управления – именно они самым фактом своего существования снимают одно из важнейших, базовых проти-

воречий капитализма. Без этого снятия (в гегелевском – *Aufhebung* – смысле) и без структур-персонификаторов этого снятия функционирование капитализма по сути невозможно. Конспирология как процесс и реальность («как воля и представление») – необходимое условие существования капитализма и процесс этого существования одновременно.

Цель настоящей работы – представить историю новоевропейских КС в контексте истории капиталистической системы, как неотъемлемого элемента этой системы, придающего ей заверченный и целостный характер. Иными словами, задача заключается в том, чтобы вписать КС в контекст политэкономической истории капитализма и в то же время представить эту историю в ее трехмерной полноте, а не в обезглавленном (или, если угодно, в кастрированном) виде, ограничившись капиталом и государством. Хронологические рамки данной монографии, представляющей первую часть более крупного исследования, – 1520–1870-е годы (другие части охватывают период с конца XIX в. по первые десятилетия XXI в.). Основные вопросы, о которых пойдет речь, следующие: теоретические аспекты социосистемного функционирования КС; «сборка» в XVI–XVII вв. геоисторического субъекта, создавшего капитализм и КС; первый и второй этап развития конспироструктур в контексте циклов накопления капитала и борьбы за мировую гегемонию, кондратьевских длинных волн и волн революций цен и т.п. В анализе первого этапа (1710–1770-е годы) основное внимание будет уделено масонским структурам и их связям с общим ходом европейской истории. В анализе второго этапа (1770–1870-е годы), более насыщенного и сложного, чем первый, речь пойдет об отложении североамериканских колоний от Великобритании, Французской революции, событиях 1830–1840-х годов, о «длинных 1850-х» (1848–1867/73 гг.), отмеченных взрывом важнейших мировых событий. Естественно, рассматриваться все эти события и породившие их тенденции будут сквозь призму становления и развития КС, их взаимодействия с капиталом и государством, с которыми они совпадали по «принципу кругов Эйлера».

Я прекрасно понимаю, что по объему указанная тематика тянет на несколько толстых монографий или огромный трактат, и возможно когда-нибудь они и будут написаны. Однако в данный момент имеет смысл поступить иначе – так, как это сделал У. Ростоу со своей самой известной и наиболее читаемой работой «Стадии экономического роста» (1961 г.). В предисловии к ней он написал: «Взгляды, выраженные здесь, могли бы быть разработаны в обычной форме научного трактата большого объема с большим числом подробностей и большой академической изысканностью. Но должна быть некоторая польза и в кратком и простом изложении новых идей»¹. Разумеется, сжатость очерка не позволяет избежать некоторой схематичности, минимума в ссылках и т.п., но это издержки жанра, которые должны исчезнуть при превращении очерка в серию книг. Ну а начну я, естественно, с теории, с восхождения от абстрактного к конкретному – с теоретического обоснования не просто существования, а центральной роли КС в капиталистической системе – роли, обусловленной тем, что именно эти структуры снимают важнейшие противоречия капитализма как системы, являясь одновременно его «волей и представлением».

¹ Ростоу У.У. Стадии экономического роста. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961. С. 8.

3. Конспироструктуры как имманентная форма развития капитализма

В экономическом плане капитализм – целно-мировая, наднациональная система, мировой рынок не знает границ; его *locus standi* и *field of employment*, как сказал бы Маркс, – мировой рынок, мир в целом. А вот в политическом плане капсистема – это не целостность, а совокупность, мозаика государств, их международная (*international*) организация, т.е. организация национальных государств. Это одно из серьезнейших противоречий капитализма – противоречие между капиталом и государством, мировым и национальным (государственным).

К середине XIX в., по мере превращения капитализма в целостность, в систему-для-себя или, как сказали бы марксисты, в формацию, т.е. с обретением им адекватной ему материальной (вещественной) базы – индустриальных производительных сил, капитализм получает прочный производственный фундамент. Но индустриальные производительные силы носят **региональный** характер, будучи сконцентрированы в зоне Северной Атлантики, тогда как производственные отношения носят **мировой** характер, вступая в противоречие с государственно-политическими формами и стремясь взломать их. Так противоречие между целостным мировым характером экономики и суммарно-мозаичным национальным характером государственно-политической организации обретает еще одно измерение: мировые производственные отношения (и их персонификаторы) противостоят не мировым, а региональным производительным силам и не мировым же, а национальным государственно-политическим структурам – и их персонификаторам. В результате, во-первых, интересы государств оказываются, как правило, тесно связанными с таковыми промышленников, капиталов реальной, «физической», как сказал бы Л. Ларуш, экономики, а интересы финансистов объективно противостоят и тем, и другим. Разумеется, реальность сложнее, для нее порой характерны различные выверты и комбинации, хитрые переплетения линий вероятности, обусловленные конъюнктурой, обстоятельствами – как историческими, так и семейно-личностными (это хорошо показали в своих романах О. Бальзак, Э. Золя и др.). И тем не менее названное выше базовое противоречие и способы (формы) его снятия остаются определяющими всю эволюцию, всю моторику капитализма. Но мы немного забежали вперед.

У крупной буржуазии, в какой бы стране она ни жила (особенно если это крупная страна), прежде всего у ее финансового сегмента, всегда есть интересы, выходящие за национальные рамки, за пределы государственных границ – своих и чужих. И реализовать эти интересы можно только нарушая законы – своего государства или чужих, а чаще и своего, и чужих одновременно. Причем речь идет не о разовом нарушении, а о постоянном и систематическом, которое, следовательно, должно быть как-то оформлено. Ведь одно дело, когда капиталу противостоит слабая или даже не очень слабая полития в Азии, не говоря уже об Африке – здесь достаточно силового варианта «дипломатии канонерок». А как быть в мире равных или относительно равных: Великобритания, Франция, Россия, Австрия, со второй половины XIX в. – Германия, США? Это совсем другое дело. Здесь уже так просто не забалуешь, нужно не огнестрельное, а организационное оружие, которое оформило бы интересы капиталистических верхушек различных государств, сняло их противоречия с государством и стало бы выражением их целостных (вне- и наднациональных) и долгосрочных интересов.

Таким образом, поскольку товарные цепи на мировом рынке постоянно нарушают государственно-политические границы, нередко вступая при этом в противоречие с интересами «пересекаемых» государств, верхушке капиталистического класса, во-первых, необходимы наднациональные, надгосударственные структуры/организации; во-вторых, эти организации должны быть если не совсем тайными, то закрытыми от широкой публики и, в-третьих, эти организации/структуры должны иметь возможность влиять на государства, воздействовать на их руководителей, лидеров, находясь одновременно и над государством, и над капиталом.

По сути то, чем занимаются эти структуры, иначе чем перманентным и институционализированным заговором не назовешь. А потому речь должна идти о КС. К КС относятся все типы закрытых, в условиях капитализма чаще всего (хотя далеко не всегда) наднациональных структур – масонские ложи, закрытые клубы, тайные общества, организации орденского типа и т.д. КС ни в коем случае не исчерпываются масонерией и квазимасонерией, хотя в XVIII в. и в значительной части XIX в. они были доминирующей формой организации КС. Однако с конца XIX в. и тем более в XX в. возникают новые, более современные формы КС, не отменяющие старые, нередко связанные с ними, но значительно более непосредственно связанные с политикой, экономикой, разведкой.

КС – это третий «угол» капитализма как системы, причем угол, находящийся сверху, над капиталом и государством, располагающимися на одной плоскости. КС – это третье измерение, завершающее систему капитализма и придающее ей целостность. Когда историю капиталистической эпохи пишут и рассказывают как историю только государств(а) и капитала, – это неполная, неполноценная и фальшивая история. Это двумерная история трехмерной системы. Без КС история капиталистической эпохи непонятна – и невозможна. Другое дело, что история КС должна быть вписана в историю капитала (его циклов накопления) и государства (борьбы за гегемонию), а их отношения анализироваться как таковые субъекта и системы. Только в этом случае мы получим целостную, интегральную историю эпохи, а не схему, способную удовлетворить профанов, в том числе и таковых от науки.

КС снимают не только базовое политико-экономическое противоречие, о котором шла речь, но и другие: между различными формами капитала и, соответственно, фракциями капиталистического класса; между государствами.

Представляя одновременно и капитал, и государство, связывая их организационно в такой сфере, которая находится вне государства и вне капитала, КС в то же время оказываются над государством и над капиталом, выражая целостные и долгосрочные интересы капсистемы и выступая таким образом персонификатором целостных и долгосрочных интересов капиталистического класса как ее системообразующего элемента. Здесь необходимо дать рабочее определение капитализма, которым я буду пользоваться: как говаривал Декарт, «il faut définir le sens des mots» – «определяйте значение слов». Если капитал в строгом (системном или, как сказали бы марксисты, формационном) смысле слова – это овеществленный труд, реализующий себя как самовозрастающая стоимость в процессе обмена на живой труд, то капитализм – это социальная система, в основе которой лежит этот процесс. Но это не вполне достаточное определение. Капитализм – это далеко не только капитал: капитал существовал до капитализма и, скорее всего, будет существовать после него. Капитализм – это сложная социальная система, институционально (государство, политика, гражданское общество, массовое образование) ограничивающая капитал в его долгосрочных и целостных интересах (и таким образом продлевающая для него время) и обеспечивающая ему экспансию (пространство).

Экспансия необходима потому, что капитализм – экстенсивно-ориентированная система: как только мировая норма прибыли снижалась, капитализм вырывал из некапиталистической зоны ту или иную часть и превращал ее в капиталистическую периферию – источник дешевой рабочей силы и дешевого сырья. Исчерпание некапиталистических зон (1991 г.) означает асфиксию и относительно скорую смерть, а точнее демонтаж капитализма «властелинами его колец»¹. В этом плане глобализация – терминатор не только Советского Союза, системного антикапитализма, но и капитализма как системы. И весьма симптоматично – диалектика: глобализация в значительной степени есть продукт деятельности КС.

Наконец, есть еще одно важное противоречие буржуазного общества, которое призваны снимать КС. В буржуазном обществе официальная власть не является сакральной, тайна не является ее имманентной характеристикой. Это в «докапиталистических» обществах Азии, Африки и доколумбовой Америки тайна была имманентной характеристикой власти, но эта тайна была на виду, очевидной. Люди знали о тайной власти и о тайне власти, саму власть воспринимали во многом как нечто таинственное, сакральное. Кстати, поэтому в данных случаях в заговоре как **системе**, как особом феномене, строго говоря, особой нужды не было. Разумеется, это не означает отсутствия реальных заговоров и тайной борьбы в этих обществах.

Совершенно иначе обстоит дело с капитализмом как системой. Поскольку в капиталистическом обществе производственные отношения носят экономический характер, а эксплуатация осуществляется как очевидный обмен рабочей силы на овеществленный труд, социальный процесс почти прозрачен: рынок, господство товарно-денежных отношений, институциональное обособление власти от соб-

¹ Подробнее см. об этом: Фурсов А.И. Колокола Истории. М., 1996.

ственности, экономики – от морали, религии – от политики, политики – от экономики (управление экономикой отделяется от административно-политического процесса – «закон Лэйна»), экономики – от социальной сферы. Все это обнажает социальные и властные отношения буржуазного общества. Рационализация экономических, социальных и политических сфер и отношений максимально открывает процессы, происходящие в этих сферах, делает их принципиально читаемыми и превращает в объект исследования специальных дисциплин – экономики, социологии, политической науки.

Власть в буржуазном обществе лишается сакральности и таинственности. Кроме того, помимо государства как ипостаси власти существует гражданское общество. В буржуазном обществе власть – государство и политика – особенно с середины XIX в. если и не просвечивается, то оказывается весьма и весьма на виду, тем более что официально претендует на открытый и рациональный характер. К этому надо добавить избирательную систему с ее правами (в Великобритании – с 1867 г.), а также тот факт, что буржуазное общество (в ядре капсистемы) – единственное, которое легализует политическую оппозицию и пусть лицемерно, но официально провозглашает демократию и права человека в качестве политических принципов. Это, естественно, создает очень серьезные проблемы и для капиталистического класса, и для отражающего его интересы государства, т.е. для системы в целом – проблемы, которые усугублялись и обострялись по мере учащения социальных конфликтов, войн и революций.

Открытый демократический политический фасад самым серьезным образом затрудняет, если вообще не делает невозможным нормальное функционирование капиталистической системы, т.е. реализацию классовых интересов верхушки за счет основной массы населения и в ущерб ей, поддержание власти и привилегий этой верхушки. Поэтому нормальное функционирование здесь политико-экономической системы требует создания закрытого властного контура, тени, завесы – того, в чем не было столь острой потребности до капитализма. Требуется тем сильнее и жестче, чем демократичнее выглядит фасад, который именно по причине своей демократичности и открытости должен быть лишен реальной власти или, она, по крайней мере, должна быть сведена к минимуму. Это и есть еще одна задача КС, рост и усиление которых прямо пропорциональны внешней демократизации буржуазных обществ, тогда как соотношение сил между ними носит обратно-пропорциональный характер, представляя собой игру с нулевой суммой в пользу КС. Повторю: данный аспект развития КС не является результатом злого умысла, а обусловлен противоречием между внешней логикой развития политических институтов как общенациональных и реальными классовыми (в том числе и мирового уровня) интересами господствующего класса. И в данном случае КС – средство снятия острого социального противоречия, неведомого иным, чем капиталистическое, обществам.

По мере публичного «огосударствления» населения, превращения его в граждан как формальных агентов публичной политики пропорционально возрастала роль тайной, закулисной политики, тайной власти, причем не только внегосударственной – масонской и иных тайных обществ, но и самого государства. Последнее в условиях разрастания публичной сферы и роста значения гражданского общества уводило в тень, за кулисы наиболее важные аспекты, стороны и направления своей де-

тельности, реальную власть и ее главные механизмы. И чем бóльшая часть населения получала избирательные права, чем публичнее становилась политика, чем – внешне – демократичнее общество, тем бóльшая часть – особенно в XX в. – реальной власти уводилась в тень, действовала конспиративно, в качестве заговора, срачиваясь с закрытыми структурами. Иными словами, заговор есть обратная, «темная», «теневая» сторона демократии и публичности, по сути – темная/теневая сторона Модерна в его североатлантическом ядре.

В этом плане можно сказать, что конспирология есть анализ одной из важнейших, если не самой важной – темной стороны Модерна, компенсация того, чем не занимается наука об обществе Модерна. В равной степени сами КС это компенсаторная реакция капсистемы на свое вынужденное историческими обстоятельствами отклонение от своей природы. Посредством подобных организаций в интересах верхушки капиталистического класса снимались важнейшие противоречия системы, включая базовое – между экономической целостностью/капиталом и государственно-политической фрагментарностью/государством, между социальным временем и социальным пространством (с глобализацией эта борьба времени и пространства закончилась победой времени, но цена этой победы – исчерпанность капитализма и обусловленная этим задача его демонтажа его же хозяевами). Снималось за пределами видимости данного общества как типа и как реальности для того, чтобы другое противоречие – между трудом и капиталом – не привело к взрыву, т.е. решение одного противоречия диктовалось необходимостью решения другого. И наоборот.

«Окончательным решением» указанного противоречия по задумке «хозяев мировой игры» (О. Маркеев) должно стать нечто вроде мирового правительства. К созданию последнего верхушка капкласса устремилась с XIX в.: в конце XIX в. задача создания мирового правительства была поставлена на повестку дня, а весь XX в. эту «повестку» пытались исчерпать. Забегая вперед, отмечу, что каждый раз на пути решения этой задачи хозяевами Запада, т.е. «хозяевами мировой игры», вставала Россия – сначала царская, а затем советская; в этом – одна из причин «горячей любви» к России и к нам, русским, хозяев капсистемы, особенно британцев (подр. см. ниже).

Итак, создание КС, наднациональных структур мирового управления и согласования – императив для верхушки капиталистического класса, включая операторов мирового рынка, которые стали «капиталистами против своей воли» (Р. Лахман). Однако готовых к употреблению, «естественных» капиталистических организаций наднационального уровня у буржуазии и капитализирующейся аристократии XVIII в., когда эта потребность и задача уже вполне осознавались, не было и не могло быть. Хорошо евреям, которые жили «в порах» современного мира как финикийцы – «в порах древнего мира» (К. Маркс) и могли в своих интересах в качестве наднациональной использовать родственную, семейную систему, как это сделали Ротшильды на рубеже XVIII–XIX вв., и таким образом решить проблему организации наднационального уровня. Отсюда отмеченная многими исследователями, начиная с Карла Маркса и Вернера Зомбарта, тесная связь еврейства и капитализма, синхронность их подъема с начала XVI в., резко ускорившаяся в XIX в. Поэтому, естественно, буржуазия и капиталистически ориентированная аристокра-

тия использовала прежде всего те организации, которые были в наличии, например масонские. Последние начинали выполнять новые функции, в том числе для выяснения династических отношений в новых условиях – мировой борьбы за рынки, а также служа средством борьбы с государством (уже антифеодальным, но еще не буржуазным, а «старопорядковым»), причем не только для буржуазии, но и для других групп.

Вот это «для других групп» заслуживает повышенного внимания, особенно с точки зрения анализа генезиса КС – вместе с капитализмом, ведь это две стороны одной медали. Выше говорилось о том, что КС снимают базовое противоречие капитализма и в этом их функция. Но сказано и о том, что у капиталистического класса готовых структур для выполнения этой функции не было и они приспособляли под это уже существовавшие, в частности, масонские, служившие интересам далеко не только и даже не столько буржуазии, сколько других групп, хотя и связанных с мировым рынком функционально. Старые структуры обрели новое содержание, модифицировавшее их: старые ключи стали отпирать новые замки. Однако в то же время и это содержание испытало на себе мощное воздействие прошлого, тем более что организовавшие эти структуры группы в значительной степени вошли в состав нового капиталистического класса – речь в основном идет о британском капиталистическом классе, хотя и не только о нем.

Дело в том, что на месте разрушившегося и разрушенного в XIV – XV вв. феодализма в Западной Европе возник так называемый Старый Порядок (*Ancien regime* – словосочетание, запущенное в оборот во Франции в 1789 г., чтобы отделить новизну революции и обличить в качестве негатива то, что ее вожди стремились уничтожить, и то, что на самом деле было намного гуманнее их режима), просуществовавший более двух веков. Это уже постфеодальный, но еще не капиталистический строй. По сути Старый Порядок – это антифеодальная машина, заинтересованная в мировой торговле, но вовсе не готовая допускать в первые ряды буржуазии. Короли в Старом Порядке превратились в монархов («монархическая революция» XVII в.), а феодалы – в аристократию, главным образом – придворную (этот процесс хорошо описан Норбертом Элиасом).

Жизнь старопорядковой аристократии была, конечно же, более комфортной, чем жизнь феодальной знати, однако их политико-экономическая «сделочная позиция» по отношению к крепчавшему государству, к монархии ухудшилась¹. Кроме того, они утратили феодальную организацию и вынуждены были довольствоваться теми оргформами, которые предлагало/навязывало им государство. Поэтому еще до того как буржуазия начала активно использовать оставшиеся от прошлого структуры, этим озаботились экс-сеньоры – уже не феодалы, но еще не буржуазия, а землевладельцы и торговцы, связанные с мировым рынком, но еще не подчиненные капиталистическим укладом. Напомню: собственник, будь то крупный или мелкий, превращается в буржуа, а его собственность – в буржуазную только тогда, когда капиталистический уклад ставит под контроль совокупный процесс общественного производства в целом, т.е. становится способом производства. Пока этого не произошло, мы имеем дело с операторами рынка – национального, регионального, ми-

¹ Le Roy Ladurie. L'état royal de Lui XI à Henry IV (1460–1610). P.: Hachette, 1987. P. 94–95.

рового, с «капиталистами против своей воли», но не с буржуазией. Африканский князь, регулярно поставляющий рабов на мировой рынок, функционально является капиталистом (как и директор в СССР времен перестройки, получивший в 1988 г. право выхода на мировой рынок), но ни в коем случае не буржуа.

К активному поиску постфеодальных форм, способных противостоять монархии (как конкретной, так и вообще), подталкивали ту же английскую аристократию и обстоятельства. В конце XVII в. в Англии произошла династическая революция, за ней последовала борьба Стюартов и Ганноверской династии, сыгравшая значительную роль в оживлении масонства и в последующем превращении КС в третьего – наряду с капиталом и государством – субъекта капсистемы, достроившего ее до целостности, а в XIX в. превратившего государство в функцию капитала на мировом уровне. Сам капитал при этом, однако, регулировался КС и в то же время подталкивал их развитие. Последние выполняли капиталистическую функцию и выступали в качестве балансира капсистемы, но вовсе не являлись стопроцентно капиталистическими или тем более буржуазными по происхождению.

Из сказанного выше ясно, что КС – латентно в XVII в. и открыто в XVIII в. – создавал некий субъект. Сам этот субъект, в свою очередь, отчасти был «собран», отчасти собрался сам в Англии, и активное время сборки, генезиса приходится на вторую половину XVI – первую половину XVII в. Как известно, генезис определяет функционирование любой сущности, будь то субъект или система (чаще речь должна идти о субъектосистемах и системосубъектах). Поэтому имеет смысл внимательнее взглянуть на эмбриональную фазу развития КС, поскольку субъект этот имеет к ним самое непосредственное отношение: и они, и капитализм – его детища. И это при том, что, как верно заметил Энгельс, те, кто создал капитализм, – это кто угодно, но только не буржуазно ограниченные люди.

Новоевропейский, а точнее новоанглийский субъект, историческая «сборка» которого началась в 1530–1540-е годы, сконструирован из нескольких элементов. Английская «семерка» факторов/элементов сборки XVI в. была представлена английской знатью; протестантизмом; капиталом – английским и еврейским; английскими пиратами; английскими спецслужбами; тайными обществами и венецианцами. Причем именно последние – количественно незначительный элемент – сыграли в исторической мутации решающую роль, а именно роль катализатора и закрепителя одновременно. Собственно, венецианцы и дали толчок процессу сборки – вопреки несходству с Англией и англичанами, а быть может, благодаря ему. «Венеция и Англия в XVI в., – писал Дж. Арриги, – были совершенно различными типами организации, которые развивались в совершенно различных направлениях, но иногда пересекались друг с другом при движении к своим собственным целям»¹. И действительно, венецианско-английский синтез привел к фантастическому результату, изменившему ход развития Евразии и мира и протянувшемуся в будущее. Вплоть до того, что сторонники Ост-Индской Компании в британском парламенте в 1780-е годы называли себя «венецианской партией».

Весьма показательна популярность в среде британских верхов конца XVIII в. венецианского художника Антонио Каналетто (1697–1768). Его картины покупали

¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. С. 245.

герцог Ричмондский, эрл Карлайл и многие другие, а герцог Бедфорд вообще от-вел под 24 (!) картины Каналетто целый зал. В чем причина такой популярности? Каналетто создал знаменитую серию видов Венеции, на которых город изображен не таким, каким он стал во второй половине XVIII в., а каким он был в XV–XVI вв. – успевающим, уверенным в себе, в обрамлении памятников. Каналетто застал многое из той эпохи. Для британских представителей верхушки такая Венеция была символом успеха: они считали, что именно внешняя торговля, как у венецианцев XV–XVI вв., у которых они приняли эстафету, – мотор власти и богатства, и именно поэтому упивались живописью венецианского мастера¹.

Полтора века спустя, в 1930 г. Ялмар Шахт, призывая европейских банкиров поддержать Гитлера, обосновывал это тем, что Гитлер, наконец, сломает национальные государства в Европе и банкиры получают «Венецию размером с Европу».

С Венецией XIII–XVII вв. отождествляли свою страну не только некоторые влиятельные британцы в конце XIX в., но и некоторые влиятельные американцы в конце XX в.: по их мнению, ситуация США в конце XX в. весьма напоминает положение Венеции в Европе и мире в XIII–XVII вв. За признанием сходства следует призыв следовать венецианским принципам и установкам. Можно смело сказать, что англосаксы – британцы в XVII–XIX вв. и американцы в XX в. – воплотили и развили венецианскую политико-экономическую традицию, разумеется, немало добавив к ней, но не изменив ее суть. Не случайно в современной мировой финансово-политической верхушке довольно много представителей и потомков венецианской знати, которые находятся в родстве с крупнейшими династическими, аристократическими и финансовыми семьями по обе стороны Атлантики.

Именно средневековая Венеция, насчитывавшая в XVI в. 200 тыс. населения, управляемого 40 семьями, а не античные Афины и Рим, во многих отношениях формировала современный Запад. О роли Венеции в истории Европы свидетельствует, помимо прочего, и ее генетическо-генеалогический вклад. Венецианская аристократия дала 17 папских семей, включая Борджа и Орсини; в родстве с ней находились/находятся: Медичи, Сфорца, Бурбоны Франции и Пармы, Савойский дом, баварские Виттельсбахи и еще шесть – семь герцогских и маркграфских домов; выходцами из Венеции являются еврейские семьи Морпурго (финансировали Наполеона), Варбургов (финансировали Наполеона и Гитлера), американских Кэботов (еврейская семья Каботи из Ломбардии, перебравшаяся в X в. в Венецию) и многие другие. По женской линии с венецианской аристократией связаны финансисты и промышленники неаристократического происхождения, например, владельцы «Фиата» Аньелли.

Венеция стала катализатором процесса формирования хищного исторического субъекта новоевропейского Запада, который оказался «чужим» по отношению не только к неевропейским цивилизациям, но и к самой европейской. Но особенно сильным было венецианское влияние на Англию. Как могло произойти, что Англия XVII в. вышла из «венецианской шинели», а точнее, из венецианского кошелька?

¹ Colly L. Britons. Forging the nation, 1707–1837. New Haven and L.: Yale Univ. press, 1992. P. 62.

4. La Serenissima, или «Чужие» в Европе

Венеция «стартовала» как территория, подконтрольная Ромейской империи (Византией ее стали называть немецкие историки с середины XVI в., чтобы единственной Римской империей в истории осталась Священная Римская империя). Однако в IX в. после похода сына Карла Великого Пипина в Северную Италию (810 г.) и заключения договора с Ромейской империей Венеция постепенно освободилась от византийского сюзеренитета¹. Венеция (или, как любовно и гордо называли этот город его жители, La Serenissima, Светлейшая) набрала историческую силу за счет разгрома бывшей метрополии. Венецианская верхушка сыграла большую роль в организации крестовых походов, по сути – международного разбоя, который они направляли вместе с бенедиктинцами и Ватиканом. Ну а организованный венецианцами (дожем был Энрико Дандоло) захват и разграбление Константинополя в 1204 г. во время Третьего крестового похода принес им 400 тыс. серебряных марок и немало других дивидендов, как материального, так и нематериального свойства (начиная от территории – три восьмых византийских владений – и ряда стратегических островов Средиземноморья, включая Крит и Кипр, и заканчивая фактом устранения геополитического соперника). Уже в первой трети XIII в. венецианцы, а также генуэзцы и ломбардцы опутали долговой сетью значительную часть Европы; в качестве политического союзника они использовали папу, поддерживая Рим в противостоянии императору Священной Римской империи. В значительной степени благодаря именно их позиции произошло падение Гогенштауфенов (1268 г.). Итальянские банки подбирали под себя Западную Европу, используя финансовые механизмы; в том же направлении работал орден тамплиеров.

В середине XIII в. венецианцы «запускают» золотой дукат, сохранявший хождение до 1840-х годов. Контролируя богатейшие серебряные шахты в Европе (германские земли, Венгрия, Словения, Балканы), венецианцы наладили обмен серебра на золото с Китаем и, как отмечает А. Дуглас, эта биметаллическая система, «помноженная» на «ось» Венеция – Китай, обеспечила венецианцам беспрецедентные возможности доить реальную («физическую») экономику Европы, которая, благодаря Венеции, время от времени испытывала «серебряный голод». То, как венецианцы наживались на Европе, видно из следующего: ежегодный рост европейской экономики в XIV в. составлял 3–4%, а ежегодная прибыль Венеции – 40% (4 млн дукатов).

¹ Lane F. Venice. A maritime republic. Baltimore and L.: The Johns Hopkins Univ. press, 1973. P. 5.

В первой трети XIV в. европейские монархии нанесли ростовщикам мощный удар. Сначала Филипп Красивый разгромил орден тамплиеров во Франции. Часть тамплиеров бежала в Шотландию, часть – в Португалию (именно это стало основой будущих тесных исторических связей между Шотландией, а затем и Англией, и Португалией). Затем английский король Эдуард III отказался платить по долгам флорентийским банковским домам: в 1343 г. – Перуцци, а в 1345 г. – Барди, обанкротив их и ввергнув европейскую финансовую систему в состояние хаоса¹. В историческую память итальянцев крах банков Барди и Перуцци вошел как катастрофа, о которой помнили даже в XX в.: во время Второй мировой войны Муссолини (возможно, желая погрозить своим бывшим британским вербовщикам и кураторам) заявил, что после победы заставит британцев вернуть долг Эдуарда III с набегавшими за 600 лет процентами. Даже в середине XV в., т.е. по прошествии ста лет после падения Барди и Перуцци, Медичи, банкирам новой эпохи, не удалось достичь их уровня.

Генуя и Венеция тоже пострадали от финансового хаоса второй половины XIV – первой половины XV в., усугублявшегося эпидемией чумы, экономическим кризисом и социальными волнениями. Однако в XV в. ситуация начала меняться. Сначала уже к середине XV в. при доже Франческо Фоскари венецианцы захватили значительную часть Северной Италии, продвинувшись на *terraferma* до Бергамо, где лев Св. Марка столкнулся со змеем Милана. Эти новые владения, пишет Д. Абулафия, сыграют свою роль в XVI – XVII вв., когда Венеция начнет разворачиваться на запад². Как заметил Ф. Бродель, овладев в первой половине XV в. Падуей, Вероной, Брешией и Бергамо, Венеция выкроила себе миниимперию, которая прикрывала ее со стороны Италии,³ – это тоже был вклад в будущее. И все же главным источником поправления дел Венеции стал, как и в начале XIII в., Константинополь. Венецианцы, (а с ними генуэзцы) решили свои проблемы за счет Ромейской империи, где правила династия Палеологов (греческая ветвь итальянской семьи Витербо, имевшая тесные связи с Медичи). Как и в 1204 г., Венеция объединила усилия с Ватиканом (а также с Генуей); есть сведения, что они помогли Мехмеду II деньгами, а часть генуэзских наемников на службе Ромейской империи оказались предателями и открыли ворота города противнику.

Позиция венецианцев не должна удивлять, и дело не только в том, что финансово-политические выгоды перевешивали религиозные христианские чувства: «ценности становятся весьма эластичными, когда речь заходит о власти и прибыли», комментирует такие ситуации И. Валлерстайн. Дело еще и в другом. Как отмечает А. Чайткин, в раннее средневековье венецианская торгово-политическая элита в значительной степени формировалась из представителей купеческих династий Константинополя, выходцев из богатого района Фанар. «Фанариоты», в свою очередь, были в основном выходцами из Леванта, т.е. Восточного Средиземноморья. Для этого региона было характерно смешение различных этносов, культов и

¹ Gimpel J. The medieval machine. The industrial revolution of the Middle Ages. L.: Wildwood House, 1976. P. 102, 224–225.

² Abulafia D. The great sea. A human history of the Mediterranean. L.: Penguin, 2011. P. 413.

³ Braudel F. Civilization matérielle, économique et capitalisme. XV–XVIIIe siècle. P.: Armand Colin, 1979. Vol. 3. Le temps du monde. P. 135.

традиций, религиозных и магических верований, причем нередко магия оказывалась сильнее религии, наряжаясь в ее одежды, будь то христианство (гностики) или позднее ислам (псевдоислам течения «Донмё», из которого в конце XIX в. вышли лидеры младотурок).

Таким образом, в Венеции оказались представители родов, которые были псевдохристианами, придерживавшимся на самом деле либо традиций гностицизма, либо традиций древневосточных религиозных и магических культов – финикийских и особенно вавилонских. Показательно, что символ Венеции – крылатый лев, весьма распространенный на древнем Ближнем Востоке. Кстати, крылатый лев св. Марка, расположившийся на одной из колонн Пьяцетты, по-видимому, персидского происхождения (IV в. н.э.).

Таким образом, за формально христианским, католическим фасадом Венеции/собора св. Марка пряталась иная традиция, скрытно противостоящая христианству или, как минимум, альтернативная ему. В связи с этим отношение Венеции к Ромейской империи, с одной стороны, и к католическому миру, Ватикану, с другой, определялось не только финансово-экономическими резонами, но и идейно-религиозными: и в этом плане, а не только в финансовом Венеция выступала по отношению к христианской Европе в качестве «чужого».

Казалось, перед Венецией открываются радужные перспективы, особенно после того, как турки не без помощи венецианцев и с помощью генуэзцев захватили Константинополь (1453 г.) и венецианцы в благодарность получили свои «бочку варенья и корзину печенья» – по сути Османы передали в их руки кураторство дипломатией и разведкой Османской империи. Однако ситуация начала работать против Венеции.

Во-первых, Османская империя была намного сильнее приходящей в упадок Ромейской, у нее были свои торговые интересы на Востоке и она объективно если не перекрывала, то затрудняла венецианцам торговлю с Востоком. Венеция исходно была восточно-ориентированным городом: в то время как все остальные города-коммуны Северной Италии смотрели либо на север, в сторону императора, либо на юг, в сторону папы, Венеция повернулась ко всему этому и даже к Италии спиной и смотрела на восток¹. И вот эта ориентация ставилась под угрозу. Как заметил Р. Краули, Османы грозили разрушить брак Венеции с морем² – Средиземным, разумеется.

Во-вторых, португальцы (Вашку да Гама) проложили новый путь в Азию – вокруг Африки, оставив венецианцев в «геоторговом офсайде». Посол Венеции в Каире сказал, что открытие пути на Восток вокруг Африки – это «*causa de grande ruina del stato Veneto*» («причина огромного ущерба государству Венеции»)³.

В-третьих, в 1509 г. против венецианцев в Камбрейской лиге объединились почти все крупные европейские государства (кроме Англии), включая Священный престол, и в 1511 г. Венеция потерпела поражение. Полного стирания из Истории

¹ Norwich J.J. A History of Venice. N.Y.: Alfred Knopf, 1982. P. 182.

² Crowley R. City of fortune. How Venice won and lost a naval empire. L.: Faber and Faber, 2011. P. 298.

³ Findlay R., O'Rourke K. Power and plenty. Trade, war, and the world economy in the second millennium. Princeton and Oxford: Princeton Univ. press, 2007. P. 204.

венецианской олигархии удалось избежать только путем подкупа папы Юлия II (первый римский первосвященник, труп которого забальзамировали).

Таким образом, в начале XVI в. Венеция оказалась в весьма трудном положении, и ее верхушка стремилась сделать все, чтобы больше не оказаться один на один со всей Европой. Для этого нужно было, во-первых, заручиться поддержкой какой-либо из европейских держав, плотно привязав ее в финансовом плане; во-вторых, сделать так, чтобы Европе было не до Венеции, т.е. разжечь в ней конфликт. Внешнеполитическая ставка была сделана на Габсбургов. Здесь венецианцы перехватили эстафету у генуэзцев. Последние, контролируя в финансовом плане Бургундию (XV в. в истории Франции именуется «бургундским» – по роли и значению этого герцогства) и франкоговорящие швейцарские кантоны, весьма поспособствовали брачному союзу бургундского дома и Габсбургов. Результат – контроль над Испанией, а следовательно и Португалией (недаром Дж. Арриги первый цикл накопления капитала назвал генуэзско-иберийским, подчеркивая его симбиотический характер). Теперь нужно было протолкнуть Габсбурга на трон Священной Римской империи, и венецианцы этим активно занялись.

Их серебро, пришедшее через немецких ростовщиков (с середины XVI в. шло активное освоение венецианцами юга Германии: в Нюрнберге и Аугсбурге возникли «венецианские кварталы»¹, в тесном контакте с венецианцами работали Фуггеры), помогло Карлу I Габсбургу стать императором Священной Римской империи Карлом V; у его конкурента французского короля Франциска I не хватило денег на подкуп выборщиков. Франциск I готов был заплатить курфюрстам-выборщикам 3 млн крон золотом. У внука Максимилиана I Карла I таких денег не было, и тогда за дело взялись венецианцы, призвав Фуггера, который обеспечил сумму большую, чем та, что располагал французский король. К 1515 г. скупка голосов достигла цели – Карл стал императором². Один нюанс: поддержка избрания Карла против Франциска не помешала венецианцам буквально через несколько лет профинансировать Франциска I в войне с Карлом V, которого, в свою очередь, финансировали генуэзцы³. А вместе они делали одно общеитальянское дело, разжигая и поддерживая конфликт, суливший хороший гешефт и отвлекавший внимание от их городов. В 1523 г. Якоб Фуггер Богатый (1459–1525) писал Карлу V, что без его, Фуггера, помощи «его величество не получили бы римскую корону», но он, естественно, умалчивал о том, что значительную часть суммы предоставили венецианцы – то была их политическая игра, направлявшая экономическую игру Фуггеров. Остается сказать лишь то, что результатом этой венецианской игры были итальянские войны между Испанией и Францией, продолжавшиеся всю первую половину XVI в.

В финансовом плане Испанию венецианцы и генуэзцы контролировали вместе; германские княжества были в основном зоной влияния венецианцев, а швейцарские кантоны – генуэзцев. Впрочем, постепенно венецианцы наращивали свое присутствие и там; финал этого процесса наступил через несколько столетий, в 1815 г.

¹ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P.: Armand Colin, 1990. P. 256–257.

² Норден А. Некоронованные властители. М.: Прогресс, 1978. С. 66–67.

³ Маккенни Р. XVI век. Европа: экспансия и конфликт. М.: Росспэн, 2004. С. 317.

В том году венецианец по происхождению дипломат Российской империи граф Каподистриа разработал для Священного союза документ, которым де-факто создавалось государство Швейцария¹ – в значительной степени как дополнительная «камера хранения» богатств венецианских семей и «зона» страховых компаний. Показательно, что конкретным содержанием специальной декларации по Швейцарии занимался английский посланник Стратфорд Кеннинг, с результатами работы которого согласился Каподистриа².

После наполеоновского удара венецианские капиталы нужно было перевести в более безопасное место, им и стала Швейцария. Здесь довольно быстро оформился финансовый и родственник союз венецианских и местных протестантских семей (напомню, что протестантизм – наиболее иудаизированная версия христианства, неплохо сочетающаяся с гностическим учением и т.п.). Вернемся, однако, в XVI в., в эпоху Итальянских войн.

Эти войны были не единственным европейским конфликтом, к которому в своих политических и финансовых интересах приложили руку венецианцы. Сразу же после поражения от Камбрейской лиги венецианцы, еще недавно подкупившие папу, начали спонсировать критиков и противников католической церкви Рима, обеспечивая финансовую поддержку Реформации. Ну а когда реформационный «процесс пошел» и набрал скорость, они решили «уравновесить» его и начали поддерживать Контрреформацию – финансировать ее, способствуя борьбе с Реформацией. В частности, именно Венеция активно работала на создание ордена иезуитов. Крптоиудея (по другой версии – представитель древней баскской фамилии) Игнатия Лойолу, основателя ордена иезуитов, рекомендовала для решения этой задачи одна из старейших и знатнейших венецианских семей – Контарини³. В результате – «два шара в лузу»: католики-контрреформаторы получили грозное оружие, само наличие которого углубляло и ужесточало религиозный конфликт в Европе, а семья Контарини и вместе с ней венецианская олигархия получали в свои руки разведку, если угодно, спецслужбу общеевропейского масштаба.

В середине XVI в. Итальянские войны закончились, и венецианцам понадобился новый конфликт. Именно они подстрекали Филиппа II (сын Карла V, сменивший его на престоле в Испании) начать «крестовый поход» против голландских протестантов, разворачивающих антииспанское движение. У этого движения несколько причин, причем обычно подчеркиваются испанский гнет и т.п. Но была и другая сторона медали. В 1557 г. Вальядолидским декретом Филипп II приостановил платежи и запретил вывоз золота из Испании, поскольку наживались на этом золоте кто угодно, включая голландских купцов, но только не испанцы. Фуггеров декрет подкосил раз и навсегда, Антверпен и антверпенская биржа получили удар, от которого не смогли оправиться (центр северо-европейской торговли на короткий отрезок времени переместился в Гамбург, а затем вернулся в Голландию – в Амстердам, и оставался там почти сто лет). Итальянские, немецкие и английские банкиры по-

¹ Douglas A. Italy's Black prince: Terror war against the nation-state // Executive intelligence review. 2005, Febr., 4. P. 69.

² Петров И. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург: Циркон, 2006. С. 313.

³ Chaitkin A. Treason in America. From Aaron Burr to Averell Harriman. Washington: Executive intelligence review, 1999. P. 148.

кинули Антверпен, и это отсечение от испанского золота стало одним из факторов, подхлестнувших так называемую «нидерландскую революцию».

Подстрекали Филиппа II наказывать голландцев не только венецианцы, к ним присоединились генуэзцы: если в XII–XV вв. Венеция и Генуя были непримиримыми противниками, то в новых условиях XVI в. при сохранении определенной конкуренции эти два города стали часто выступать в союзе. Генуэзцы, перехватив у Фуггеров финансирование Испании, давали Филиппу в долг под 70%. Филиппу было чем платить, испанские колонии Мексика и Перу с XVI до почти середины XIX в. обеспечивали миру 80% его серебра, именно миру и прежде всего генуэзцам и венецианцам, поскольку это серебро тут же уходило из Испании.

Для утилизации этого потока венецианцы в 1587 г. создали свой первый государственный банк – Banco di Piazza di Rialto (его вскоре поглотил Banco del Giro, но начало созданию госбанков в Европе было положено), а генуэзцы – Безансонские ярмарки в Пьяченце (Северная Италия), но за генуэзцами и флорентийцами стояли венецианцы.

«Биметаллические контакты» с Китаем, где в 1570-е годы был введен единый налог серебром, и финансовое ограбление Испании (в том числе с помощью бунта голландских провинций, который вульгарные марксисты окрестили «голландской буржуазной революцией») позволили венецианцам к 1600 г., когда их сундуки стали ломиться от денег, не только выплатить государственный долг, но и обеспечить наличие 12 – 14 млн дукатов в казне. Часть получаемых из Испании в качестве процентов средств венецианцы переправляли голландцам, финансируя их борьбу против испанцев, т.е. организуя войны, бунты – разжигая конфликт. Как цинично заметил в конце XVI в. венецианский посол в Испании, раньше нужен был всего лишь 1 млн дукатов, чтобы организовать войну в Европе, но теперь из-за инфляции это стоит дороже. В то же время некоторые голландцы, причем высокостатусные, преследуемые испанцами на родине, находили убежище в Венеции¹. В условиях общеевропейского религиозно-политического конфликта, развитию которого венецианцы активно способствовали, они могли решать свои проблемы: пожар в Европе обеспечил им «breathing space» («пространство для вдоха») продолжительностью почти в столетие. И «пространство» это было нужно тем более, что согласия по вопросу, как и где решать эти проблемы, у венецианской верхушки не было. Более того, разногласия именно по этому вопросу привели в 1582 г. к серьезнейшему конфликту в венецианской верхушке.

В течение всего XVI в. шло перемещение торговых путей, возникла североатлантическая мир-экономика/мир-система с Западной Европой в качестве ядра. Во время замужества Марии Кровавой, английской королевы, законной дочери Генриха VIII, за испанским королем Филиппом II, сыном Карла V, казалось, что это единое ядро станет основой могучей испано-английской католической империи – супруги были католиками. Однако в 1558 г. Мария умирает от рака и королевой становится не вполне законная дочь Генриха VIII Елизавета, сплотившая вокруг себя протестантов, ярых врагов католицизма, папы и Испании. Ядро раскололось, и началась острая борьба между его частями за то, кто будет хозяином североатлантической мир-системы. Ины-

¹ Пиренн А. Нидерландская революция. М.: Соцэкгиз, 1947. С. 265.

ми словами, центр европейской и мировой торговли начал разворачиваться в сторону Америки и океана, смещаясь на крайний запад Европы, далеко от традиционной венецианской зоны влияния, которая в новых условиях оказывалась периферийной. И хотя в конце XVI в. объем венецианской торговли вдвое превосходил объем английской и французской торговли вместе взятых (3 млн дукатов против 1,5 млн), главный экономический «навар» варился далеко от Средиземноморья. Да к тому же оно становилось все менее безопасным. В связи с этим уже в 1570-е годы в среде венецианской аристократии начались споры о будущем. В 1582 г. эти споры вылились, как заметил А. Дуглас, в самую острую схватку внутри венецианской аристократии, открывшую счет новому времени в истории Венеции. По ироническо-историческому совпадению именно в 1582 г. по указанию папы Григория XIII был введен новый календарь – григорианский. Разрабатывала его специальная комиссия, главную роль в которой играл Игнатий Данти (1536–1586) – известный математик и астроном из Болонского университета¹, который наряду с Падуанским был интеллектуальной и идейной цитаделью венецианцев.

В среде венецианской аристократии столкнулись два подхода, два проекта, два «больших дизайна» будущего, за которыми стояли так называемые «старовенецианская» и «нововенецианская» «партии»² («партии», естественно, не в современном смысле слова – отсюда кавычки, а группировки). Обе группировки исходили из того, что нужно сместить центр активности на запад и ставить под контроль тот или иной «центр силы» в Европе. При этом, однако, «старовенецианцы» считали необходимым упрочение и развитие контроля над Ватиканом и Испанией, а «младовенецианцы» считали это направление бесперспективным и выступали за установление контроля над удаленной от Испании и не только ведущей с ней борьбу, но и получившей от нее значительные экономические дивиденды Голландией. Последняя, помимо прочего, отчасти походила на Венецию своей «амфибиоподобностью». Верх взяли «младовенецианцы», и венецианский лев прыгнул, а точнее перелетел на своих вавилонских крыльях в Голландию. Следы «прыжка» сохранились на голландских картах конца XVI–XVII вв. – на них контуры Голландии стилизованы под очертания льва.

«Старовенецианцы» вынуждены были подчиниться, не прекратив, однако, свои активные контакты с папой и испанским престолом. Однако эти «игры престолов», а точнее, «игры с престолами» работали на общевенецианское дело, став элементом в политико-экономическом разделении труда: «яйца» не складывались в одну «корзину», а сами «корзины» можно было стравливать между собой.

В Голландии венецианцы развили бурную деятельность. Прежде всего они сделали все, чтобы привязать деловую активность голландцев к своим интересам.

¹ Селешников С.И. История календаря и хронологии. М.: Наука, 1970. С. 66.

² Не путать со «старыми» (*vecchi*) и «молодыми» (*giovanni*) родами Венеции, «старые» – те, что получили дворянство до 1297 г., когда благодаря действиям дожа Пьетро Гардениго и его сторонников был «реформирован» Большой Совет (*il Maggiore Consiglio*) и Венеция обрела завершённое аристократическо-олигархическое устройство. С 1297 г. по сути прекратилась запись в Золотую книгу новых представителей знати, которая таким образом разделилась на «старую» и «новую» (см.: Lane F. Venice... P. 182; Zorzi A. La repubblica del Leone. Storia di Venezia. Milano: Tascabili Bompiani, 2008. P. 144 и след.)

Средством такой интерпретации стало создание в 1602 г. голландской Ост-Индской Компании. Однако еще раньше, в 1594–1597 гг., Голландская республика, опираясь на капиталы и связи бежавших с Иберийского полуострова евреев, перехватила контроль над распределениями «колониальных товаров» в Северной Европе; основой этого стал реэкспорт в Германию специй, доставлявшихся из Португалии¹.

Вместе с голландскими (точнее, еврейскими²) купцами они открыли амстердамскую биржу, а в 1609 г. Амстердамский банк – *Wisselbank*, который контролировался 2 тыс. депозитариев и был главным в Европе до первых десятилетий XVIII в., т.е. до того времени, когда пик Голландии в мировой экономике остался на полстолетие в прошлом.

Венецианцы первыми признали Голландию в 1619 г., годом раньше в Европе началась война, которой суждено было стать первой общеевропейской и продлиться 30 лет (1618–1648 гг.). Эта война стала катастрофой для огромной части континентальной Европы, и хотя венецианцы, пусть косвенно, но вполне сознательно, приложили руку к ее «организации», война создала прямую и явную угрозу их новой зоне/среде обитания – Голландии. Геоисторически ушлым венецианцам стало ясно, что Голландия – угрожаемое, небезопасное и уязвимое место. «Подобно португальцам, – пишет Л. Дехийо, – голландцы были уязвимы, но по другим причинам. Земноводный ландшафт Голландии служил более эффективной защитой против нападения с континента, но в других отношениях Голландии приходилось действовать в неблагоприятных условиях»³. Не меньшее значение имело и то, что Голландия с конца XVI в. уже была в значительной степени занята еврейским капиталом – сюда по причинам местной веротерпимости и гешефтно-экономической выгоды бежали из Испании и Португалии еврей-марраны. Марраны – это иберийские евреи, формально, внешне принявшие христианство, но втайне, подпольно сохранившие свою веру – криптоиудеи, которых преследовали власти и инквизиция. «До середины XVII в., – пишет С.М. Дубнов, – еврейская колония в Голландии могла бы называться “Новой Испанией” или “Новой Португалией”, так как ее составляли почти исключительно марраны, уходившие из стран инквизиции. Тогда Голландия была сефардским центром. Только со второй половины XVII века усиливается иммиграция ашкеназов»⁴ (из Восточной Европы).

Марраны сыграли огромную роль в голландском рывке начала XVII столетия, подготовительную работу для которого провели венецианцы и генуэзцы во второй половине XVI в. Несколько преувеличивая роль соплеменников и, по-видимому, ничего не зная о роли венецианцев, Г. Грец в целом верно констатирует: «Несомненно, что только марранские капиталы сделали возможным основание

¹ Israel J.I. *The Dutch republic. Its rise, greatness, and fall. 1477–1806.* Oxford: Clarendon press, 1998. P. 319.

² Зомбарт В. *Евреи и экономика* // Зомбарт В. *Собр. соч.* СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. II. С. 194.

³ Дехийо Л. *Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе.* М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 88.

⁴ Дубнов С.М. *История евреев в Европе.* Иерусалим: Гешарим, 5764; М.: Мосты Культуры, 2003. Т. 4. *Новое время (XVII–XVIII века). Переходная эпоха до Французской революции 1789 г.* С. 226.

огромных заморских обществ и снаряжение торговых экспедиций (Maatschappij van dege), в которых приняли деятельное участие и португальские евреи»¹.

Неудивительно, что значительная часть акционерного капитала голландской Ост-Индской Компании принадлежала евреям-марранам (именно на акциях этой компании в Амстердаме XVII в., а не в Генуе XIII в. стала впервые осуществляться биржевая спекуляция, считает В. Зомбарт); они присутствовали во всех колониальных структурах Голландии и играли определяющую роль в ведении плантационного хозяйства в Бразилии, причем даже после того, как португальцы перехватили эту колонию у голландцев². «Еврейский капитал, – пишет Г. Грец, – играл большую роль на амстердамской бирже, имевшей тогда (в XVII в. – А.Ф.) мировое значение. Активные участники Ост-Индской и Вест-Индской компаний, еврейские капиталисты много содействовали эксплуатации богатств Нового Света и влияли на международный рынок. Владея большим количеством акций обеих компаний, они развили к концу XVII века сильную спекуляцию этими акциями на голландских биржах. Разбогатевшие таким способом финансисты часто приходили на помощь государственной казне; они стояли близко к штатгальтерам Голландской республики и оказывали ей важные услуги. Евреи неоднократно выказывали свою привязанность к штатгальтерам из Оранского дома, единственным в Европе правителям, не преследовавшим своих еврейских подданных»³. Неслучайно штатгальтер Вильгельм Оранский (1672–1702) особо покровительствовал евреям, поощряя их коммерческую деятельность.

У венецианцев не было противоречий ни с евреями вообще, ни с марранами. В самой Венеции уже в 1152 г. было еврейское поселение численностью в 1300 чел., в XVI в. еврейская община выросла до 6000 чел. Марраны бежали в Венецию и внесли большой вклад в интеллектуальную жизнь города, сформировав его определенные традиции⁴. Один из крупнейших банкирских домов Венеции – дом Липманов – был еврейским⁵, а среди венецианских знатных семей были еврейские. Зафиксированы случаи выступлений венецианцев в защиту марранов, не говоря уже об общем бизнесе, в частности, в Голландии. То есть острого противоречия между венецианским и еврейским капиталом не было. И тем не менее Голландия оказалась экономически уже в значительной степени занята, что дополнялось ее растущей в условиях кризиса XVII в. геополитической уязвимостью. Единственной альтернативой Голландии была Англия – мало того, что остров, отделенный от континента естественным «рвом» – проливом, но государство с очень сильной потенцией превращения в ядро североатлантической мир-экономики. К тому же в Англии (до середины XVII в.) не было конкурентного еврейского капитала (после изгнания евреев из страны) и, что не менее важно, Англия была уже подготовлена венецианцами в качестве запасной площадки – они работали над этим с конца

¹ Грец Г. История евреев с древнейших времен до настоящего времени. М.: М-ОКО, 2002, т. 10. С. 393.

² Зомбарт В. Евреи и экономика... С. 147, 228.

³ Г. Грец. Ук. соч. Т. 10. С. 227–228.

⁴ Kindleberger. Ch.P. World economic primacy, 1500–1990. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. press. 1996. P. 58.

⁵ Зомбарт В. Евреи и экономика... С. 193.

1520-х годов, т.е. в течение почти столетия. В Англии уже развивался процесс сборки нового социосистемного и геоисторического субъекта, имевшего «семь источников, семь составных частей». Одним из этих частеисточников, причем особым, катализирующим стали венецианцы. Так или иначе, новый субъект сложился бы и без них. Но без них, без их «вещества, энергии и информации» он едва ли стал бы таким, каким стал, да и процесс шел бы значительно медленнее.

5. Английская семерка, или Как осуществилась сборка североатлантического геоисторического субъекта¹

В XVI–XVII вв. в Англии возник новый геоисторический субъект – североатлантический. Будучи по форме и в значительной степени по содержанию английским, по своей ориентации и функции он был североатлантическим, наднациональным. По мере его развития наднациональная, мировая потенция и функция становились все более мощными, пока в XX в. этот субъект не стал и по содержанию практически полностью мировым. Голландцы, евреи, венецианцы, представлявшие корону/знать/капитал и выполнявшие функцию социального клея, цемента, – вот те этнические группы, сыгравшие свою роль в формировании североатлантического геоисторического субъекта на английской почве и с разрешения англичан. Семеркой факторов, сформировавших этого субъекта (генезис определяет функционирование системы) были: 1) специфика английской монархии и знати; 2) протестантизм, который великолепно лег как на английские средневековые традиции индивидуализма и прагматизма, столь ярко проявившиеся в номинализме Оккама, так и на иудаизм, активизировавший свое проникновение в Англию в XVII в.; 3) политическая и интеллектуальная традиция Венеции; 4) деятельность еврейского торгово-ростовщического капитала; 5) международно-криминальный аспект английского первоначального накопления; 6) роль тайной войны, а следовательно спецслужб, разведки и шпионажа в становлении и победах английской монархии во второй половине XVI в.; 7) латентная деятельность тайных обществ XVII в. Это и есть семерка – английская по форме и отчасти по содержанию и наднациональная североатлантическая по функции, с явной мировой, океанической направленностью.

В конце 1520-х годов английский король Генрих VIII тщетно добивался от папы разрешения на развод со своей женой, Екатериной Арагонской. Главный католик не желал этого развода, и Генрих оказался в тупике. И тут венецианцы при дворе английского короля дали ему совет: обратиться, во-первых, к другому иерарху – к настоятелю собора св. Марка в Венеции, который благодаря финансовой мощи

¹ Я благодарен Рейчел и Аллену Дуглас за то, что они обратили мое внимание на ряд работ (некоторые из них они мне прислали), без которых этот раздел был бы более бедным и скучным.

Венеции относительно независим от папы; во-вторых, к иудеям, к раввинам, религия которых, как объяснили королю, древнее и в этом смысле авторитетнее христианства и которые благодаря более древней традиции обладают намного большим опытом в матримониальных делах, чем католическая церковь¹. Вскоре уже два венецианца – Франческо Зорзи, прокуратор собора св. Марка, и раввин Марко Рафаэль (его прямой потомок – физик Нильс Бор) прибыли в Лондон «на помощь» Генриху.

Зорзи – интереснейший персонаж. Это представитель старого, знатного и богатого рода, давшего Венеции одного дожа, одного кардинала, 11 – в разное время – прокураторов собора св. Марка, крупных землевладельцев Далмации, Греции и Ионических островов. Сам Зорзи был прокуратором собора св. Марка, т.е. хранителем венецианских богатств, «складом» которых был собор св. Марка; прокураторов было 12 и именно из них выбирали дожа. Сам же собор был и святилищем и одновременно крупнейшим банком европейского масштаба. Эта традиция сочетания в христианском храме «монетаризма» и магии денег с идейно-религиозным контролем восходит к Вавилону и придает христианским (в данном случае – венецианско-католическим) священникам определенные черты и характеристики жречества, которое служит не столько Богу-отцу, Богу-сыну и Святому духу, сколько кому-то другому (уж не Мардуку ли – верховному божеству Вавилона и воплощению всех вавилонских божеств?). Зорзи был сторонником нумерологического мистицизма, а потому главным «идеологическим» врагом его и венецианской интеллектуальной традиции были рационалист Николай Кузанский с его «Concordantia catholica» и Данте с его «De Monarchia», где предлагалась идея национального государства, неприемлемая для венецианцев.

В 1533 г. Екатерину Арагонскую под «идейно-дипломатическим» руководством венецианских прокуратора собора св. Марка и раввина изгнали, и это привело к трем последствиям, которые оказались весьма выгодными не только для части английской знати, но и для венецианцев и самих по себе и в качестве нового сегмента, активно интегрировавшегося в английское общество². Во-первых, Генрих разорвал отношения с Римом (акт о супрематии 1534 г.) и начал у себя в стране протестантскую Реформацию; конфискованные земли активно скупались купцами, в том числе неанглийскими (генуэзцы – например, семья Паллавичини, венецианцы, евреи). Так начала формироваться современная британская олигархия. Во-вторых, венецианцы начали активно влиять на ситуацию в Англии, прежде всего в сферах знания, торговли, разведки. В-третьих, Англия и Испания стали смертельными врагами, войны между которыми длились в течение столетий. Значительную роль в развитии антииспанских настроений Генриха VIII сыграл Зорзи, который организовал разведку английского короля.

В 1546 г. под руководством венецианцев в Кембриджском университете был создан Тринити-колледж – самый крупный и богатый из 31 кембриджского колледжа. Сегодня колледж занимает четвертое или пятое место по земельным богатствам после королевской семьи, National Trust и англиканской церкви; его декан назначается

¹ Isherwood C. Zorzi: Venetian sex-adviser to Henry VIII // The new citizen. 2011. Oct. / Nov. P. 12.

² Подр. см. Isherwood C. Ук. соч.

короной. В колледже позднее училась практически вся британская элита – короли, члены королевской семьи, аристократы, члены семейства Ротшильдов и других финансовых олигархов. Фундамент всего этого заложили венецианцы, влиявшие, естественно, не только на Тринити-колледж, но и на Кембридж в целом.

Задачей Кембриджа всегда было готовить интеллектуальную элиту и определять интеллектуальную (идеологическую) повестку дня – это было так уже в XVI в. благодаря мощному интеллектуальному влиянию венецианцев и той поддержке, которую они получили от некоторых представителей английской знати, в частности от семьи Сесилов. П. Джонсон писал по этому поводу: «Большинство по-настоящему могущественных сил, как правило, ускользают от взглядов исследователей – именно потому, что им удается представить себя носителями национальных интересов или выразителями мнения большинства. Выдающимся случаем был “Кембриджский интерес” середины XVI в. – протестантский, но не кальвинистский; гуманистический, но вместе с тем епископальный и роялистский; в течение полустолетия им умно руководил Уильям Сесил, лорд Бергли»¹ – одна из центральных фигур английской разведки и контрразведки, затмевающая даже Уолсингема².

Венецианцы сыграли значительную, но не афишируемую роль в создании английской разведки и ее сети в Европе. Они поставили на службу новому «месту прописки» свою изошренную разведку с ее уникальным тысячелетним опытом, об опыте политических интриг и организации заговоров венецианской верхушки и говорить не стоит. «Ни одно европейское правительство не было вовлечено в мрачный мир интриг так глубоко, как правительство светлейшей республики. Каждое посольство и даже каждая иностранная семья были буквально нашпигованы венецианскими агентами, сообщавшими непосредственно страшному Совету десяти³ во всех подробностях о приходах и уходах, о вскрытых письмах и подслушанных разговорах. Специальная слежка велась за наиболее известными куртизанками; некоторые из них состояли на жалованьи государства за то, что сообщали содержание разговоров в постели, могущих представлять интерес для шантажа и других целей»⁴. На венецианцев работали, естественно, не только куртизанки, но представители различных слоев населения Европы – от аристократии до прислуги. Так, одна из служанок английской королевы Марии, дочери Генриха VIII и жены Филиппа II Испанского, была осведомительницей посла Венеции в Лондоне Мишеля⁵. Полученная из разных стран информация стекалась в Венецию, в Совет десяти, который «предпочитал исполнять наиболее отвратительные свои обязанности тайно»⁶.

¹ См.: Spectator, 2008. June, 28.

² Подр. см. Alford S. Burghley: William Cecil and the court of Elisabeth I. New Haven and L.: Yale Univ. press, 2008.

³ Учрежденный в 1310 г. Совет десяти мог приговорить к смерти, причем тайно, любого жителя Венеции. Приговор исполнялся тайным наемным убийцей – «браво». Ф. Купер написал об этом роман «Браво».

⁴ Норвич Дж. Средиземное море. История Средиземноморья. М.: АСТ, 2010. С. 440.

⁵ Эрикссон К. Мария Кровавая. М.: АСТ, 2002. С. 556.

⁶ Норвич Дж. Ук. соч. С. 440.

Без разведкклада венецианцев нелегко представить себе и многие успехи елизаветинского правления, и тот факт, что самой Елизавете удалось избежать столь многих покушений. Разумеется, и сами англичане не сплеховали, но надо помнить и об учителях. Кстати, учеником венецианцев был и знаменитый Джон Ди – астролог, математик и разведчик Елизаветы I, подписывавший свои донесения «007». Он же – автор доктрины «Зеленой империи» («Зеленой земли»), в состав которой под контролем Англии входили бы Северная Америка и Северная Евразия, т.е. Россия. Кстати, сын Джона Ди под фамилией Диев участвовал в событиях русской смуты начала XVII в. – подвизался в качестве лекаря – медика и фармаколога, готовил лекарства и яды (есть подозрение, что по заказу Дмитрия Шуйского и его жены, одной из дочерей Малюты Скуратова, изготовил яд для Михаила Скопина-Шуйского). Ну а сам Ди «путешествовал» по Европе, жил в Праге, работал в знаменитой Пороховой башне.

В Кембридже в начале XIX в. возникло существующее до сих пор влиятельное общество «Апостолы» с интеллектуально-сатанистской ориентацией (гомосексуализм прилагается). Интеллектуальным пра-прадедушкой общества – через Локка и Ньютона – был Паоло Сарпи, человек, который, по мнению аналитиков, сыграл огромную и зловещую роль в интеллектуальной истории Англии и Европы и которого даже его последователи стараются лишней раз не упоминать. Показательно, что главная работа Сарпи «Размышления о религии» была опубликована сравнительно недавно Фондом Чини; Чини – министр в правительстве Муссолини, сторонник «глобофашизма», впрочем, посвященные в Италии и Англии (например, лорд Эктон) имели доступ к рукописям и записным книжкам Сарпи. На деньги Фонда Чини профессор В. Фраджезе опубликовал в 1994 г. первую биографию Сарпи – «Скептик Сарпи: Государство и церковь в Венеции, 1500–1600 гг.». Интересно, что генеральным секретарем Фонда Чини с 1988 по 2002 г. был прямой потомок Зорзи.

Гомосексуалист Сарпи (прозвище в определенных кругах – La Sposa, «Невеста») придерживался антихристианских взглядов, полагая христианство социально-подрывной силой и явно симпатизируя «Отцу лжи». Разумеется, он это не афишировал. Будучи врачом по профессии, Сарпи заложил основы статистико-математического метода эмпиризма и позитивизма, которые, как пишет К. Ишервуд, с энтузиазмом позаимствовали у него и активно развивали Ньютон, Кларк и Локк (этот метод они противопоставляли методу Лейбница) и которые органично вошли в идейный багаж англосаксов. Кроме того Сарпи разрабатывал различные геополитические планы. В частности, он говорил о желательности серьезного религиозного конфликта в Европе, которым впоследствии стала Тридцатилетняя война (1618–1648). Можно сказать, что английская интеллектуальная традиция – научная и философская – Англии второй половины XVII – начала XVIII в. в значительной степени вышла из сарпиевской «шинели» или какой-то другой его принадлежности, и неудивительно, что Локк, Ньютон и Кларк ненавидели Лейбница и боролись с его идеями, восходившими к Николаю Кузанскому; он был для них тем же, чем Кузанец – для Сарпи; в конце XIX – начале XXI вв. этот идейный расклад типологически повторяется. Впрочем, эмпиризм и примитивный позитивизм «Невесты», восходящий к Эпикуру и Сексту Эмпирику, лег на уже подготовленную почву – несмотря на Оксфорд и Кембридж, английская элита XVI–XVII вв. в массе своей не отличалась интеллектуальной утонченностью, демонстрируя практицизм.

В XVI в. эта черта усилилась в результате вливания в аристократию богатых крестьян. После того, как часть аристократов погибла в войнах Алой и Белой розы (в 1460–1470 гг. 70–80% аристократов были вовлечены в борьбу на той или иной стороне¹), богатым крестьянам было разрешено покупать титулы отчасти и для того, чтобы восстановить численность знати. В результате возник уникальный землевладельческий слой – джентри, открытая землевладельческая знать, тесно связанная с рынком. Этот слой характеризовался динамизмом, практицизмом (укорененность в опыте в самом приземленном смысле) а также... довольно низким уровнем культуры и довольно жестоким отношением к вчерашним социально близким.

Венецианцы в определенной степени переформатировали и отношение английских верхов к низам, оно стало еще более жестоким². Впрочем, и в этом плане венецианская «наука» легла на подготовленную почву. Английская знать XII–XV вв., сформированная норманнским завоеванием, традиционно крайне жестоко относилась к низам, к простонародью. Можно сказать, что венецианцы «интеллектуально» обосновали такое отношение, которое впоследствии проявится, например, в 70 тыс. казненных за бродяжничество при многоженце Генрихе VIII, да и дочурка Елизавета I не сильно отставала.

Произошедшее в ходе Реформации в Европе и особенно в Англии наглядно демонстрирует механизм возникновения капитализма как непредвиденного результата неких процессов. Суть их заключается в том, что социально-политическая и религиозная борьба в позднесредневековом обществе разрушила существовавшие классовые и внутриэлитные отношения. В ответ господствующие группы начали принимать сугубо защитные меры, направленные на сохранение власти, собственности и привилегий, а в социальные разломы и пустоты хлынули те социальные и этнические элементы, которые в средневековом обществе не были на первом плане. В ходе этого процесса начали возникать неожиданные комбинации и кластеры, в том числе международные. Элиты, пишет Р. Лахман, запустили такой механизм, остановить который уже было невозможно, последствия которого носили непредвиденный характер, а систему, возникшую в результате его, мы ретроспективно признаем капиталистической³, хотя на самом деле эти элиты, например английские джентри, стали капиталистами против своей воли. Но только там они могли сохранить власть и собственность в новых условиях. «История социальных изменений в раннесовременной Европе – это история разрыва между намерениями и результатами»⁴.

В ходе социальных катаклизмов XVI–XVII вв. выделились два направления в приспособительной активности элит к новым условиям. Первое – частичное

¹ Устинов В.Г. Войны роз. Йорки против Ланкастеров. М.: Вече, 2012. С. 99.

² В Европе венецианцы имели репутацию не только коварного, но и жестокого психотипа. Один пример. После победы объединенных сил Европы над Османами в морском сражении при Лепанто (1571 г. – последняя масштабная битва гребных флотов) именно венецианцы предложили умертвить всех опытных турецких моряков, попавших в плен (Crowley R. Empires of the sea. The final battle for the Mediterranean, 1521–1580. L.: Faber and Faber, 2008. P. 290.).

³ Lachman R. Capitalists in spite of themselves. Elite conflict and economic transitions in early modern Europe. Oxford: Oxford Univ. press, 2002. P. 230, 239.

⁴ Там же. P. 231.

приспособление к новым условиям высокостатусных сегментов, второе – стремление ко все большей коммерциализации аграрных отношений¹. Эти направления отчасти переплетались, отчасти боролись друг с другом. Функционально капиталистическими оказались оба. Другое дело, что в XVII–XVIII вв. главными операторами мирового рынка далеко не всегда были представители буржуазии. Собственно так называемые «буржуазные революции» – это, как правило, не борьба буржуазии против феодалов и феодализма (данная интерпретация – миф либеральной идеологии и науки, по ряду причин подхваченный марксистами), а борьба буржуазии (прежде всего финансовой) и землевладельческих элит, связанных с рынком (прежде всего мировым) за то, кто будет в первых рядах капиталистического класса. КС были одним из главных средств в этой борьбе и в то же время одним из главных участников – они и криминал.

Хищнический, на грани криминала, а иногда и за ней, характер английской знати XVI в. ярко проявился в том, какую роль в подъеме Англии сыграли морские разбойники, действовавшие не просто с разрешения монархии, но по сути по ее лицензии. Первоначальное накопление в Англии – это грабеж не только своего населения и церкви, не только национальный грабеж, но и международный грабеж. Дж.М. Кейнс посчитал, что награбленное Дрейком – 600 тыс. фунтов – позволило Елизавете, отказавшейся признать договор между Испанией и Португалией о разделе мира², не только погасить все (!) внешние долги, но еще и вложить 42 тыс. в Левантскую Компанию (венетианцы), а из доходов этой Компании был составлен первоначальный капитал Ост-Индской Компании. По подсчетам того же Кейнса, если скромно принять ежегодную норму прибыли за 6,5%, а уровень реинвестирования прибыли за 50%, то 42 тыс. фунтов, инвестированные Елизаветой из награбленного Дрейком в 1580 г., к 1930 г. дали бы иностранных инвестиций на сумму 4,2 млрд фунтов, что и соответствовало действительности.³ Вот цена и последствия дрейковского грабежа для британского процветания. А фундамент этого процветания – банальный грабеж, «крышуемый» короной.

Дрейк был далеко не единственным «пиратом ее величества». И широкомасштабный морской разбой англичан вовсе не закончился в XVI в., а продолжался и в XVII в., финишировав Морганом. Последний – зловещая, одиозная фигура, представитель древнего валлийского рода⁴, был назначен, что весьма символично, вице-губернатором Ямайки и оставил после смерти (1688 г.) состояние, которое оценили в 5 тыс. фунтов – 1,2 млн нынешних долларов,⁵ – перед нами все тот же симбиоз государства и морского криминала; этот симбиоз пышным цветом распухнет в XIX в., когда, как отмечают историки, посредством

¹ Wallerstein I. The modern world-system. N.Y. and L.: Academic press, 1974. Vol. I. Capitalist agriculture and the origins of European world economy. P. 256.

² Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004, т. II. С. 224.

³ Keynes J.M. A Treatise on money. L.: MacMillan, 1930. Vol. II. P. 156–157.

⁴ Копелев Д. Раздел океана в XVI–XVIII веках. Истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013. С. 607.

⁵ Talty S. Empire of blue water. Henry Morgan and the pirates who ruled Carribean waves. L. etc.: Pocket books, 2007. P. 282.

Ост-Индской Компании британский королевский дом станет одним из крупнейших наркоторговцев мира, поддерживая торговлю оружием и опиумную торговлю, сажая таким образом «на иглу» миллионы китайцев. Ост-Индская Компания – яркое воплощение соединения короны, знати, пиратов и венецианцев: английская Ост-Индская Компания («венецианская рука в английской перчатке» – А. Чайткин) была создана по инициативе венецианцев в 1600 г. Английская и голландская Ост-Индские Компании в течение всего XVII в. наращивали объем торговли, тогда как сами венецианцы все больше занимались не торговлей, а финансовыми спекуляциями, что напоминает, по крайней мере внешне, сегодняшние хедж-фонды.

Венецианский «чужой», поселившийся в «теле» английской знати, довольно быстро стал своим, а точнее «тело» стало «чужим». Именно венецианцы основали компанию, которая сыграла огромную роль в истории Европы и в превращении Англии в «Венецию размером с Британию», – Ост-Индскую. Венецианский след в ее и британской истории будет настолько силен, что когда в 1780-е годы в британском парламенте будет проходить борьба противников и сторонников Ост-Индской Компании¹, сторонники станут называть себя «венецианской партией», а британский банк Ост-Индской Компании – банк Бэрингов – инсайдеры называли не иначе как «венецианский банк».

Надо сказать, что в Новое время представители венецианских родов, венецианской аристократии проникли не только в Англию, они распространились по всей Европе («черная аристократия» – впрочем, это далеко не только венецианцы) и попали даже в Америку (как говорилось выше, американские аристократы Кэботы – это потомки семьи Каботи, которая дала Венеции несколько дождей). И тем не менее именно в Англии венецианцы пустили наиболее глубокие корни, именно эту страну переформатировали с помощью интеллекта, разведки и финансов. И опять же, если говорить о финансах, венецианцы попали на подготовленную почву, на которой весьма активно действовал как английский, так и еврейский капитал, нередко выступавшие в симбиозе. Выражением этого симбиоза был лондонский Сити – уникальное явление.

¹ Подр. см.: Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006.

6. Сити и английская разведка: «идти порознь, бить вместе»

Сегодня Сити, как и его конкурент (и противник, порой превращающийся в союзника) Ватикан – одна из крупнейших офшорных зон: здесь, а не только в религиозно-политической сфере, они конкуренты. «Квадратная миля» (1,22 кв. мили), которую занимает Сити, роль и значение этого пяточка в современном мире позволяют некоторым исследователям утверждать, что Британская империя лишь имитировала свою кончину. История Сити начинается в 1067 г. – через год после норманнского завоевания; после завоевания страна утратила все права, однако Сити сохранил свой фригольд – право на безусловное владение землей, древние свободы и ополчение. Даже король должен был сдавать оружие перед тем, как войти в Сити (сегодня королева может войти в Сити как частное лицо, но как монарх она может войти только будучи введенная на территорию квадратной мили лорд-мэром Лондона; не путать с мэром). К моменту коронации Ричарда Львиное Сердце в 1189 г. это уже была мощная корпорация. «В многовековой британской политической системе Сити оставался крепостью, о которую разбивались волны истории, превратившие все остальное в национальное государство. [...] В известном смысле политическая система Великобритании происходит от Лондонской городской корпорации (City of London Corporation)»¹, а не наоборот.

Сити тесно связан с короной и парламентом, но не подчинен им. До времен Тюдоров и Стюартов Сити был по сути главным источником получения ссуд монархией. Когда могущественный советник Генриха VIII кардинал Уолси попытался в конце 1520-х годов поставить Сити под прогрессивное налогообложение и организовал символический вывоз оружия и посуды ливрейных компаний Сити, ответный удар последовал незамедлительно. В 1529 г. Сити помог дискредитировать Уолси, а чтобы монархи не забывали об обиде (и возмездии), учредил в 1571 г. должность городского «напоминальщика», который должен был напоминать монарху о его долге перед Сити². Не простил Сити и Карла I, который, нуждаясь в деньгах,

¹ Shaaxon N. Treasure islands. Tax havens and the men who stole the world. L.: The Bodley head, 2011. P. 255–256.

² Там же. P. 257.

приказал захватить 130 тыс. фунтов в слитках, хранившиеся в Тауэре. Вернул он их только после того, как вкладчики из Сити подписались на заем в 40 тыс. фунтов¹.

Менялись эпохи, но, надевая новые одежды, Сити оставался самим собой. В XIX в. один из английских реформаторов уподобил его доисторическому чудовищу, таинственным образом дожившему до современности, в немалой степени благодаря полузакрытой сети старых однокашников – эту систему позаимствовал у Сити британский правящий класс. Шэксон цитирует Гласмана, который пишет о Сити следующее: это «древний и очень маленький институт; он основан на личных отношениях и не встраивается ни в одну из предлагаемых парадигм современности. Это средневековая коммуна, представляющая капитал. Сити не поддается оценке»². И последний штрих: если символ Венеции – крылатый лев, то символ Сити – грифон, т.е. крылатое существо с туловищем льва и головой орла. Грифон изображен на гербе Сити, и статуи этого существа расставлены на границах Сити словно стражи накопленных/награбленных богатств.

Ясно, что такой институт как Сити не мог не использовать с прибылью хлынувшие в Англию разбойные деньги; не мог он также упустить шанс воспользоваться интеллектуальными и финансовыми технологиями венецианцев. Впрочем, Сити и так имел тесные контакты с Венецией, Ломбардией, Чехией (Прагой) посредством еврейского капитала, который постепенно играл все большую роль в английской жизни XVI–XVII вв. Начать с того, что именно в Англии в 1613 г. семьей Барухов был создан Standard Chartered Bank, который сегодня называют «банком банков». Правда, ни Тюдоры (за исключением некоторых мер Генриха VIII, ослабившего законы против ростовщичества), ни особенно Стюарты ростовщический капитал вообще и еврейский в частности не жаловали. Именно с этим связана поддержка английскими и голландскими ростовщиками, многие из которых, как об этом пишет Ж. Аттали, были евреями, сначала Кромвеля против Карла I, а затем Вильгельма Оранского против Якова Стюарта.

Правление Кромвеля отмечено возвращением евреев в Англию, откуда их раньше изгоняли. В 1655 г. Кромвель встретился с амстердамским раввином Манассией бен Израилем, который объяснил лорду-протектору: мессия не придет на землю, пока евреям не разрешат жить в Англии³. В 1657 г. в Лондоне была построена синагога – впервые за 250 лет. Кромвель, нацеливаясь на конкуренцию с Голландией, прежде всего стремился привлечь капиталы осевших в Амстердаме испанских и португальских евреев, в этом плане прагматик-протестант легко нашел общий язык с прагматиком-каббалистом. В то же время Кромвель и Манассия разделяли мессианскую мечту, и это облегчало их диалог⁴.

Другой правитель Англии, Вильгельм Оранский, став королем под именем Вильгельма III, пошел на дальнейшие уступки ростовщикам и разрешил им создать Банк Англии (1694 г.). Этот банк, как отмечает В.Ю. Катасонов, формально не был первым

¹ Coston H. Les financiers qui mènent le monde. P.: La librairie française. 1955. P. 31.

² Shaaxon N. Ук. соч. P. 258.

³ Attali J. Les Juifs, le monde et l'argent. Histoire économique du peuple juif. P.: Fayard, 2002.

⁴ Грец Г. История евреев с древнейших времен до настоящего времени. М.: М-ОКО, 2002. Т. 11. С. 97 и 99.

центробанком (первым был шведский – 1668 г.¹), однако, во-первых, Банк Англии (за исключением венецианского Banco del Giro) не похож ни на один банк²; во-вторых, «влияние Банка Англии на развитие международной финансовой системы несравненно больше. Во-первых, модель Банка Англии использовалась многими другими странами для создания своих центральных банков. Во-вторых, в какие-то периоды истории Банк Англии оказывался центром, из которого управлялась мировая финансовая система»³. Банк Англии, пишет Н. Шэксон, «учрежден в 1694 г. как частный институт на средства протестантского Сити и в его интересах; в значительной степени он создавался для финансирования строительства флота. Появление и банка, и государственного долга вызвали финансовую революцию, которая быстро привела к возникновению рынка заложных, страховой компании Lloyds, фондовой биржи, финансовой прессы и быстрого роста внешней торговли. Финансовый сектор превращался в то, что П. Дж. Кейн и А. Дж. Хопкинс назвали «сердцем имперского мотора»⁴.

Хотя сборка нового субъекта стратегического действия, «стратегической истории» началась при Генрихе VIII, решающие шаги были сделаны в правление Елизаветы I (1558–1603 гг.). Впрочем, сборщики о стратегическом характере своих действий не помышляли, они решали конкретные задачи, последовательность которых выстраивалась в длинную причинно-следственную цепь – ситуация напоминает рассказ Р. Шекли «Поколение, достигшее цели». Прав С. Элфорд: Генрих VIII изменил английскую историю так, как ни один король до него. Однако едва ли можно сказать, что на тот момент изменения приобрели необратимый характер: во-первых, правление «кровавой Марии», жены Филиппа II Испанского, продемонстрировало это со всей очевидностью. И не умри Мария от рака в 1558 г. – в один год со своим тестем Карлом V⁵, на месте протестантской Англии могла оказаться католическая Англия – северная часть гигантской испано-английской католической империи: империя Филиппа простиралась от Сицилии до Куско, покрывая четверть известного на тот момент мира⁶. Во-вторых, сама Елизавета, наследовавшая Марии, получила далекое от стабильности, разболтанное, с расшатанным фундаментом государство – *both shaken and stirred*⁷, в той ситуации еще ничего не было решено. Современники не верили, что Елизавете удастся стабилизировать королевство⁸. Более того, как заметил все тот же С. Элфорд в блестя-

¹ Формально Шведский банк, во многом выполнявший функции Центробанка, был создан 30 ноября 1656 г. – так при Карле X Густаве осуществилась мечта Густава-Адольфа, которую он лелеял с 1619 г.: организовать банк, способный модернизировать шведскую торговлю. В 1667 г. банк был закрыт правительством, а на следующий год был создан полноценный Центральный банк (Irwin N. The alchemists. Inside the secret world of central bankers. L.: Headline. Business plus, 2013. P. 19–24).

² Кулишер И.М. Ук. соч. С. 367.

³ Катасонов Ю.В. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 593.

⁴ Shaaxon N. Ук. соч. P. 261.

⁵ Meyer C.J. Tudors. The complete story of England's most notorious dynasty. N.Y.: Bantam books. 2010. P. 431–432.

⁶ Coote S. Drake The life and legend of an Elizabethan Hero. L. etc.: Pocket books. P. 6.

⁷ «Shake but not stir» – требование Джеймса Бонда к коктейлям.

⁸ De Lisle L. After Elizabeth. The rise of James of Scotland and the struggle for the throne of England. N.Y.: Ballantine Books, 2005. P. 4.

щей работе о тайной истории правления Елизаветы I, в ее эпоху «выживание или катастрофа протестантской Англии целиком зависели от одного-единственного человека – Елизаветы»¹. Это сегодня, зная исторический результат, мы полагаем, что так оно и должно было случиться, однако пуля, кинжал или просто болезнь «монархини» могли изменить все и привести к католическому реваншу, а историки писали бы о «елизаветинском эпизоде» как о кратком отклонении, девиации от основного курса (как сегодня трактуется «эпизод кровавой Марии») и никто уже не писал бы о «золотом веке»². А вот на рубеже XVI–XVII вв. это уже было практически невозможно: процесс набрал инерцию, субъект во многом сформировался, хотя и не до конца, закалился как сталь и готов был безжалостно рвать противников – реальных и мнимых.

Генезис определяет характер и функционирование целостности, будь то субъект или система. Именно елизаветинская фаза определила характер нового хищного англосаксонского субъекта, который замесили в Европе, а испекли в английской печи на деньги Сити при роли венецианцев в качестве катализатора.

Во-первых, поскольку шла ожесточенная борьба с Испанией и католиками, это субъект приобрел фанатично протестантские черты и жесткий антикатолический характер. В англосаксонское сознание испанцы вбиты как символ угрозы и угнетения – это проявляется даже сегодня в фильмах-сказках. Например, в «Принце Капиане» из «Хроник Нарнии» доспехи тельмаринов – народа-врага положительных героев – смоделированы по испанским XVI–XVII вв. Это открыто признал режиссер Эндрю Эдамсон. Вообще англосаксы постоянно проделывают такие входящие в подсознание символические штуки со всеми своими историческими врагами. Так в «Звездных войнах» военная форма и контуры шлемов воинов Империи, включая Дарта Вейдера, смоделированы по вермахтовским. Об образе «русской мафии» я уже и не говорю. Но вернемся в XVI в.

Во-вторых, именно борьба елизаветинского времени выковала агрессивно-экспансионистский с криминальным (пиратство, ограживания) душком характер нового субъекта. Установка на мировую экспансию как экономическую стратегию сформировалась именно в это время. Наилучшим образом это отражено в двух портретах Елизаветы – 1588 г. Джорджа Гауэра и 1592 г. Марка Герартса-младшего (находится в поместье Дичли). На первом портрете великолепно одетая Елизавета держит руку на глобусе, рядом с ней – имперская корона, а вглуби картины, точнее, фоном изображены английский флот в спокойных водах и испанский флот, который бурное море разбивает о скалы. Пальцы Елизаветы накрывают Центральную Америку, словно указывая одно из направлений будущей, но уже не такой отдаленной,

¹ Alford S. The watchers. A secret history of the reign of Elizabeth I. L.: Penguin, 2002. P. 4.

² Правда, некоторые утверждают, что история не знает сослагательного наклонения – эту пошловатую фразу довольно часто приходится слышать. Сослагательного наклонения не знают историки, причем плохие или, скажем мягче, ограниченные и плохо понимающие суть исторического процесса. Тезис об отсутствии сослагательного наклонения у/в истории означает, что история это сверхдетерминированный до автоматизма процесс, где нет места ни субъекту, ни свободе воли, ни случайности. Разумеется, это не так. У исторического процесса, как правило, есть набор альтернативных вариантов развития, выбор осуществляется в борьбе тех сил, которые стоят за каждым из вариантов и своим волевым действием со-слагают Историю.

экспансии. Второй портрет по-своему не менее красноречив: Елизавета в украшенном драгоценными камнями белом платье стоит на фоне штормового неба, которое она освещает подобно солнечному лучу; она стоит на карте королевства, причем выглядит в три раза больше Англии, нависая над последней.

В-трегьих, постоянная, в течение всего правления Елизаветы, борьба с заговорами – внутренними и внешними, шпионажем, непрекращающаяся тайная война – все это привело к резкому усилению разведки и контрразведки, т.е. выражаясь современным языком, спецслужб в жизни Англии второй половины XVI в. в частности и в функционировании нового субъекта, в его вековую заряженность на изощренную тайную войну вообще. В этом плане можно сказать, что лорд Бергли и Уолсингем – это люди, которые стоят у истоков не только Англии и ее спецслужб, но североатлантического исторического субъекта в целом, это его «повивальные бабки» (точнее, «дедки») и крестные отцы одновременно. Не будет преувеличением сказать, что именно в тайной войне Англия одержала свои главные победы в XVI в. и стала тем, чем стала, – коварным Альбионом.

XVI век был бумом шпионажа, который в том веке развивался по экспоненте. Однако даже на этом фоне английские достижения впечатляют. Уолсингему удалось сплести паутину тайной агентуры не только в Англии, но и в Европе (Париж, Руан, Рим, Парма – далее везде; до нас дошли почти пять десятков имен высокопоставленных агентов одного Уолсингема), поскольку первая линия обороны от папы и католиков проходила именно там – на дальних рубежах¹. Только великолепная разведка, помноженная на деньги Сити, позволившие подкупать противников, обеспечила разгром Армады в 1588 г., который стал началом 400-летнего марша англосаксов на восток, закончившегося в 1989 г. капитуляцией руководства СССР. После победы над испанцами англосаксы последовательно двигались на восток – Франция, Германия, Россия. И во всех случаях огромную роль играли тайная война, капитал и хищнический напор протестантов, этих максимально иудаизированных христиан (впрочем, христиан ли?).

Одним из результатов всей этой системы процессов стало оформление государства Великобритании, не имевшего исторических аналогов. И дело не в том, что, как заметил Н. Хеншел, британское государство XVIII в. было значительно более централизованным, жестким и менее демократичным, чем так называемые «абсолютистские монархии», прежде всего Франция Людовика XIV и Людовика XV: «Хотя понятие “абсолютизм” не может быть применено к Англии, – заметил Н. Хеншел, – в некотором роде многие его черты характерны именно для этой страны, а не для Франции»². Главное в другом: Великобритания XVIII (и далее) века – это торгово-финансовое государство, созданное финансово-землевладельческой знатью, исходно ориентированной на мировой рынок, международный разбой и широкомасштабные геоисторические манипуляции с помощью КС. Причем создавали это государство денежные мешки Южной Европы, приземлившись в Европе Северной. «В истории английское *государство* не имеет аналогий, – писал В. Зомбарт.

¹ Подробнее см.: Hutchinson R. Elizabeth's spy master. Francis Walsingham and the secret war that saved England. L.: Phoenix, 2007.

² Хеншел Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии Нового времени. СПб.: Алтейя, 2003. С. 227.

Быть может, в мелочах торговые государства древности – государства финикийцев и карфагенян – и представляли собой нечто подобное. Но “мировая империя”, порожденная чисто меркантильным духом, – такого еще не было»¹.

Наполеон (вслед за А. Смитом) назовет англичан «нацией лавочников», Вильгельм II – «низкой торгашеской сволочью», его современники А.Е. Едрихин-Вандам и В. Зомбарт соответственно «Ротшильд-народом» и «нацией торгашей», суть войн которых – обогащение прирожденных торговцев. В основе этих определений, если снять эмоции, лежит констатация простого факта: Великобритания – это в значительной степени возрождение на североευропейской мировой капиталистической основе внеевропейского, восточного по происхождению властно-торгового типа. И не случайно именно такому типу государственности понадобились КС, сначала использование их и союз с ними, а в конечном счете – симбиоз и взаимопереплетение.

Подчеркну еще раз: субъект, который был собран в Англии, собирали далеко не только англичане, но определенные европейские силы, а точнее, международные, поскольку они представляли не только европейскую и далеко не только христианскую традиции. Субъект этот исходно возник как наднациональный спрут, в безопасной Англии покоилась лишь его голова, тогда как щупальца шарили по всей Европе и далеко за ее пределами; спрут этот был не только наднациональным, но и тайным, причем тройне – и как финансы, чья стихия тайна, и как спецслужбы, тоже действующие в тени, и как тайные общества. Фасадом была «британская монархия», которую новый субъект постоянно ограничивал – и, наконец, устранив предпоследнего Стюарта, ограничил почти до упора.

«По-видимому, ни у кого из непосвященных даже и не зарождалось подозрение, – писал барон Рауль де Ренн, – что действительное управление судьбами Англии происходит не в том виде, в каком оно представляется всему миру, и что общеизвестная английская форма правления с ее классическим парламентаризмом не соответствует реальному государственному механизму страны. Все народы, и не только иноземные, но и широкая масса собственного народа, были уверены, что Великобритания завоевала себе свое положение в мире и сделалась в области государственного устройства чем-то вроде идеала для большинства современных народов только благодаря совершенству своего правящего аппарата. И правда, свое могущество Англия сумела достигнуть и удержать до последнего времени действительно только благодаря своей форме правления, но не той, которая известна всему миру, а той, которая состоит из чрезвычайно искусной комбинации явных форм правления с тайными, известными только тем, кто принимает в них участие [...], король является главой особой системы негласных законспирированных установлений, руководящих всеми сторонами государственной и общественной жизни страны.

Наряду с явными органами государственного управления, т.е. Верхней и Нижней Палатами и административно-судебными и дипломатическими установлениями, на всей территории Британской империи существуют организации, которые скрыто от глаз непосвященных оказывают решающее влияние на внутреннюю и иностранную политику государства»².

¹ Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота // Зомбарт В. Соб. соч. СПб.: «Владимир Даль», 2005. Т. II. С. 32.

² Ренн Р. де. Тайный смысл нынешних и грядущих событий: <http://www.netda.ru/belka/texty/taina.htm>. С. 2.

Превращение британского короля в 1/7 видимую часть айсберга, с одной стороны, и обретение самим этим «оргайсбергом» реальной мощи, с другой, произойдет на первом этапе развития КС (1710–1770-е годы), но вся подготовительная работа была проделана именно в XVI–XVII в.; североатлантический наднациональный субъект собирался и складывался в борьбе с Испанией и Стюартами, ведя непосредственную, физическую борьбу с ними с помощью национальных сил. Наднациональное качество нового субъекта, его генезис как заземление в Англии некоего наднационального процесса обусловило его важнейшую интеллектуальную, психоисторическую черту – мировое видение, умение оперировать мировыми категориями, игра на мировом поле.

Вот что писал об этой черте замечательный русский геополитик А.Е. Едрихин-Вандам: «Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества – никогда и ни в чем наш хваленый инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в ее целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т.е. политике, эта способность дает им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы — живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих»¹.

Это написано в канун Первой мировой войны, в которой «союзники»-британцы воевали с Германией, а играли против России – мы это увидели в 1917 г.; потом мы увидели это искусство в 1991 г., и нам еще предстоит его увидеть, если мы не научимся отвечать коварному врагу его же монетой – коварством. Но для этого надо врага изучать; как говорил толкиновский Гэндальф, «изучая врага, проникаешься его коварством» – и изощренностью, добавлю я, которой почти всегда, за исключением сталинского периода, не хватало русским в противостоянии с англосаксами, а точнее, с наднациональными КС в англосаксонской оболочке. Помимо прочего, изучение противника должно начинаться с его генезиса, рождения, эмбриональной фазы – именно там хранится секрет его «кощевой смерти». Искать, искать – бороться и искать, найти и не сдаваться.

Вся вторая половина XVII в. в истории Англии – это взаимоприспособление и взаимопроникновение наднационального финансового субъекта и королевской власти. Победа Кромвеля, так называемой «буржуазной революции» открыла путь

¹ Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский – Москва: «Кучково поле», 2002. С. 43–44.

к победе североатлантического (английского) финансово-политического субъекта над собственно английской национальной монархией и завоевание этим субъектом позиции мирового оператора и регулятора денежного обращения. Без подчинения, а по сути свержения традиционной монархии (поскольку то, что развивалось в Англии с середины XVII в., – это не совсем монархия), такое завоевание было бы невозможно; результат завоевания – формирование системы, обеспечивающей сначала влияние, а затем решающую роль закулисных, тайных сил на развитие Альбиона, адаптация страны и ее верхушки к целям и природе наднационального финансово-политического субъекта, орудием которого в деле завоевания мира стала Англия – триумф венецианской большой стратегии, перенесенной в иные пространство и время.

Со времен Кромвеля, пишет де Ренн, «королевская Англия» никогда «не была самостоятельной в ведении своей политики, т.е., иначе говоря, никогда Англия с тех пор не вела политики только за свой счет и только ради своих интересов. Как бы ни было разительно быстрое увеличение мощи и границ Великобритании, в каком бы сиянии ни представлялось величие и блеск ее государственности, какими бы совершенными и несокрушимыми ни казались им устои ее власти и ее авторитета среди народов, все это в действительности было ни что иное, как нарочно и искусно созданный мираж для самообольщения одних и для обольщения других. За этим миражом скрывалась та сила, которая двигала политикой Англии в нужном ей направлении, создав из самой Англии не более, как свой авангард в давно уже задуманном походе на мир»¹. Но сначала нужно было полностью переформатировать уже завоеванную Англию, превратив английского короля в подобие венецианского дожа. В дело вступило финансовое оружие. Два дефолта в Англии – в 1671 и 1686 гг. – привели к «Славной революции». Главной фигурой «венецианско-виговского заговора» исследователи называют Энтони Эшли Купера, первого графа Шефтсбери, в интеллектуальной обслуге которого выделялся философ Локк. По мнению графа Шефтсбери, в 1670-е годы Англия еще не стала полностью протестантской и виговской – необходимое условие «дожизации» à la Venice, и он решил подтолкнуть этот процесс.

На рубеже 1670–1680-х годов в Англии вдруг раскрыли католический заговор, целью которого было убийство Карла II; в качестве заговорщиков были казнены 15 человек. Впоследствии выяснилось, что никакого заговора не было: документально-фальшивки изготовил некто Тайтус Оутс в компании с неким Израэлем Тонгом. Реальным планировщиком и организатором фальшзаговора был граф Шефтсбери, Оутс и Тонг – пешки в его игре.

Шефтсбери сработал по венецианской схеме «заговор – контрзаговор». В 1618 г. венецианцы по этой схеме организовали не существовавший в реальности «испанский заговор», целью которого была якобы передача Венеции Филиппу IV, который сыграл свою роль в развертывании Тридцатилетней войны и в котором реально не было никаких испанцев (кстати, английский поэт Томас Оутвей, «второй Шекспир», в иносказательной форме разоблачил Шефтсбери, написав пьесу об «испанском заговоре» в Венеции – «Спасенная Венеция»/«Venice Preserv'd»)².

¹ Ренн Р. де. Тайный смысл нынешних и грядущих событий: <http://www.netda.ru/belka/texty/taina.htm>. С. 6.

² Об этом пишет А. Дуглас. Douglas A. How Venice created today's «Money system» (Unpublished manuscript); рукопись предоставлена мне автором.

Несмотря на то, что выяснился провокационный характер «заговора», в Англии резко усилились антикатолические настроения, она практически полностью стала протестантской и виговской, и после смерти в 1685 г. Карла II вигам и Сити понадобилось всего три года, чтобы свергнуть Якова II Стюарта, подавить сопротивление его сторонников (якобитов), посадить на трон с помощью «Славной революции», которую иногда называют бескровной¹, своего человека – Вильгельма Оранского из Голландии – «первого дожа в английской истории» (А. Дуглас). Даже контроль над армией теперь переходил к парламенту как органу финансово-землевладельческой знати; контроль над налогами означал отмену королевской прерогативы взимать налоги в обход парламента². И хотя самому Вильгельму роль дожа не нравилась и он открыто заявлял об этом³, ситуация лишней раз подтвердила правоту тезиса Сталина о том, что логика обстоятельств сильнее логики намерений.

Разумеется, те задачи, которые решила «Славная революция» для протестантской финансово-землевладельческой верхушки, были бы так или иначе решены этой верхушкой. Однако в какой форме и когда это произошло, вызвано конкретно-историческими обстоятельствами вполне случайными, резко изменившими ситуацию и заставившими «олигархов» действовать. Совпали два события: рождение наследника у Якова и изменение в пользу Франции геополитической ситуации в германских землях (Германосфере). В такой ситуации семь виговских пэров-протестантов быстро договорились с мужем дочери Якова Марии Вильгельмом Оранским о возведении его на трон. Мало того, что Вильгельм не имел прочной опоры в Англии и попадал в зависимость от финансово-землевладельческой верхушки, он не мог похвастать родовитостью Стюартов, происходивших от Меровингов (недаром уже в XX в. выскочки Виндзоры/Саксен-Кобурги, чьи династические права в любой момент могут быть поставлены под сомнение из-за «генов Виктории», т.е. ее де-факто незаконнорожденности⁴, женили принца Чарлза на нелюбезной им Диане – ее отец был десятым, т.е. пра-пра-пра и т.д., потомком Карла I Стюарта). Вильгельм составил коалицию, в которую вошли Голландия, Пруссия, Ганновер и Гессен-Кассель и которую поддержал голландский и еврейский капитал, не говоря о части английского⁵. Результат – «Славная революция» и воцарение оранской династии.

¹ См. например: Prall S. The bloodless revolution. England 1688. N.Y.: Anchor books, 1972.

² Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: ВШЭ, 2011. С. 361.

³ Parker G. Global crisis. War, climate change, and catastrophe in the seventeenth century. New Haven and L.: Yale Univ. press, 2013. P. 392.

⁴ Об этом см.: Potts D.M. Victoria gene. L.: Sutton Publishing, 1999.

⁵ Simms B. Three victories and a defeat. The rise and fall of the First British Empire, 1714–1783. L.: Allen Lane / Penguin. 2007. P. 36–37.

7. «Славная революция» и после

«Славная революция» устранила практически все барьеры на пути финансово-землевладельческой верхушки, стремившейся получить неограниченный, т.е. частно-собственнический, капиталистический контроль над землей и денежным обращением. В эпоху реставрации Стюартов, как писал Маркс, феодальный строй поземельных отношений был окончательно уничтожен законодательно, землевладельцы «сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству» и присвоили себе «современное право частной собственности на поместья, на которые они раньше имели лишь феодальное право»¹, т.е. неполное, ограниченное обязанностями по отношению к короне и населению. «Славная революция», поставив у власти финансово-землевладельческий класс, явилась следующим шагом, устранившим практически все барьеры на пути этого класса присваивать уже государственные земли и государственную денежную сферу. «Они, – писал об этом классе Маркс, – освятили новую эру, доведя до колоссальных размеров то расхищение государственных имуществ, которое до сих пор практиковалось лишь в умеренной степени. Государственные земли отдавались в дар, продавались за бесценок или же присоединялись к частным поместьям путем узурпации»². Именно узурпация земли, ее силовой отъем у крестьян – вот что скрывается за такими смягчающими терминами как «консервативная революция» 1688 г.³ или «сельскохозяйственная революция» 1680–1720-х годов.

Если формирование североатлантического субъекта катализировали венецианцы, то в его первых шагах, в становлении (вторая половина XVII – начало XVIII в.), огромную роль сыграл еврейский капитал. После того как Кромвель разрешил евреям в лице Манассии бен Израиля вернуться в Англию, они начали массово переселяться туда, прежде всего из Голландии. И если при двух последних Стюартах этот процесс несколько тормозился, то с Вильгельмом III Оранским, всегда благоволившим к евреям, а точнее, к их деньгам (его любимцем был ростовщик Моисей Мачадо), можно сказать произошел взрыв. Если в 1657 г. Соломон Дормидо должен был ходатайствовать, чтобы попасть на Королевскую Лондонскую биржу, поскольку официально доступ туда евреям был закрыт, то «к концу XVII в. биржа... уже

¹ Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, т. 23. С. 734.

² Там же. С. 735.

³ Porter R. English society in the 18th century. L.: Penguin, 1991. P. 115.

полна евреями. Их число так велико, что определенную часть здания прямо называют “еврейской галереей”. Как пишет один современник, “биржа кишит евреями”. Можем ли мы сказать, что переход на фондовую биржу был связан с тем, что число евреев на товарной бирже постоянно росло и отношение к ним было самое неприязненное? Как бы там ни было, но именно с этим “исходом” связано начало фондовой спекуляции в Англии»¹. За три десятилетия, отделявшие Кромвеля от Вильгельма III, ситуация в торгово-финансовой среде Англии резко изменилась: по сути благодаря еврейскому капиталу и действиям его покровителя (и слуги одновременно) Вильгельма III произошло сращение Амстердама и Лондона в финансовый суперцентр. Вот что пишет по этому поводу еврейский историк С.М. Дубнов: Вильгельм III установил «такую тесную промышленную связь между Лондоном и Амстердамом, что еврейские общины в этих двух городах составляли как будто две группы одной общины. Крупные банкирские и экспортные дома Лопесов, Медина, Фонсеков, Сальвадоров охватывали одним финансовым кольцом Англию, Голландию и их американские колонии. Биржи Амстердама и Лондона решали судьбу всех акций, векселей, кредитных билетов и прочих ценных бумаг, находившихся в международном обороте. С 1697 года евреи имели на лондонской бирже свою группу “брокеров”, или маклеров (12 человек на 100 христиан). Развившаяся в то время биржевая спекуляция, несомненно, вносила деморализацию в торговую среду, но вместе с тем биржа регулировала товарообмен между всеми странами света как “расчетная палата” мировой торговли»².

Неудивительно, что в начале XVIII в. многие евреи оказались богатейшими людьми Великобритании: Мендес де Косто, Моисей Харт, Аарон Франкс, барон Дагиляр, Моисей Лопес Перейра, Моисей/Антон да Коста, занимавший в конце XVII в. пост главы Банка Англии; в это время около тысячи еврейских семей в Лондоне имели годовой доход 300 фунтов, около ста семей – 1 тыс. – 2 тыс. фунтов³. «В правление королевы Анны (1702–1714), – пишет В. Зомбарт, – английское еврейство достигает максимальной финансовой власти в стране»⁴, а дом Гидеонов (в лице Сэмпсона Гидеона) становился одним из крупнейших в ходе разворачивающегося противостояния с Францией; в 1745 г. Гидеон предоставил правительству кредит в 1,7 млн фунтов – гигантскую сумму; интересно, что одним из наиболее влиятельных финансистов Франции того же времени, кредитовавшим Людовика XIV, а затем Людовика XV, был тоже еврей – Сэмюэль Бернар.

В начале XVIII в. богатство британских банкиров вообще и еврейских в частности было обусловлено двумя государственно-финансовыми операциями, которые можно было провести только в рамках институциональной системы, созданной в ходе «Славной революции», обеспечившей контроль крупных землевладельцев и финансистов над королем. В 1694 г., как уже говорилось, был создан Центральный банк Англии, который резко усилил внешнеполитическую мощь страны.

¹ Зомбарт В. Экономика и евреи... С. 231. Выше Зомбарт прямо пишет, что «на Лондонской бирже евреи положили начало профессиональной торговле ценными бумагами и так называемой “профессиональной спекуляцией”» (Там же).

² Дубнов С.М. Ук. соч. С. 231–232.

³ Зомбарт В. Евреи и экономика... С. 232–233.

⁴ Там же. С. 174–175.

В 1689 г. английская знать и финансовые воротилы подтолкнули Вильгельма III к войне против Франции (Девятилетняя война 1689–1697 гг.): «...послереволюционное конституциональное соглашение и систему протестантского престолонаследия следовало испытать в борьбе против Бурбонов, которые поддерживали реставрацию Стюартов. Способность Британии вести войну против абсолютистской Франции определялась поддержанным парламентом созданием нововременной финансовой системы, опирающейся на Национальный долг и Банк Англии. Войны теперь финансировались не из “частной” военной казны династического правителя, а надежной кредитной системой. Она была способна лучше обеспечивать сбор средств, поскольку государственные долги гарантировались парламентом»¹.

Одной из особенностей этой войны было то, что англичане в ней впервые опробовали схему, которая станет их фирменной, – коалиционный войны: воевать на континенте чужими руками, создавая коалиции. Одно дело биться с голландцами на море – это был важный опыт мировых морских войн², но сухопутные войны на море не выигрываются. Другое дело – крупное государство Франция. Против нее англичане организовали коалицию, в которую вошли Голландия, австрийские и испанские Габсбурги, Савойя³. Несмотря на поражение, в конце XVII в. Франция еще была не по зубам Англии – даже усиленной коалицией. А вот в отличие от Девятилетней войны, из войны с Францией за испанское наследство (1701–1713) Великобритания вышла великой морской державой, чей флот (124 корабля) был в два раза больше объединенного франко-испанского флота⁴.

Девятилетняя война завершилась победой над Францией и Рисвикским миром, закрепившим результаты «Славной революции» в международном плане⁵. В целом масштаб войны и налогообложение, которого она требовала, завершила и сделала необратимыми результаты «Славной революции» внутри страны⁶, для того ее и затевали. Кроме того, к выгоде и радости обеих Ост-Индских Компаний и англо-голландских банкиров война выкачала из Англии почти все серебро. Используя эту ситуацию, банкиры сначала убедили Вильгельма в 1694 г. согласиться на создание Центрального банка Англии (под контролем тех, кто ссудил правительство суммой в 1,2 млн фунтов стерлингов под 8%⁷; эти люди получили право печатать деньги). Центральный банк создавался для финансирования войны с Францией – так же как Федеральная резервная система создавалась в 1913 г. для финансирования мировой войны. В 1696 г. банкиры продавали решение о перечеканке монеты (главный пропагандист – верный слуга властных олигархов и Сити философ Локк).

Перечеканка монеты сопровождалась дефляцией в пользу богатых. Кроме того, как только были выпущены новые серебряные монеты, Английский монетный двор

¹ Тешке Б. Ук. соч. С. 368.

² James L. The rise and fall of the British Empire. L.: Abacus, 1997. P. 33.

³ Kennedy P. The rise and the fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. L.: Fontana Press, 1989. P. 133.

⁴ James L. Ук. соч. P. 58.

⁵ Kennedy P. Ук. соч. P. 134

⁶ Starkey D. Crown and country. A history of England through monarchy. L.: Harper press, 2006. P. 402.

⁷ Beaud M. Histoire du capitalisme de 1500 à 2000. P.: Seuil, 2000. P. 99.

под руководством Ньютона зависил стоимость золотой монеты по отношению к Франции и Голландии, результатом чего стали отток серебра и сверхпредложение золота. Это создало условия для перехода Англии к золотому стандарту, т.е. к повторению того, что проделала Венеция в XIII–XIV вв., тоже зависив тогда стоимость золотого дуката. В немалой степени англичанам помогло и то, что с 1690 г. в Бразилии, де-юре колонии Португалии, которая в свою очередь была де-факто колонией Англии, начали добывать огромное количество золота. По англо-португальскому Метуэнскому договору оно прямым ходом пошло в Англию. В самой Англии это привело к изъятию в 1696 г. из обращения серебряной монеты на 2,7 млн фунтов – это на треть больше, чем весь долг короны в конце правления Якова II. В то же время банкиры получили подарок – в результате махинаций они подняли государственный долг до 20 млн фунтов; Х.Г. Лаури называет это окончательной победой «венецианской партии» в Англии¹.

Вильгельм Оранский этого, правда, не увидел: в 1702 г. его лошадь на полном скаку споткнулась о кротовину, король упал и разбился насмерть. Ненавидевшие его якобиты в благодарность стали называть «хозяина» кротовой норы «маленьким джентльменом в черном бархате». Все это, однако, уже не имело значения: дело венецианцев и того исторического субъекта, катализатором сборки которого они были, восторжествовало, первоначальное накопление капитала, стартовавшее в Испании ограблением Америки, «заземлилось» в Англии, дав старт там широко-масштабному капиталистическому накоплению.

«Различные моменты первоначального накопления, – писал Маркс в «Капитале» (раздел «Генезис промышленного капитала»), – распределяются исторически более или менее последовательно между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией»². При этом Маркс отмечал решающее воздействие на Англию Голландии, положение которой было результатом прямого и косвенного выкачивания богатств из Испании и венецианцами и генуэзцами и перевода в Голландию. «Физические деньги», получаемые Испанией из Нового Света, венециано-генуэзцы переводили в сферу обращения и «заземляли» в Голландии: «Там, где деньги появляются не из обращения, а их находят в их телесном образе, как это было в Испании, там нация беднеет, в то время как те нации, которые вынуждены работать для того, чтобы выкачивать деньги у испанцев, развивают источники богатства и действительно обогащаются»³.

Не знаю, насколько здесь уместно слово «вынуждены», скорее это неудачный перевод, – кто же это вынуждал венецианцев и генуэзцев грабить Испанию? Но в данном случае важно другое: фиксация Марксом изъятия неким субъектом богатства из Испании и перевода его в Голландию, а ранее – фиксация цепи первоначального накопления капитала, представленного пятью странами-звеньями. К концу XVI в. испанцы наконец поняли, что доступ, который имеют голландцы к испанскому золоту и серебру и португальским специям, позволяет им контролиро-

¹ Lowry H.G. How the nation was won. America's untold story. Washington: Executive intelligence review, 2004. Vol. I. 1630–1754. P. 77.

² Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 761.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 170.

вать распределение колониальных товаров в северной части Европы, стимулируя рост богатства голландских городов – в ущерб иберийской зоне. Правление Филиппа III началось (1598 г.) с установления в Испании и Португалии эмбарго для голландских кораблей, товаров и купцов. Однако эта попытка оказалась контрпродуктивной – чтобы восстановить прибыль, купцы из Голландии и Зеландии стали развивать торговлю с «Индиями», и это еще более усилило Нидерланды¹ – испанские меры явно запоздали.

С точки зрения данной работы исключительно важен тот субъект, который связывал в пространстве и времени звенья первоначального накопления своей активностью, выступая, благодаря контролю над деньгами и информацией, оператором этого процесса. Этим субъектом были североитальянцы, главным образом венецианцы. Именно их злая воля подгоняла процесс первоначального накопления, который в Англии XVIII в. превратили в полноценное и широкомасштабное капиталистическое накопление. Сам этот субъект, который, по-видимому, совершенно не интересовал Маркса, в процессе международного первоначального накопления капитала менялся – *mutabor!*, утрачивая постепенно национальные черты и превращаясь в наднациональный североатлантический. Причем сам этот процесс превращения, по крайней мере, его политические аспекты, имевшие не меньшее значение, чем экономические и игравшие не меньшую роль, чем последние, был теснейшим образом связан с развитием тайных (закрытых) обществ, КС, которые хотя и заявили о себе в XVIII в., сформировались в XVII в., и формирование это опять же связано со Стюартами, с католическо-протестантской борьбой за английский трон. В 1603 г. несколько влиятельных семей, включая Сесилов (Бергли), исходя из конъюнктурных интересов, совместно со своими генуэзско-венецианскими союзниками посадили на английский трон Стюарта – Якова I. В правление его сына Карла I на английской сцене появляются розенкрейцеры, корни которых уходят в XV в. Активную роль в этом играл иезуит и одновременно крупнейший научный авторитет эпохи Роберт Флад (*Robertus de Fluctibus*), т.е. роль иезуитов в развитии розенкрейцерства как восточного герметического культа несомненна (как позднее, в конце XVIII в. – в развитии иллюминатства).

Во второй половине XVII в. на основе розенкрейцерства и наследия тамплиеров, бежавших в начале XIV в. Шотландию, начинает развиваться Шотландский обряд (*rite*), который в XVIII в. «отольется» в масонство Шотландского обряда. Шотландский обряд начал формироваться, по крайней мере организационно, во время пребывания Стюартов в изгнании во Франции как масонская сеть, главной задачей которой было обеспечить возвращение династии на трон. После того, как это произошло, сеть легализовалась в качестве Лондонского королевского общества под руководством криптоиезуита и «дедушки» политэкономии (под названием «политическая арифметика») У. Петти и при активном участии Ньютона, Бойля, Локка, Гука и др.² Однако, как показывают бумаги Ньютона, который, кстати, как и Локк, служил в Ост-Индской Компании, научное общество было ширмой, скрывавшей тайную сеть, требовавшую идейного оформления.

¹ Israel J.I. Ук. соч. Р. 312.

² Chaitkin A. P. Ук. соч. Р. 149.

Обеспечить это последнее У. Петти отрядил Элиаса Эшмола, который объединил в одно целое культы тамплиеров и розенкрейцерство во фладовском варианте. В результате оформилось масонство Шотландского обряда, отличающееся от свободного масонства (фримасонства), главной структурой которого во Франции в XVIII в. стала ложа Великий Восток; к последней принадлежали, в частности, Лафайет и Бенджамин Франклин. Масонство Шотландского обряда «генетически», исходно было связано, с одной стороны, с иезуитами (и Стюартами и их потомками, а следовательно с Шотландией, с Эдинбургом), с другой – семействами банкиров Женева, Лозанны и Берна, несмотря на то, что последние были в основном протестантами: совместным стратегическим и тактическим политическим, экономическим и геоисторическим проектам это вполне реальное противоречие не мешало.

Тайные масонские общества XVII в., которые официализируют себя в XVIII в., были тесно связаны с различными силами – английской знатью, Сити, венецианцами, еврейскими финансово-религиозными кругами – и активно участвовали в политике, в основном тайной, т.е. в заговорах своего времени. При этом они активно использовали имеющийся «еврейский след», пытаясь представить происходящие изменения как результат «еврейского заговора» и стремясь таким образом спрятать себя и свою деятельность за ширмой «еврейского заговора». Никто не станет отрицать, например, роль еврейского капитала и раввинага ни в Венеции (в 1638 г. венецианский раввин Симоне Луццато даже выпустил «Очерк о евреях Венеции», где подробно описал те позиции, которые исторически завоевали евреи в этом городе¹), ни в так называемой «буржуазной революции» в Англии. Однако помимо евреев, поддерживавших Кромвеля в Англии и одновременно Фронду во Франции, Кромвеля поддерживали и Сити, и часть английской знати, и венецианцы, и голландцы.

Можно сказать, что «еврейский заговор» оказывается удобным и для самих КС, которые, во-первых, прикрывают им свою деятельность, тем более что еврейский след (финансовый капитал и т.д.) есть; во-вторых, сознательно делают это, чтобы легко обвинить идущих по следу в антисемитизме и таким образом обрубить концы и спрятать их в воду, и для тех, кто отказывается по тем или иным причинам признавать существование КС и их историческую роль: обвиняя любого аналитика тайной политики и связанной с ней каузальности в «поисках жидомасонского заговора» такие «деятели» блокируют и анализ реальной истории, и роль в ней еврейского капитала и еврейских организаций, жульнически сводя вопросы власти и экономики к национальному вопросу. Им бы почитать Маркса, писавшего о том, что еврейский вопрос – не национальный и даже не религиозный, а остросоциальный. Повторю: это не значит, что «еврейского заговора» («еврейских заговоров») в вековой борьбе за власть, информацию и ресурсы не было – был (были). Как были венецианский, английский, немецкий, американский и т.п. заговоры (русского, по-видимому, не было – к сожалению). Но этот заговор (заговоры) всегда был частью более крупного (крупных), ячейкой более широкой сети. Даже создание Израиля – это далеко не только «еврейский заговор», это намного более крупная игра с участием США, Германии, Великобритании и СССР, как и неолиберальная контрреволюция 1980–2010 гг., Тридцатилетняя война – финансово-экономическая – банкиров против мира.

¹ Attali J. Ук. соч. P. 340.

Другое дело, что «еврейский заговор» выталкивают (кстати, активны в этом представители масонства Шотландского обряда и те, кто «поет» с их голоса) на первый план как главный, а то и просто единственный и всеохватывающий, как ложный след. Делается это, повторяю, с умыслом: чтобы, вызвав реакцию на антисемитизм, скомпрометировать и заблокировать изучение и этого узкого заговора самого по себе, и того более крупного, элементом которого он является, т.е. перенаправить ход работы в тупик, где ожидает обвинение в антисемитизме. Жизнь, а также природа заговора (жизнь-как-заговор и заговор-как-жизнь) слишком сложны и многоуровневны, чтобы быть представлены одним единственным заговором, тем более национальным/этнорелигиозным. Мир заговоров (и жизнь) – это tangled hierarchy, лучше всего иллюстрируемая картиной М. Эсхера «Относительность». Это не значит, что отдельными заговорами надо пренебрегать – пренебрегать ничем не надо: в нашей работе, в следствии по особо важным историческим делам, мелочей нет.

Итак, на рубеже XVII–XVIII вв. в Англии формируется социальный блок, комбинирующий политическую, торговую (в мировом масштабе), финансовую (ростовщическую) и научно-идеологическую деятельность. Это было не характерно для предшествующей европейской традиции, где экономические, политические и духовные функции были разведены институционально, социально и зафиксированы в качестве таковых (а ростовщичество так просто, мягко говоря, не поощрялось и презиралось). Однако указанная комбинация была типична для древнего Востока; идя от Вавилона через финикийцев и Карфаген, она «заземлилась» в Венеции, а уже оттуда попала в Англию, став фактором переформатирования этой страны и сборки нового исторического субъекта, вставшего в конечном счете над реальной экономикой и над национальными сообществами, и неудивительно, что этот субъект начал создавать свои КС, первыми из которых были масонские, и свою систему – капитализм.

XVI–XVII вв. – период генезиса новой социальной системы на Дальнем Западе, на западной (североатлантической) окраине Евразии. Возникнув по законам длинных циклов Евразии, эта система и создавший ее субъект вступили в противоречие с Евразией и начала подминать под себя, ломать ее циклы. Произошел перелом в развитии больших циклов Евразии: Северная Атлантика выломилась из них и начала не только развиваться по своей логике, но и навязывать ее всему миру. Главным персонификатором североатлантического развития с XIX в. стали англосаксы, евразийского – русские. На больших циклах Евразии и североатлантико-евразийской схизме, сыгравшей намного большую роль в истории, чем откол Рима от Константинополя, имеет смысл остановиться подробнее.

8. Большие циклы Евразии, или Маятник Старого Света

Евразия делится на две части – Прибрежный пояс, оком, который тянется от Охотского и Японского морей по побережью Индийского океана и Средиземноморья до Атлантики, и глубинную часть – Хартленд; в основном это Россия плюс Центральная Азия. Прибрежный пояс – зона возникновения и существования крупнейших цивилизаций, Хартленд, точнее, его восток и центр – зона жизни кочевых народов, их империй. В течение двух с половиной тысячелетий – с XII в. до н.э. до XIII в. н.э. доминирующей силой в Евразии были кочевники. Зона их жизни была эпицентром, откуда расходились волны крупнейших демографических и социальных изменений, в результате которых рушились и возникали новые социальные системы и империи. Каскадные события жизни кочевников Хартленда, прежде всего образование и распад степных племенных держав, которые по сути были военными мегамашинами, играли роль спусковых крючков: они вызывали сход людских лавин, которые, проносясь с Дальнего Востока на Дальний Запад Евразии, сметали многое на своем пути, резко меняя исторический ландшафт.

У движения этих людских волн, антропотокров были своя логика и свои особенности¹.

Первое. Исходный импульс великих миграций зарождался в Центральной Евразии, точнее, в ее восточной, азиатской кочевой части, и распространялся оттуда в западном направлении.

Второе. Эти экспансии в западном направлении вызывали реакции в виде контрэкспансий с запада в восточном направлении, т.е. последние носили реактивный характер. Чередующиеся движения с востока на запад и с запада на восток напоминают действие маятника, и я так и называю этот феномен – Маятник Старого Света.

¹ Подробнее см.: Фурсов А.И. Срединность Срединной Азии. Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. М., 1998. Т. I, № 4. С. 165–185; его же: Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (très-très grand espace dans une très-très longue durée) // Русский исторический журнал. М., 2001. Т. IV, № 1–4. С. 25–34.

Третье, наиболее интригующее. Колебания Маятника Старого Света носили циклический характер – 700–800 лет; в результате возникало то, что я называю Большими циклами Евразии. Приглядимся к ним повнимательней.

В XIII–XII вв. до н.э. в Северное Причерноморье, на Дальний Запад великой евразийской степи, ворвались на своих колесницах индоевропейские племена. По-видимому, это была миграционная волна, зародившаяся на 100–200 лет раньше в Центральной Азии в результате острой межплеменной борьбы. С юга Восточно-европейской равнины индоевропейцы двинулись на Балканы, дав старт процессу, именуемому историками «кризис XII в. до н.э.». По сути это было первое крупное переселение народов, древний *Volkwanderung*. Оно разрушило старый средиземноморский мир, открыв эпоху «темных веков», предшествовавших Античности, – так же, как переселение народов IV–VI вв. открыло эпоху «темных веков», предшествовавших Средневековью. Даже Египет – североафриканская, а не евразийская часть Старого Света – подвергся нападению и разрушениям «народов моря». Аргонавты, подвиги Геракла, Троянская война – все это происходило в период затухающей фазы кризиса XII в., было его элементом. Кризис XII в. ударил по восточному Средиземноморью, однако бикфордов шнур подожгли на востоке Центральной Евразии.

Прошло 800 лет, и Маятник двинулся на Восток: Александр Великий начал свой *Drang nach Osten*; за ним последовали римляне. Греко-римская (западная того времени) экспансия достигла предела при императоре Траяне (98–117 гг. н.э.). В течение почти столетия римляне пытались удерживать *limes*, однако после смерти Марка Аврелия стало ясно: сил не хватит, и хотя до захвата Рима Аларихом оставалось 230 лет, а до падения Вечного города и конца его вечности – 286 лет, тенденция, пусть пунктиром, уже наметилась, а на Дальнем Востоке Евразии «Аннушка макроистории» уже купила масло и не только купила, но и пролила.

Марк Аврелий умер в 180 г., а в следующем году в монгольских степях умер Таньшихай, великий хан квазимперии Сяньби. Именно сяньби сокрушили великую державу Хунну (конец III в. до н.э. – II в. н.э.), современницу китайской династии Хань, а затем нанесли ей смертельный удар. Союз Сяньби по сути не пережил смерти своего великого хана, в степи начался очередной виток борьбы – и очередная миграция на запад. В III–IV вв. н.э. хунну смерчем пронесли по евразийской степи, превратившись в гуннов – конгломерат разных народов и племен различного этнического происхождения. Столица, Гуннигард, находилась где-то в районе нынешнего Киева.

В IV в. н.э. – 800 лет спустя после восточного похода Александра – Европа ощутила новый страшный удар с востока. Переведя свои войска через Дон, разбив и обратив в бегство готов, вождь гуннов Баламир (славянское имя, напоминающее Боромира из «Властелина колец») дал старт второму, на этот раз по-настоящему великому переселению народов. Держава гуннов распалась в 453 г. после смерти Атилы, однако великое переселение народов на этом не закончилось – оно только начиналось. К концу V в. западная часть Римской империи была разрушена, и в VI–VII вв. на ее руинах возник «*brave new world*» Барбарикума – жестокий и кровавый. Картину довершили своими завоеваниями арабы в VII – начале VIII вв. и викинги в IX в. На запад Евразии опустилась вторая эпоха «темных веков» или, если

пользоваться толкиновской метафорой, «завеса мрака» (впрочем, опустилась она не только на запад, но и на восток).

Прошло еще 800 лет, времена Баламира, Аттилы, Одоакра, Теодориха и первых Меровингов не только уже стали легендами, но и легенды успели превратиться в мифы, и Маятник качнулся на запад – с крестовыми походами. Однако в истории не бывает буквальных повторений: мир начала II тысячелетия н.э. стал на порядок сложнее и многомернее, чем мир I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э.; мир менялся, в нем появлялось нечто новое. Речь идет о том, что во время и после шестого крестового похода на Западе (1228–1229) новая волна покатила с востока; словно пройдя лишь половину пути, Маятник Старого Света начал возвратное движение. Речь идет о «великих монгольских завоеваниях». Если до монголов нашествия на запад с востока Евразии носили стихийный характер «снежного кома», то монголы – отражение более сложного и плотно населенного мира – были первыми (и последними) «имперскими», «державными» номадами, чьи нашествия носили не стихийный, а плановый, систематический характер, характер запланированного завоевания всего известного монголам мира («до последнего моря») и создания мировой державы. Отсюда – некоторый сбой в «работе» Маятника.

По сравнению с великими монгольскими завоеваниями два последних крестовых похода, ассоциирующиеся с Людовиком Святым, выглядят хлипко – не только потому что провалились, но прежде всего из-за различий в масштабе и, главное, в исторических последствиях. В нахлесте двух волн более мощной по геоисторическим последствиям оказалась восточная, кочевая. В известном смысле с некоторым упрощением можно сказать, что ситуация XIII в. – это антипод ситуации второй половины I тысячелетия до н.э., когда скифская, а затем сарматская «восточные» волны натолкнулись на превосходящие их силы греческую, а затем и римскую стену. Монголы будто распространили Центральную Евразию на весь Хартленд, создав нечто вроде Великой (Большой) Центральной Евразии далеко за ее собственными пределами.

Прошло 700–800 лет со времен крестоносцев и великих «имперских» монголов, и мы видим новое движение Маятника. Но мир за время четвертого евразийского цикла (XII/XIII–XIX/XX) стал еще на несколько порядков сложнее, и в колебаниях маятника, естественно, появились новые черты: он опять двинулся на восток, но уже из Европы – эмиграция из Старого Света в Новый в XIX в. (сюда, по данным П. Бэрока, с 1851 г. по 1915 г. прибыли около 41 млн европейцев, с 1915 г. по 1951 г. к ним добавились еще 12–13 млн, а затем поток резко сократился). В XX в. к этому добавилась массовая миграция Юг–Север (тот же Бэрок дает цифру 27 млн иммигрантов из «третьего мира» в «первый» между 1950 и 1989 гг., но это только легальная миграция; в 1990-е годы и в новом веке процесс продолжается; за полтора столетия с начала XIX в. и до начала Второй мировой войны в Европу и в меньшей степени в Америку мигрировали всего 1–2 млн человек¹, главным образом китайцы). Обе эти миграции, однако, выходят за рамки Евразии, они разворачиваются в мировом масштабе, логика евроазиатского развития начинает подчиняться североатлантической, мировой.

¹ Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVIe siècle à nos jours. P. Gallimard, 1997. Vol. II. P. 176.

Наиболее интересная, интригующая особенность самих геоисторических циклов Евразии заключается в том, что с точностью часового механизма в середине циклов происходили крупные, макроисторические изменения, часто менявшие ход истории. Они выражались в появлении новых крупных держав («империй»), а в Европе, на Дальнем Западе Евразии – в великих социальных революциях, в появлении новых исторических субъектов, создававших качественно новые социальные системы.

В VIII–VI вв. н.э., посреди первого цикла, в Древней Греции произошла полисная революция, обеспечившая социальную основу для новой системы, основанной на рабстве. Несколько раньше произошла «железная революция» – тоже косвенное последствие великого переселения народов рубежа II–I тысячелетий до н.э. Именно «железная революция» во многом обеспечила материально-техническую базу полисной революции в Греции. На Ближнем Востоке она стала основой появления новых военных («марширующих» – “*march states*”) держав все в той же середине первого цикла. Во второй половине VIII в. до н.э. при Тиглатпаласаре III резко усиливается Ассирия, а в Иудее появляются пророки; в начале VII в. до н.э. наступает расцвет Нововавилонского царства при Набопаласаре; в VI в. до н.э. возникает Персидская держава; в VII в. до н.э. в Китае на руинах Чжоу оформляется система, именуемая в традиционной китайской истории “Уба” (“Пять гегемонов”) – государства Ци, Сун, Цзинь, Чу и У.

В I–II вв. н.э., в середине второго евразийского цикла, в Средиземноморье происходит мощная духовная и социальная революция – возникает христианство. Эта революция не привела к оформлению новой социальной системы, однако ее результат был серьезнее, масштабнее и долговечнее любой социальной системы – индивидуальный субъект, вступающий в индивидуальные, а не коллективно предписанные отношения с Абсолютом (именно то, за что афинский полис обрек на смерть Сократа), а следовательно с людьми, т.е. личность как снятие в одном отдельно взятом человеке противоречия «коллектив – индивид».

Одновременно с христианством в Евразии возникли две мощные державы – Римская империя, которую в V в. н.э. сметет, пользуясь термином А. Тойнби, «внешний пролетариат» – варвары, и Младшая (Поздняя) Хань в Китае, которую в начале III в. н.э. сметет «внутренний пролетариат» – крестьянские восстания «Желтых повязок» и «Армии Черной горы». Показателен и хронологический параллелизм кризисов: кризис Рима начала III в. н.э. при Северах (193–233 гг. н.э.) и Китая в эпоху Троцарствия (220–265 гг. н.э.). Такое впечатление, что словно по «принципу домино» с запада на восток Евразии распространялся кризис великих держав того времени, ведь помимо кризиса III в. н.э., после которого Рим уже так и не стал прежним, и крушения Поздней Хань в 220 г. в начале III в. н.э. рухнула еще одна великая империя – Парфянская, главный противник Рима на Ближнем Востоке: в 226 г. в Персиде поднял восстание Ардашир, будущий основатель политики Сасанидов, которая заложила институциональный фундамент ближневосточной государственности на тысячу лет.

В VII–VIII вв. н.э., в середине третьего цикла – генезис феодализма, Каролинги, подъем ислама (халифат Умайядов), взлет Второго тюркского каганата, расцвет Танского Китая.

Наконец, в XV–XVII вв., в середине четвертого цикла по всей Евразии почти одновременно возникли и (или) расцвели великие империи – Карла V Габсбурга,

Ивана IV Рюриковича (после присоединения Казани и Астрахани), Османская империя, Сефевиды в Иране, Моголы (Тимуриды) в Индии, Цин в Китае, сегунат Токугава в Японии. Кроме того, в «Европейской Евразии» возникли две принципиально новые социальные системы: на Западе, в «атлантикизированной» Европе – капиталистическая (англосаксонская), на Востоке – самодержавная (русская).

И вот здесь происходит интереснейшая вещь. Возникший в середине четвертого восьмисотлетнего цикла капитализм начал формировать свою – североатлантическую макрорегиональную – систему, которая, в отличие от евразийской системы и всех ее подсистем была капиталистической, морской и ориентированной на мировую экспансию, т.е. на превращение из евразийской подсистемы в систему, альтернативную евразийской. С самого начала североатлантические капиталистические элиты демонстрируют агрессивность и хищнический характер, присущий рабовладельческим империям: объектами агрессии становятся доколумбова Америка, части Африки и Азии; была сделана попытка поставить под контроль Россию. Вспомним концепцию «Зеленой империи» Джона Ди.

Джон Ди был учеником венецианцев, сыгравших, как уже говорилось, огромную роль в том, что произошло с североатлантической Европой в XVI – XVII вв., а следовательно, и с миром. Переформатирование венецианцами английской верхушки касалось не только ужесточения отношения к населению, но куда более важных вещей: венецианцы сменили тип элиты, ее геоисторический и психосоциальный тип – с континентального на морской, заложив таким образом фундамент североатлантической талассократии, придав ей целеустремленный и обеспечив широкое, масштабное мировое видение. Хотя Англия была островом, еще в начале XVI в. ее правящий слой был континентальным по типу и устремлениям; Первая Столетняя война велась за обладание Францией; Вторая Столетняя война уже будет за обладание морями, морскими территориями – «и целого мира мало». Венецианцы были представителями не просто морского социума, но торгово-морской сетевой рабовладельческой империи, поэтому не только британская элита мутировала в морскую, но и Британская империя развивалась как рабовладельческая, причем в такой степени, как ни одна колониальная империя; рабовладельческими были и ее анклавы – карибские и североамериканские колонии/США. И, конечно же, нормой жизни британской верхушки стала безостановочная имперская экспансия, совпавшая с безостановочной экспансией капитала: империя расширялась вместе с мировым рынком и капсистемой.

Таким образом, в середине XVI в. одновременно с четвертым большим евразийским циклом, параллельно с ним и в борьбе с ним начинает развиваться североатлантический цикл истории, который, обладая внутренней логикой и динамикой, определявшимися циклами накопления капитала и циклами гегемонии, стремится подчинить своей логике евразийское развитие, наиболее полно и мощно воплощавшееся русским самодержавием, в котором именно англичане с самого начала разглядели главного противника – за два с лишним столетия до британско-русского противостояния XIX–XX вв. С XVI в. развитие Евразии происходит как бы в двух плоскостях, при этом плоскости связаны между собой:

– в Евразии шла борьба между североатлантической зоной (Западной Европой) в целом и Россией, воплощавшей евразийский некапиталистический тип и путь

развития, но все больше испытывавшей влияние североатлантических элит, капитализма и все больше втягивавшейся в мировой рынок;

– в североатлантической зоне Евразии – в зоне, которая в то же время была ядром формирующейся мировой, а не евразийской системы, шла борьба между европейскими державами, точнее, между англосаксами и континентальными европейскими державами (Испания, Франция, Германия) за контроль над заморскими территориями и за равновесие в Европе, причем союзником британцев, как правило, выступала Россия;

Таким образом, мы получаем запутанный клубок евразийско-североатлантических и внутрисевероатлантических противоречий. Относительная ясность возникла лишь дважды – на короткий миг Крымской войны и на более длительный отрезок Холодной войны, когда евразийский СССР противостоял единому североатлантическому Западу, поставившему задачу окончательного геоисторического и геокультурного решения русского вопроса, только иначе, в иной плоскости и иными средствами, чем это собирался делать ставленник североатлантической финансовой олигархии и тайных обществ Запада Гитлер.

Повторю, несмотря на сохранение логики развития четвертого евразийского цикла, запущенного монгольскими геоинженерами-ханами и подхваченного русскими геоконструкторами-царями, с XVI в. развитие евразийского ядра, самодержавной системы все больше испытывает на себе воздействие североатлантических экономико-политических циклов; евразийская история начинает превращаться в часть мировой, которую строят североатлантические элиты (эти последние в свою очередь формируются британцами, причем не только англичанами, но и шотландцами). А структуры русской истории коррелируют со структурами североатлантической и стоящими за ними циклами накопления и гегемонии.

Забегая вперед, отмечу: согласно Дж. Арриги, с XVI в. капсистема прошла три цикла накопления капитала – голландский (конец XVI в. – третья четверть XVIII в.), британский (вторая половина XVIII в. – начало XX в.) и американский (с конца XIX в. по начало XXI в.). Страна – главный накопитель капитала была и гегемоном системы. Пик гегемонии Голландии приходится на 1625–1672 гг., Великобритании – 1815–1873 гг., США – 1945–1973 гг. как государства (но не кластера транснациональных корпораций).

Показательно, что голландскому циклу накопления капитала и гегемонии Голландии в североатлантической зоне соответствовало в России (Евразии) Московское царство; британскому и гегемонии Великобритании – Российская империя (Петербургское самодержавие), американскому и гегемонии США – СССР. Причем в упадок эти параллельные североатлантические и русские (евразийские) структуры приходили одновременно, уходя в прошлое, словно скованные одной цепью.

Но здесь и сейчас на этой теме мы поставим точку и обратим внимание на очень важную черту североатлантического развития, развития капитализма. Его история почти с самого начала приобретает проектно-конструкторский характер. Как только осуществилась (к середине XVII в.) сборка североатлантического исторического субъекта, воплотившего в себе сразу несколько элементов и традиций, включая вавилонскую (в венецианском переложении), как только этот субъект к началу XVIII в. расправил плечи и наряду с явными формами (капитал, государство),

начал создавать конспиративные, криптоматические, он в полном соответствии с логикой и природой капитализма – строя, который он создал в той же степени, в какой и был создан им, – начал пытаться направлять-менять ход истории, ставя определенные системно-исторические конструкторские задачи. Решение этих задач стало главным делом и *raison d'être* КС.

9. XVIII век: рождение проектно-конструируемой Истории, или Что могут Вещество, Энергия и Информация, сконцентрированные в одних, отдельно взятых руках

Пожалуй, главное метафизическое, метаисторическое отличие капитализма от всех предшествовавших ему систем, его главная тайна заключается в том, что история этой системы с определенного, причем довольно раннего момента, примерно с середины XVIII в., приобретает проектно-конструируемый, если угодно, направляемый, «номогенетический» характер. Нельзя сказать, что до XVIII в. никто, никакие группы и силы никогда не предпринимали попыток направить ход истории тем или иным образом. Однако эти попытки, за редкими исключениями, во-первых, носили локальный характер; во-вторых, были краткосрочными и, как правило, проваливались; в-третьих, до середины XVIII в., а точнее до хроноотрезка 1750–1850-х годов для такого рода попыток не было серьезной производственной базы.

В «длинном XVI веке» (1453–1648 гг.) возникает то, что И. Валлерстайн назвал европейской (североатлантической) мир-системой, история приобретает мировой характер. Кроме того, возникают необходимые и достаточные условия для исторического проектирования теми группами, которые, оттолкнувшись от эпохи «длинного XVI века» в течение столетия после его окончания превратились в операторов мирового рынка, а следовательно – в потенции – в операторов мировой истории.

Возможности проектировать и направлять ход истории, конструируя ее, зависят от нескольких факторов:

- наличия организации, способной ставить и решать задачи подобного рода, т.е. обладающей геоисторическим целеполаганием, способностью к стратегическому планированию в мировом масштабе и волей действовать на этой основе;
- адекватного объекта манипуляции как средства решения задач проектно-конструкторской (геоинженерной) исторической деятельности;
- наличия финансовой базы, обеспечивающей доступ к власти и собственности и сохранение прочных позиций в обеих этих сферах;
- контроля над информационными потоками при значительной роли последних в жизни общества или, как минимум, его верхов;
- наличия структур рационального знания, анализирующего закономерности истории, массовые процессы и социальные группы в качестве объектов и средств реализации проектно-конструкторской деятельности.

Организацией, способной определенным образом направить ход истории, было английское масонство, опиравшееся на финансовую мощь Сити, мощь операторов мирового рынка (буржуазии), аристократических клубов и, конечно же, государства Великобритании. В конце XVIII в. к масонам «присоединились» иллюминаты, «созданные» иезуитами для борьбы с масонством, но вышедшие из-под их контроля, а сами масоны получили сработанную ими оперативную базу – искусственно созданное, полигонно-историческое государство США, куда вскоре устремились и иллюминаты, функционирующие там до сих пор (Йейл: «Череп и Кости»), и другие группы и структуры, неуютно чувствовавшие себя в Европе.

В середине XVIII в. удивительным образом одновременно возникли и адекватный объект манипуляции – массы («вещество»), и мощнейшая финансовая база (деньги – «энергия»), и новые информпотоки («информация»).

Объектом манипуляции может быть масса, в меньшей степени – класс, т.е. такой атомизированно-агрегированный человеческий материал, который состоит из индивидов, а не из коллективов, массовый индивид. Любым традиционным коллективом, укорененным в «малой традиции», имеющими общие нормы, ценности, предание, будь то община, клан, племя, каста и т.п. трудно манипулировать. А вот «одинокая толпа» (Д. Рисмэн) городов, особенно прединдустриальных и раннеиндустриальных, еще не превратившаяся в «трудящиеся классы» и только еще превращающаяся в «опасные классы», столь красочно описанные Эженом Сю, – совсем другое дело, это адекватный объект для широкомасштабных исторических манипуляций. И появляется этот объект, это «вещество» – массы – именно в середине XVIII в., чтобы взорваться, а точнее, быть взорванным в «эпоху революций» (Э. Хобсбаум), в 1789–1848 гг.

Выход масс на авансцену истории предоставил огромные возможности широкомасштабным манипуляторам. Он же позволил им ловко прятать свою проектно-конструкторскую активность (Заговор) за массами, за их «объективными» интересами и целями (которые они сами не могли сформулировать), ну а контролирует массы тот, у кого деньги, организация и информация и кто понимает ход истории и массовых процессов, на которые – вместе с массами – в случае чего можно свалить всю вину за эксцессы. Именно с появлением массовых совокупностей индивидов, «человека толпы» (Э. По), массовых процессов законы истории приобретают видимый и вполне рационализируемый характер, а следовательно, их можно оседлать, дело лишь за организацией и финансами.

В середине XVIII в. происходит финансовый взрыв; если во второй половине XVII в. «высокие финансы» снимают урожай «длинного XVI века», то в середине XVIII в. формируются основы современной финансовой системы. Разумеется, и в докапиталистическую эпоху, и на заре капитализма в XV – XVI вв. банкиры могли оказывать существенное воздействие на ход истории: венецианцы профинансировали Четвёртый крестовый поход (т.е. разрушение Константинополя) и отчасти – Реформацию; Барди и Перуцци в XIV в. финансировали английских королей, а Фуггеры в XVI в. – Карла V; союз банкиров и ростовщиков Ломбардии, тесно связанных еврейскими религиозно-родственными узами с банкирами Англии и Чехии (Прага) был настолько силен, что сыграл свою роль в разрушении конкурентов – ордена тамплиеров. Однако ни одна из названных сил не имела тех

возможностей, которые возникли в XVII–XVIII вв. с наступлением капиталистической эпохи. Во-первых, в XVII в. произошла финансовая революция, начавшаяся в 1613–1617 гг. созданием семейством Барухов Standard Chartered Bank и фиксацией гудвила и завершившаяся созданием в 1694 г. Центрального банка Англии и изобретением государственного долга – мощнейшего финансового оружия Альбиона в борьбе за господство в Европе и мире.

Взрыв в развитии банковского капитала, о котором идет речь и который сделал его всемогущим, был обусловлен тремя факторами, стимулировавшими развитие «высоких финансов»: британско-французской борьбой за мировое господство; колониальной экспансией европейских держав и начавшейся промышленной революцией. Все это требовало денежных средств и совершенствования финансовой организации. Надо ли говорить, что банкиры были активными участниками КС?

Наконец, последнее по счету, но не по значению – роль информации. В XVIII в. произошло еще одно изменение кардинального порядка – резко, качественно выросла роль определенным образом организованной («упакованной»), подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной, принципиально новой и направленной информации и контроль над ней. Эти информпотоки обосновывали претензии новых социальных групп и их союзников из структур Старого Порядка на участие во власти и становились мощным психоисторическим оружием КС в переформатировании сознания элиты, социальной вербовке адептов средством тщательно подготавливаемого перехвата власти с помощью массового движения, первым из которых впоследствии станет Французская революция 1789–1799 гг.

«Энциклопедия» со стеклянной ясностью продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну социально ориентированная и идейно упакованная информация (информация специального и политического назначения), каково ее воздействие на элиты, ставящее их под воздействие определенного информпотока и открывающее их таким образом влиянию КС или даже превращающее во внешний круг последних. По сути «Энциклопедия» – это первый пример успешной информационной войны эпохи Модерна, причем войны двойной: энциклопедистов и тех, кто стоял за ними, против Старого Порядка за умы и сознание элиты, с одной стороны, и войны между основными кланами самих энциклопедистов за то, кто будет влиять на элиту и получит главные дивиденды от этого, с другой¹.

Таким образом, в середине – второй половине XVIII в. впервые в истории в невиданных доселе масштабе и форме произошло соединение вышедших на первый план по логике развития капитализма как системы «больших финансов» (денег, золота), информпотоков и больших масс атомизированного населения. Произошло соединение в одной точке Вещества (массы), Энергии (деньги) и Информации (информпотоки, идеи), а концентрация их в одних контролирующих руках. Точкой соединения и одновременно субъектом последнего, соединителем, контролером стали прежде всего закрытые наднациональные структуры согласования и управления, в данном конкретно-историческом случае – масонские КС.

Подчеркиваю: произошло это в соответствии с законами развития капитализма и его логикой. Более того, на эти законы с целью их активного использования в сво-

¹ Эта тема освещена в: Badinter E. Les passions intellectuels. P.: Fayard, 1999. Vol. I–II.

их интересах в противостоянии монархии и церкви КС обратили самое пристальное внимание, довольно быстро выявив и идеологически зафиксировав противоречия двух указанных институтов с развитием капитализма. В связи с развитием идейно-информационной сферы и задачами анализа социальной реальности возникает потребность в структурах рационального знания и, соответственно, в особых отраслях этого знания, анализирующих массовые процессы, массовое поведение, исторические законы. Чтобы использовать массовые процессы, информационно и энергетически влияя на них в нужном направлении, т.е. чтобы оседлать их, нужно их изучать, но само изучение должно носить закрытый характер – по Платону, который говорил, что даже если мы узнаем имя создателя этого мира, его не следует сообщать всем. Именно КС закрепили модель двухконтурной социальной науки на Западе: внешний – для общего пользования, для профанов, и внутренний, для ограниченного круга – для тех, кто делает историю, для ее субъектов.

Капитализм, несмотря на всю якобы стихийность рынка, значительно преувеличенную и мифологизированную (даже так называемый «mid-Victorian market» 1850–1870-х годов – это не более чем регулируемый социальный институт, просто регулировка неплохо камуфлировалась), – это проект. Проект, далеко не всегда успешно реализуемый относительно небольшим числом связанных друг с другом регулярными отношениями лиц, групп и структур, действующих организованно, в соответствии с долгосрочными планами и вовсе не открыто, а, как правило, тайно. Аналогичным образом в закрытом режиме действуют и организации этого проекта – его «конструкторские бюро». Тайный (закрытый) проект – что это, если не Заговор в самом широком смысле слова? КС, Заговор суть формы нормального функционирования капитализма – реального капитализма, а не той идеологической, далекой от научности схемы, которую преподносят как его апологеты, так и его многие критики из профанно-профессорской науки. Без понимания того великого эволюционного перелома, который произошел в середине XVIII в., мы не поймем ни капитализм, ни прошлое, ни сегодняшний день, когда на повестке дня КС стоит демонтаж капитализма. Не поймем и в результате проиграем Большую Историческую Игру, приз в которой – достойные жизнь и место под солнцем в посткапиталистическом мире.

Начало проектно-конструкторского этапа в истории Европы и мира совпало с подъемом англосаксов, Великобритании и – шире – наднационального североатлантического субъекта со всей его этнической мозаикой и его КС. Это не случайно: исходно масонские организации как первая форма КС эпохи капитализма были тесно связаны с политическими и финансовыми интересами английского (с 1707 г. – британского) государства. Для финансово-аристократического союза операторов мирового рынка и европейской/мировой политики, сложившегося в столетие между английской революцией и Семилетней войной, т.е. в период, наполненный окончательной победой британской олигархии над Стюартами, т.е. устранением угрозы их восстановления на троне, и двумя победами над Францией – над Людовиком XIV и над Людовиком XV, Великобритания стала чем-то большим, чем государство и империя. Для них это был кластер торговых домов и масонских организаций, некая Матрица, в которой как в старой форме реализовывались новые интересы и в то же время в которой как в обновленной форме продолжали развиваться старые ин-

тересы. Показательно, что именно в середине XVIII в. войной за австрийское наследство (1740–1748) Великобритания, как заметил Г.У.В. Темперли, открыла счет войнам, в которых абсолютно преобладали торговые интересы и которые велись исключительно ради баланса торговли, а не баланса сил. Показательно и то, что в середине XVIII в. прекратилось трехсотлетнее противостояние между Австрией (Габсбурги) и Францией, которое было одной из главных геополитических осей 1450–1750 гг., т.е. эпохи, когда феодализм уже закончился, а капитализм в строгом системном («формационном») смысле еще не начался, – эпохи Старого порядка. Это еще одна черта совершившегося в середине XVIII в. исторического перелома.

Иными словами, Великобритания в середине XVII – середине XVIII в. оформилась как нечто невиданное до тех пор – новая, компромиссная форма взаимодействия старых, коренящихся в английском и венецианском средневековье, в гностической античности и ближневосточной крылато-львиной вавилонской и иудейской древности, сил, ставших наряду с новыми силами операторами мирового рынка. При этом и рынок, и его операторы в виде буржуазии и новой аристократии словно вдохнули жизнь, энергию новой эпохи в старые формы, произошел энергоинформационный обмен. В то же время уже к середине XVIII в. намечилось то противоречие, которое со всей остротой проявится два века спустя в США – между США как государством и США как кластером транснациональных компаний. В Великобритании XVIII в. то было противоречие (далекое от американской остроты) между Великобританией как государством и Великобританией как кластером, паутиной торгово-финансовых структур, аристократических клубов и масонских лож. Зонами несовпадения интересов государства и лож были вопросы дальнейшей судьбы Ост-Индской Компании и событий в североамериканских колониях; зоной совпадения – экспансия лож в Европе («на континенте»), уничтожение Франции как конкурента. Процессом и структурой, полем и средством устранения этих несовпадений/противоречий стала Вторая Британская империя (1780–1840-е годы). Однако этому предшествовал период активной работы по трем «конспирологическим направлениям», в котором интересы государства и лож отчасти совпадали, отчасти вступали в противоречие:

- 1) создание сети масонских континентальных лож, управляемых из Лондона;
- 2) создание масонского государства, свободного от традиционных государственных ограничений и в этом смысле – искусственного, экспериментального, а следовательно, территориально вынесенного за пределы Европы;
- 3) подрыв Франции на международной арене и изнутри, путем создания серьезных внутренних проблем и беспорядков с активным использованием масонства, масонских лож как мощного оргоружия.

Это и составило основное содержание первого этапа развития КС. Но прежде чем перейти к характеристике основных этапов развития этих структур, необходимо представить «рамку», а точнее рамки, в которых это развитие протекало. Речь пойдет о циклике капсистемы: циклах накопления, циклах борьбы за мировую гегемонию, кондратьевских циклах, волнах революций цен. Вне этого контекста развитие КС, его логика будут недостаточно понятны.

10. Капиталистическая система: циклы, «длинные волны» и другие регулярности

Начнем с базовых циклов – **циклов накопления капитала**. Поскольку главное для капитализма – бесконечное накопление капитала, именно качественно особые циклы этого накопления становятся вехами на пути развития данной системы. Дж. Арриги выделяет четыре системных цикла накопления капитала: генуэзско-иберийский (XV – начало XVII в.), голландский (конец XVI – конец XVIII в.), британский (середина XVIII – начало XX в.) и американский (с конца XIX в.).

Особенности генуэзско-иберийского системного цикла накопления определялись тем, что Генуе не хватало ни территории, ни военной мощи, которую она была вынуждена «покупать» у других государств, прежде всего у Испании; «материальная экспансия первого (генуэзского) системного цикла накопления была организована и проводилась дихотомической структурой, состоявшей из аристократического территориалистского компонента (иберийского), который специализировался на обеспечении защиты и на стремлении к власти, и буржуазно-капиталистического компонента (генуэзского), который специализировался на покупке и продаже товаров и на стремлении к прибыли»¹.

Во времена голландского цикла Соединенные провинции представляли собой организацию, «сочетавшую некоторые черты исчезавших в тот период городов-государств с элементами структур возникавших национальных государств»². Это позволяло голландцам обходиться без «покупки» защиты у территориальных государств (интернализация оборонных издержек, или «интернализация издержек защиты» – термин Н. Стеенсгора). Голландцы, которых английский разведчик и писатель Д. Дефо назвал «маклерами Европы», активно и гармонично использовали обе стратегии накопления – венецианскую (региональная консолидация, основанная на самодостаточности в политике и войнах) и генуэзскую (всемирная экспансия на основе политического обмена с иностранными державами).

¹ Арриги Дж. Долгий XX век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. С. 174.

² Арриги Дж. Динамика кризиса гегемонии // Свободная мысль. XXI. М., № 1. С. 9.

Ф. Бродель, несколько упрощая, писал: «В Венеции все делалось ради государства, в Генуе – все для капитала»¹. В целом, «венетский и генуэзский режимы накопления развивались по расходящимся траекториям, которые в XV веке кристаллизовались в две противоположные элементарные формы капиталистической организации. Венеция в конце концов превратилась в прототип всех будущих разновидностей “государственного (монополистического) капитализма”, в то время как Генуя превратилась в прототип всех будущих разновидностей “космополитического (финансового) капитализма”².

Особенности британского цикла накопления Арриги обуславливает наличием у Великобритании национального государства вкупе с коммерческой и территориальной империей. Это позволяло британцам, контролировавшим огромные трудовые и природные ресурсы, интернализировать уже производственные издержки. В результате чего «капитализм не только сохранился как способ реализации власти и способ накопления капитала, но превратился также в способ производства»³. Думаю, у Арриги здесь некоторая путаница с несколькими «капитализмами»: капитализм может быть только один – в смысле «способ производства», другие «капитализмы à la Арриги» можно обнаружить в Шумере, Египте и древнем Китае, и столь многосмысленное использование термина выводит его за рамки научности и подлежит отсечению с помощью «бритвы Оккама». Однако главное здесь в том, что Арриги связывает капитализм как способ производства с британским циклом накопления, в основе которого лежат индустриальная система производительных сил и... британские КС, именно их наличие придает завершенность и целостность капитализму как системе.

В основе американского цикла накопления лежит не просто имперское государство с заморскими владениями, как в британском случае, а континентальный военно-промышленный комплекс. Это позволило капиталистическому классу США интернализировать не только военные и производственные издержки, но и транзакционные, т.е. подчинить рынки.

Каждый цикл, согласно Арриги, состоит из двух фаз – материальной и финансовой. Финансовую фазу генуэзского цикла он начинает серединой XV в., голландского – 1750-ми годами, британского – 1870-ми годами, американского – рубежом 1960–1970-х годов.

Обратим внимание на то, что каждый новый цикл основан на интернализации нового вида издержек (Арриги совершенно игнорирует связь циклов накопления капитала с изменениями в характере производства, со сменой технологических укладов – это, по-видимому, слишком мелко для него) и возрождении организационных форм позапрошлого цикла. Так, генуэзско-иберийский союз (к которому Арриги почему-то забывает добавить венецианцев) был в конце концов вытеснен государственным капитализмом в Нидерландах – голландцы в расширенном и усложненном виде возродили стратегии и структуры венецианской системы. Британский

¹ Braudel F. Civilization matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècles. P.: Armand Colin, 1979. Vol. II. Les jeux de l'échange. P. 529.

² Арриги Дж. Долгий XX в... С. 207.

³ Там же.

цикл накопления на новом витке, в свою очередь, возродил, согласно Арриги, стратегии и структуры иберийского империализма и генуэзского космополитического капитализма. Американский цикл сделал то же со стратегиями и структурами голландского цикла; так, эти два цикла сближает наличие вертикально интегрированных и бюрократически управляемых предприятий по контрасту с семейным бизнесом, который Дж. Арриги считает основой британского капитализма XIX в. (здесь, представляется, он преувеличивает).

«Это повторяющееся возрождение замененных прежде стратегий и структур накопления порождает маятниковое движение назад и вперед между «космополитически-имперскими» и «корпоративно-национальными» организационными структурами; первые типичны для «экстенсивных» режимов, какими были генуэзский и британский, а вторые – для «интенсивных» режимов, какими были голландский и американский. Генуэзский и британский «космополитически-имперские» режимы были экстенсивными в том смысле, что отвечали за большую часть географической экспансии капиталистической мир-экономики. При генуэзском режиме мир был «открыт», а при британцах – «завоеван».

Голландский и американский «корпоративно-национальные» режимы, напротив, были интенсивными в том смысле, что отвечали за географическую консолидацию, а не экспансию капиталистической мир-экономики. При голландском режиме «открытие» мира, осуществленное в первую очередь иберийскими партнерами генуэзцев, было консолидировано в систему торговых перевалочных пунктов и акционерных привилегированных компаний с центром в Амстердаме. А при американском режиме «завоевание» мира, осуществленное в первую очередь британцами, было консолидировано в систему национальных рынков и транснациональных корпораций с центром в США»¹. Обратим внимание на то, что голландцы, точнее, как мы уже знаем, венецианский и еврейский капитал, перебравшийся в освободившиеся от испанцев Нидерланды, консолидировал то, что «открыли» испано-португальцы, т.е. «снял пенки» с результатов иберийской экспансии в Атлантике и Индийском океане. А американский, точнее, англо-американский, особенно на рубеже 1950–1960-х годов – начала эпохи офшорных зон, капитал консолидировал результаты британской экспансии, у истоков которой стояли все те же венецианцы, английские пираты и голландские «маклеры», как местные, так и не очень.

Со схемой Арриги коррелирует **схема мировых гегемоний** основателя мир-системного подхода И. Валлерстайна. Последний рассматривает развитие капиталистической системы как историю гегемоний и сменяющих их периодов военного и экономического соперничества между государствами за корону гегемона. Государство-гегемон – это не просто сильное государство, но государство более сильное, чем ближайшие конкуренты вместе взятые. Оно способно навязывать свои правила, опираясь на военно-политическую и экономическую мощь (большая эффективность в агропромышленной и торгово-финансовой сфере).

Первым гегемоном, по Валлерстайну, были Нидерланды: пик гегемонии – 1625–1672 гг., т.е. до начала третьей англо-голландской войны; последняя четверть XVII в. – начало упадка голландской гегемонии и старт англо-французского сопер-

¹ Арриги Дж. Динамика кризиса гегемонии // Свободная мысль, XXI, М., 2005. № 1. С. 219.

ничества, завершившегося в 1815 г. Пик британской гегемонии – 1815–1873 гг.; начало упадка – депрессия 1873–1896 гг. Затем начался новый тур борьбы за гегемонию, который завершился установлением гегемонии США в 1945 г. Согласно Валлерстайну, с середины 1970-х годов начинается упадок гегемонии США.

Здесь необходимо сделать три замечания.

Во-первых, гегемония Голландии принципиально отличается от таковых Великобритании и США. Если британская и американская гегемония были одновременно в экономической и военно-политической сфере, то голландцы были гегемонами только в экономике. Первую половину пика экономической гегемонии Голландии в Европе не было военно-политического гегемона, во второй половине их пика и в течение четверти века после его окончания таковым была Франция Людовика XIV, и только усилиями почти всей Европы с ней удалось справиться. Что касается Голландии, то сам И. Валлерстайн признает, что после 1672 г. они вообще стали второстепенным фактором в европейской политике даже с точки зрения морского флота¹; в сухопутном плане они не были первостепенным и ранее. Таким образом, голландская гегемония лишь наполовину соответствует тому определению гегемонии, которое дал И. Валлерстайн, т.е. строго говоря, не соответствует, нарушая логику его же схемы. «Неполноценность» гегемонии Нидерландов понятна – в условиях генезиса и на ранней стадии развития капиталистической системы сама гегемония еще не сформировалась, как и капитализм, обретая лишь экономическое измерение. Целостная гегемония была возможна лишь в условиях зрелого капитализма, опирающегося на адекватную ему индустриальную систему производительных сил. Только эта последняя как производственный комплекс и как оргоружие обеспечивает «гегемонию о двух головах». Без разрыва в уровнях производства и связанной с ним организации экономическая гегемония не отливается в военно-политическую, последняя определяется иными факторами и иной логикой социального развития.

Во-вторых, в середине 1970-х годов действительно начался упадок гегемонии США как государства, но стартовал процесс гегемонии США как кластера ТНК, как локуса корпоратократии, ориентированной на военную экспансию, на глобальную империю. По этому поводу А. Гидденс заметил: возможно, США и вступили в полосу экономического упадка по сравнению с другими государствами, однако современный мир, в котором национальное государство стало основной политической формой, не ограничивается ныне Западом, а представляет собой глобальный процесс развития экономики, коммуникаций, культуры и современных видов оружия, прежде всего – ядерного. В этом мире США «выковали» систему военных глобальных союзов, не имеющих параллелей в прошлом. В этих условиях Гидденс считает ошибочным использовать показатель относительного экономического упадка государства для определения подъема и падения великих держав, он едва ли соответствует нынешней ситуации². Иными словами, А. Гидденс фиксирует тот факт, что критерии одной эпохи не годятся для другой и что в 1970-е годы мы, по-видимому, вступили в такую новую эпоху. Если трактовать глобально-имперскую экспансию

¹ Wallerstein I. The modern world-system. N.Y.; L.: Academic press, 1980. Vol. II. Mercantilism and consolidation of the European world-economy, 1600–1750. P. 80.

² Giddens A., Mann M., Wallerstein I. Review symposium on Paul Kennedy's "The rise and fall of great powers" // British journal of sociology. L., 1988. Vol. 10, № 2. P. 331.

США в плане интернализации издержек, то попытка англо-американской корпоратократии сконструировать нечто вроде глобальной неоимперии можно рассматривать как попытку распространения (в том числе с помощью анклавов – военных баз) континентального военно-промышленного комплекса на весь мир и снятия вообще противоречия между индустриализмом и территориализмом, т.е. интернализации практически всех возможных издержек.

В-третьих, согласно Валлерстайну, да и не только ему, в мировых войнах морская держава (Великобритания, США) побеждает континентальную (Франция, Германия), потому что, во-первых, она морская, а во вторых, на ее стороне выступает прежняя морская держава-гегемон (Голландия, Великобритания). Эта схема совершенно не соответствует действительности, поскольку решающую роль в победах британцев и американцев над французами и немцами играли вовсе не «морские» голландцы и британцы, а «континентальные» русские – Россия и СССР. Это Россия перетерла своим пространством и своей людской массой Наполеона и Вильгельма II, это СССР сломал хребет вермахту и сыграл решающую роль в разгроме Гитлера. В данном случае необходимо обратить внимание не только на искусственное устранение России из схемы мировых войн за гегемонию, но и на тот факт, что именно Россия/СССР, не претендуя на роль гегемона капиталистической системы, играла решающую роль в его определении: континентальная Россия выступала на стороне морских англосаксонских держав, по сути не оставляя таким образом их континентальным противникам никаких шансов. Это очень важный момент в плане анализа деятельности КС вообще и их борьбы с Россией в частности. А также в плане воздействия евразийского фактора на североатлантическое, а следовательно и мировое развитие.

Теперь помимо двух типов циклов – накопления и борьбы за мировую гегемонию – необходимо рассмотреть три типа длинных волн: кондратьевских, революций цен и борьбы низов и верхов в Европе (а с XX в. – и в мире), которые были фоном деятельности КС.

Кондратьевские волны (или циклы) – это 50–60-летние отрезки экономической динамики, которые делятся на две части. Сам Н.Д. Кондратьев называл первую часть «повышательной волной», вторую – «понижательной» (грубо говоря – «вдох» и «выдох» мировой экономики). Сегодня экономисты предпочитают выражаться более нейтрально: «А-Кондратьев» и «Б-Кондратьев», поскольку во время фазы подъема далеко не все секторы экономики снижают показатели; в равной степени в периоды спада «падают» далеко не все секторы.

I «длинная волна» – с конца 1780-х по 1844/1851 гг.; переход от «А» к «Б» – в 1810–1817 гг.; эта волна совпадает с тем, что Э. Хобсбаум назвал «эпохой революций» (1789–1848 гг.);

II «длинная волна» – 1844–1896 гг.; переход – 1873г.;

III «длинная волна» – 1896–1945 гг.; переход – 1914–1920 гг.; третья «длинная волна» – это одновременно (по Хобсбауму) «эпоха капитала» (1848–1873 гг.) и «эпоха империй», т.е. империализма (1873–1914 гг.);

IV «длинная волна» стартовала в 1945 г.; в 1968–1973 гг. был зафиксирован переход от «А» к «Б».

По логике в конце XX в., самое позднее – в первые «нулевые» годы должна была стартовать А-фаза V длинной волны. Однако этого не происходит, напротив,

нарастают кризисные явления – и никакого подъема. Едва ли стоит разделять удивление некоторых экономистов. Если учесть, что «кондратьевские волны» характеризуют развитие индустриальной экономики и стартовали вместе с индустриализацией на рубеже 1780–1790-х годов, то логично предположить, что в условиях гипериндустриальной экономики «кондратьевские волны» будут сходиться на нет, что и происходит с рубежа 1980–1990-х годов.

Ну а теперь бросим взгляд на политическую насыщенность «длинных волн», как это представлялось Н.Д. Кондратьеву¹.

«I. Период повышательной волны первого большого цикла:

1) Провозглашение независимости САСШ (США. – А.Ф.) и установление их конституции – 1783–1789 гг.; 2) Французская революция 1789–1804 гг.; 3) первая военная коалиция против Франции и первый период наступательных войн Французской республики – 1793–1797 гг.; 4) война Франции с Англией (с 1793 по 1797 г. Англия участвует в коалиции) – 1793–1802 гг.; 5) вторая коалиция против Франции и второй период ее наступательных войн – 1798–1802 гг.; 6) военно-политические революции и реформы в Голландии, Италии, Швейцарии, Германии, Испании, Португалии и других странах под прямым воздействием Франции – 1794–1812 гг.; 7) война России с Турцией – 1806–1812 гг.; 8) второй раздел Польши – 1793 г.; 9) третий раздел Польши – 1795 г.; 10) третья коалиция против Франции – 1805 г.; 11) четвертая коалиция против Франции – 1806–1807 гг.; 12) континентальная блокада – 1807–1814 гг.; 13) восстания и войны в Испании и Италии с 1808 г.; 14) пятая коалиция против Франции – 1809–1810 гг.; 15) поход на Россию и отступление – 1812–1813 гг.; 16) испанская конституция – 1812 г.; 17) шестая коалиция против Франции и крушение империи Наполеона – 1813–1814 гг.; 18) временное возвышение Наполеона и окончательное поражение его в 1815 г.

II. Период понижательной волны первого большого цикла:

1) революционное возбуждение в Испании и провозглашение конституции 1812 г. – в 1820 г.; 2) революционное возбуждение в Италии (Карбонары) и подавление его реакционной коалицией европейских держав – 1820–1823 гг.; 3) война с Турцией 1828–1829 гг. в связи с борьбой за независимость Греции; 4) Июльская революция во Франции в 1830 г. и ее рецидивы в последующие годы (Париж, Лион) – 1830–1834 гг.; 5) движение чартистов в Англии – 1838–1848 гг.

III. Период повышательной волны второго большого цикла:

1) Февральская революция во Франции 1848 г.; 2) революционное движение в Италии и вмешательство иностранных сил – 1848–1849 гг.; 3) революционное движение в Германии – 1848–1849 гг.; 4) революционное движение в Австрии и Венгрии и подавление его в последней иностранным вмешательством – 1848–1849 гг.; 5) бонапартистский переворот во Франции 1851 г.; 6) Крымская война 1853–1856 гг.; 7) образование Румынии – 1859 г.; 8) война Австрии с Италией и Францией – 1858–1859 гг.; 9) национальное движение в Италии за ее объединение – 1859–1870 гг.; 10) национальное движение в Германии за ее объединение – 1862–18770 гг.; 11) гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки – 1861–1865 гг.; 12) восстание Герцеговины – 1861 г.; 13) война Пруссии и Австрии против Дании – 1864 г.;

¹ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 243, 270.

14) война Австрии и южно-германских государств с Пруссией и Италией – 1866 г.; 15) освобождение Сербии – 1867 г.; 16) франко-прусская война 1870–1871 гг.; 17) революция в Париже, Парижская коммуна и ее подавление – 1870–1871 гг.; 18) образование Германской империи – 1870–1871 гг.

IV. Период понижительной волны второго большого цикла:

1) восстание Герцеговины против Турции – 1875 г.; 2) русско-турецкая война при вмешательстве Австрии – 1877–1878 гг.; 3) начало раздела Африки между европейскими империалистическими странами (Франция, Германия, Италия, Англия), сопровождающееся столкновениями с туземцами, – 1870–1890 гг.; 4) образование объединенной Болгарии – 1885 г.

V. Период повышательной волны третьего большого цикла:

1) столкновение Японии и Китая – 1895 г.; 2) война Турции с Грецией из-за Крита – 1897 г.; 3) испано-американская война 1898 г.; 4) англо-бурская война 1899–1902 гг.; 5) военная экспедиция великих держав в Китай – 1900 г.; 6) объявление Федерации Австралийской республики – 1901 г.; 7) русско-японская война 1904–1905 гг.; 8) русская революция 1905 г.; 9) турецкая революция 1908 г.; 10) аннексия Боснии и Герцеговины – 1908 г.; 11) военная экспедиция Франции в Марокко и мароккский конфликт между Францией и Германией – 1907–1909 гг.; 12) военное столкновение Италии с Турцией из-за Триполи – 1911–1912 гг.; 13) первая Балканская война 1912–1913 гг.; 14) вторая Балканская война 1913 г.; 15) новый переворот в Турции – 1913 г.; 16) китайская революция с 1911 г.; 17) мировая война 1914–1918 гг.; 18) русская революция в феврале 1917 г.; 19) Октябрьская революция в России, гражданская война и иностранная интервенция – 1917–1921 гг.; 20) революция в Германии – 1918–1919 гг.; 21) революция в Австро-Венгрии – 1918–1919 гг.; 22) переустройство карты Европы по Версальскому миру – 1918 г.».

Кондратьев довел свой список до 1918 г. Однако в середине третьего цикла, в «длинные двадцатые» (1914–1934 гг.), в капиталистической системе произошли серьезные изменения, и «понижительная» волна 1920–1945 гг. оказалась не менее, а более насыщена событиями, чем «повышательная», представляя собою по сути сплошную войну. Сравнение двух волн четвертого цикла тоже вносит серьезные поправки в отмеченную Н.Д. Кондратьевым для первых двух с половиной циклов регулярность. Возможно, мутация мирового капитализма XX в. связана с окончанием эпохи классического капитализма (1780-е – 1914 гг.), «цивилизации XIX века» и наступлением эпохи социально-военного капитализма, черту под которым подвели НТР, глобализация и... разрушение СССР.

Волны революций цен – это периоды, когда цены на продовольствие постепенно растут, а зарплаты снижаются; «девятый вал» этих волн – острейшие кризисы, за которыми следуют периоды равновесия¹. Первая волна революций цен – 1180–1350 гг.; кризисная фаза – 1320–1350 гг. («кризис XIV века»). Вторая волна – 1480–1650 гг., интенсив – 1590–1650 гг. («кризис XVII века»). Третья волна (короткая) – 1730–1810 гг. («укороченность» связана, по-видимому, с резким качественным изменением алгоритма развития – промышленная революция плюс Французская революция и ее «экспортный вариант» – наполеоновские войны. За каждой

¹ Подробнее см.: Hackett-Fischer. The great wave. Price revolutions and the rhythm of history. Oxford: Oxford Univ. press, 1999.

революционно-ценовой волной следовал 70-летний период равновесия: 1400–1470, 1660–1730 и 1820–1880/1890 гг. С 1890-х годов покатила новая волна революции цен, вступившая в кризисную фазу в 1980–1990-е годы. Можно предположить, что ближайшие 20–40 лет будут завершающей кризисной фазой этой волны.

И, наконец, последнее – **волны социальной борьбы низов и верхов** в Европе. Если 1380–1520-е годы – это в основном наступление низов с постоянно нарастающим с последней трети XV в. контрнаступлением верхов, то с разгрома крестьянской войны в Германии (1525 г.) контрнаступление верхов разворачивается по полной программе. Его основой стали серебро и золото Нового Света, мощь «новых монархий», государство/state Старого порядка (сфера социального насилия, выделившаяся из производственных отношений и обладающая легитимностью на определенном пространстве) и военная революция XVI в., создавшая армию нового типа. Этого верхам хватило до конца 1780-х годов. С начала 1780-х начинается новая длинная волна борьбы низов, которую в значительной степени направляют КС – в этом она отличается от предшествующих как революционная от бунташных. К середине XIX в. эта волна затухает, но вновь набирает силу в начале XX в. (революции в Иране, Турции, Китае, Мексике и – главное – в России) и окончательно выдыхается на рубеже 1960–1970-х годов. С конца 1970-х годов начинается контрнаступление верхов во всем мире; центральное событие здесь – уничтожение Советского Союза.

Ну а теперь перейдем к истории КС в контексте циклов и длинных волн капиталистической системы.

11. Конспироструктуры: первый этап развития, 1710–1770-е годы

Первый этап развития КС можно датировать 1710–1770-ми годами. Он важен в плане накопления сил и, как сказал бы игрок в вэйци/го, «исходной расстановки камней». 24 июля 1717 г. (день Иоанна Крестителя) представители четырех масонских лож («Гуся и противня», «Коронь», «Яблони», «Виноградной лозы»), собравшись в таверне «Под яблоней» в Ковент-Гардене (Лондон), объявили о создании Великой ложи вольных каменщиков¹. Хотя масонство формально стартовало в 1717 г., как уже говорилось, этому должен был предшествовать латентный период, о чем свидетельствует сам факт объединения 24 июля уже существовавших лож. Пройдет еще 20 лет, и в 1737 г. шотландский дворянин и якобит шевалье Рэмзи не заседании Великой ложи Франции заявит о связи масонов с тамплиерами².

Данная работа – не история масонства; здесь также не разбирается вопрос древних (восточных) корней масонства, его связи с культом змеи; в стороне оставлена также линия Хирама³, древнего Египта и т.п. Все это очень важно, но, во-первых, меня в данном случае интересует эпоха генезиса капитализма и самого капитализма и поэтому приходится «обрубать» исследование XVI веком и не «нырять» глубже в Колодец Времени. Во-вторых, масонские структуры интересуют меня не сами по себе, а как одна из разновидностей КС, которая была доминирующей в XVIII–XIX вв.

Начало XVIII в. с точки зрения циклов накопления капитала и гегемоний – «межсезонье»: голландский цикл накопления капитала затухает, а британский только начинает разгоняться с середины XVIII в. Гегемония Голландии в прошлом, и хотя объединенные силы Европы под руководством герцога Мальборо на голландские и английские деньги нанесли поражение Людовику XIV, т.е. французам, завершив противостояние Франции Европе и подавив французскую попытку создания

¹ Об английском масонстве в XVI–XVII вв. см.: Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX в. // История масонства. Великие цели, мистические искания, таинства обрядов. М.: Эксмо-пресс, 2002. С. 11–53.

² Рейнольдс Дж. Л. Тайные общества. Мифа и реальность. М.: Мир книги, 2007. С. 72.

³ Подр. см.: Робинсон Дж. Масонство. Забытые тайны. М.: Крон-пресс, 2000. С. 353–361; Найт К., Ломас Р. Ключи Хирама. Фараоны, масоны и утерянные свитки Иисуса. М.: Эксмо, 2006; Найт К., Ломас Р. Масонский завет. Наследие Хирама. М.: Эксмо, 2006 и др.

если не европейской, то полуевропейской империи, то противостояние Великобритании и Франции только разворачивалось, первый раунд состоялся в 1756–1763 гг. в трех частях света (Европа, Азия/Индия и Америка).

Первый период развития КС совпал с самой короткой (и в этом плане исключительной) волной революций цен – 1730–1810 гг.; правда, ее кризисная фаза (1790–1810) попадает на начало второго этапа развития КС, но сути дела это не меняет. И, наконец, в плане волн борьбы низов и верхов, 1710–1770-е годы – это последние десятилетия контрастступления верхов на позиции низов, с 1780-х годов начинается контрастступление низов, и КС сыграют большую роль и в его подготовке, и в «снятии урожая».

Какие задачи объективно стояли в начале XVIII в. перед КС, этим наднациональным ядром, которое нашло себе оболочку в виде Англии/Великобритании? Во-первых, легализация своего существования, фиксация внешних форм, фасада, что и было сделано в 1717 г. объявлением о создании Великой ложи Англии. Во-вторых, расширение сети КС (на данном этапе это были почти исключительно масонские ложи, однако, как мы помним, масонские ложи – не единственная форма организации КС) в самой Великобритании, укрепление позиций этих островных лож и, естественно, недопущение реставрации Стюартов (т.е. победы якобитов). В-третьих, экспансия на континент, создание сети континентальных лож под контролем британских островных, расширение этой сети прежде всего во Франции и в германских землях; во Франции – чтобы использовать их для подрыва изнутри этого конкурента Великобритании как государства и как возможной альтернативной матрицы КС; в Германосфере – чтобы постепенно подготовить континентального противника Франции, а в перспективе и России. С помощью России Великобритания устранила Швецию как потенциального северного противника, но уже в 1714 г. после Гангутского боя британцы почувствовали опасность подъема нового противника и готовились нанести удар по Ревелю. Однако более неотложные в более близкой для них зоне Европы дела, надвигающаяся борьба с Францией отложили начало британско-русского соперничества на сто лет.

Здесь необходимо подчеркнуть различие между островными и континентальными ложами как двумя разными структурами и в то же время процессами (способами, средствами) управления – при единстве цели. Кроме того, внимание на это различие, уже вполне отчетливое на первом этапе развития КС, обратил в свое время барон Рауль де Ренн.

Островные ложи, существование которых хранится в тайне от «неостровитян», – это форма организации тех лиц, которые играют важную роль в политической, социально-экономической и духовной жизни Великобритании; тот, кто не состоит в ложах, едва ли может рассчитывать на серьезную карьеру.

Идеология островных лож исходно носила патриотический, национально ориентированный характер, упирала на исконно английские традиции, следуя принципу «right or wrong, my country». «Благодаря такому приему, – пишет де Ренн, – Англии в течение долгого времени удавалось уберечь руководящие слои своего собственного народа от той заразы, которые она вносила в остальной мир»¹, поскольку установка континентальных лож была диаметрально противоположной таковой островных – космополитизм, подрывавший государственность, традиции и рели-

¹ Ренн Р. де. Тайный смысл нынешних и грядущих событий: <http://www.netda.ru/belka/texty/taina.htm>. С. 3.

гию (прежде всего католицизм) континентальных государств в интересах Великобритании; в одних случаях это была установка на «самоопределение наций», в других – «объединение наций» (например, Германии и Италии под контролем лож). «Из недр этих лож, покрывших с течением времени своими филиалами все государства мира, вышли так называемые либеральные учения»¹, предназначенные сугубо на экспорт: континентальных «братьев» вели по пути, прямо противоположному тому, которым шли «островные»: «разрушая традиции в других землях, Англия бережет их у себя как зеницу ока, ибо это ее главное духовное богатство, составленное как синтез из многовекового опыта [...] Осмеивая внешние формы традиционного быта других народов, Англия с умилением держится за свои формы, за свои обычаи и за свои церемонии, как факторы, отмежевывающие ее от остальных рас и народов, и в этом она следует по стопам другого народа, который благодаря таким же причинам, пронес сквозь тысячелетия свою национальность и сохранил ее жизненные силы до настоящих дней»² – де Ренн имеет в виду, конечно же, евреев.

Французское масонство, так же как и английское, коренится в Средних веках. Однако нововременное масонство Франции теснейшим образом связано с Англией; с одной стороны, с внутривнутриполитической борьбой в ней в конце XVII – начала XVIII в., с другой – с модой на английское, с восторгами по поводу английского государственного строя, которые выражали люди типа Вольтера и Монтескье.

После свержения Стюартов в Англии в 1688 г. король Яков получил убежище у Людовика XIV (Яков был внуком Генриха IV, как и Людовик). Эмигранты-якобиты были первыми организаторами лож во Франции. В 1717 г. во Франции была создана «Великая Лондонская ложа». В 1726 г. Чарлз Рэдклифф, сын незаконнорожденной дочери Карла II, возглавил шотландскую ложу «Святого Томаса». К 1742 г. во Франции существовало около 200 лож, чему в решающей степени способствовало желание французской знати пересадить на французскую почву английские порядки, т.е. ограничить власть короля и церкви. Тем не менее, как подчеркивают исследователи, до 1771 г. французские ложи находились «в состоянии спячки»³. 9 марта 1773 г. была организована «Великая национальная ложа Франции», которая 22 октября того же года приняла название «Великий Восток Франции». Была создана жесткая иерархическая структура и, по-видимому, поставлена задача взятия власти в стране. При этом масоны искусно скрывали свои намерения, вплоть до того, что король и королева покровительствовали им и защищали от нападок. Прозрение пришло слишком поздно, уже после того, как началась революция. 17 августа 1790 г. Мария Антуанетта писала своему брату, австрийскому императору Леопольду II: «Остерегайтесь всякого масонского сообщества. Этим путем все здешние чудовища стремятся во всех странах к достижению одной и той же цели». Показательно, что в масонских ложах против короля объединились представители знатных фамилий, чьи интересы по устранению Людовика XVI совпали с британскими интересами по подрыву Франции и по возможности превращению ее в британского пристрастного, что и произошло после 1815 г., уже на втором этапе развития КС.

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 5.

³ Нечаев С.Ю. Масоны и «Великий Восток». М.: Вече, 2007. С. 32.

Континентальные ложи à la Альбион распространялись не только во Франции, но и в германских землях, в частности в Пруссии. Британцы были заинтересованы в подъеме этой страны как своего военного орудия на континенте. Фридрих II (имперская традиция в масонстве) это прекрасно понимал, однако, во-первых, вынужден был считаться с обстоятельствами; во-вторых, решил использовать ложу с дальним стратегическим прицелом к выгоде Пруссии. При поддержке контролируемых британцами континентальных лож Фридрих II, посвященный в масоны в 1738 г., становится Великим мастером германских лож (к 1746 г. их было уже 14), тайно стараясь в то же время минимизировать разрушительное влияние лож не просто развитием, а насаждением немецкого патриотизма (нередко в военизированном варианте) и нравственной дисциплины: по всей Пруссии стали создаваться немецкие патриотические союзы и общества. В тайном политическом завещании Фридрих писал наследникам о необходимости постепенного объединения немецких патриотических союзов в немецкие ложи и обретения ими самостоятельности по отношению к британским. Забегая вперед, отмечу, что британцам не удалось подавить немецкий дух, как они это в значительной степени проделали с французским духом, и в 1940 г. Черчилль открыто заявил, что Великобритания борется не с Гитлером и даже не с национал-социализмом, а с духом Шиллера, с духом немецкого народа, с его мощью, чтобы он никогда не возродился. Удалось ли англосаксам после 1945 г. задавить немецкий дух? В значительной степени, но хочу надеяться, что не полностью и не навсегда. В европейской политике – в Семилетней войне (1756–1763 гг.) – Фридрих II играл на стороне Великобритании, и хотя он был почти разгромлен русскими, Великобритания взяла верх над Францией в первом раунде борьбы за мировую гегемонию.

Если говорить о результатах первого этапа развития КС в самой Великобритании, то к концу XVIII в. там окончательно сложилась система, в которой так называемые «представительные учреждения» (Палата лордов, Палата общин), политические партии, «свободная пресса» – это лишь бутафория, рассчитанная на то, чтобы ввести мир и простых англичан в заблуждение и дисциплинировать их в нужном для реальных верхов направлении. Как бы ни называлась «партия, которая приходит к власти, ее политика является, в сущности, продолжением всей предшествующей политики, в том числе и политики противоположной по названию партии, так как вся политика ведется и регулируется одним и тем же, общим для всех партийных деятелей, органом. Если и происходят колебания, то только такие, которые не затрагивают жизненных сторон государства и которые почему-либо нужны в данный момент для иностранной политики. Последняя же именно поэтому всегда во все времена и отличалась своей традиционностью, непрерывностью и последовательностью в своих стремлениях и достижениях. В то время как в других странах новые государственные деятели зачастую разрушали то, что было сделано их предшественниками, в английской политике каждый новый деятель, независимо от своей партийности и личных симпатий, продолжал неуклонно идти теми же путями и к той же цели, как и все его предшественники»¹. Гарантией такого хода вещей является власть КС, точнее, верхней их части, «внутреннего контура».

¹ Ренн Р. де. Тайный смысл нынешних и грядущих событий: <http://www.netda.ru/belka/texty/taina.htm>. С. 5.

12. Второй этап развития конспироструктур, 1770–1870-е годы: ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ

Новый (второй) этап развития КС (1770–1870-е годы) начался тремя важными событиями по обе стороны Атлантики. В 1776 г. на германской почве возникла структура, которой суждено было сыграть большую роль, причем главным образом не столько в Германии, хотя и здесь идеи ее представителей повлияли как на масонов, так и на революционеров, сколько за ее пределами, включая Америку.

В том же году представители североамериканских колоний Великобритании объявили об отделении от метрополии и образовании нового государства – Соединенных Штатов Америки, которое, не имея феодальной традиции и будучи искусственным, стало играть роль полигона для различных КС.

В 1789 г. началась Французская революция, в подготовке которой значительную роль сыграли масоны, иллюминаты, швейцарские и французские банкиры и Великобритания, точнее, ее спецслужбы. Закончился второй этап франко-прусской войны, исход которой в значительной степени был предопределен сговором французских, немецких и британских «братьев». Таким образом, второй этап развития КС начался и закончился на германо-французской почве с американским «вкраплением» (если на старте это была война за независимость, то в финале – Гражданская война 1861–1865 гг.).

С точки зрения циклов накопления капитала второй этап развития КС совпадает со значительной частью британского цикла накопления; в плане борьбы за мировую гегемонию это финальная фаза англо-французского соперничества (1790–1815 гг.) и пик гегемонии Великобритании (1815–1871 гг.). Второй этап развития КС – это полторы кондратьевской волны: первая (1780/90-е – 1844) и А-фаза (1844–1873) второй; это кризисная фаза (1790–1810-е) третьей волны революции цен и «викторианское равновесие» (1820–1890-е). Ну и, конечно же, это острое начало новой длинной волны борьбы низов против верхов – «эпоха революций» (Э. Хобсбаум) 1789–1848 гг. и «длинные пятидесятые» (1848–1868/73), когда бурное развитие капитала немного затенит борьбу низов, которая, однако, никуда не денется; КС и Великобритания будут активно использовать эти движения в своих интересах, хотя

общая картина самого «конспироструктурного мира» усложнится – отражение того факта, что намного более сложным стал Большой Мир. В связи с этим усложнились и укрупнились задачи КС и вообще структур, действующих преимущественно тайно, например, «высоких финансов», мощь которых к концу XVIII в. выросла настолько, что они начали ставить поистине грандиозные задачи. Но сначала о КС.

Последние в лице масонов и иллюминатов, как мы увидим ниже, вполне конкретно поставили задачу свержения монархии во Франции. Почему во Франции? Во-первых, потому что там были весьма сильные континентальные ложи, объединявшие значительную часть французской аристократии и дворянства, настроенных против короля. Эти ложи ощущали возможность своего прихода к власти, для одних это означало лишь ограничение королевской власти, для других – установление республики. Во-вторых, удар по короне, а следовательно по Франции соответствовал интересам Великобритании, правящие круги и спецслужбы которой экономически, информационно и организационно работали на социальный взрыв во Франции, тем более, что почва для него была относительно благоприятной. В-третьих, это соответствовало интересам крупного финансового капитала как мощной наднациональной силы.

В 1773 г. во Франкфурте в доме Майера Амшеля Ротшильда состоялась тайная встреча 13 наиболее богатых и влиятельных банкиров. На встрече обсуждался вопрос: как обеспечить финансовый контроль над всей Европой, а затем и над миром? Иными словами, речь шла о чем-то вроде мирового правительства банкиров. После наполеоновских войн Ротшильды попытаются продвинуть эту идею в реальную политику, однако на их пути встанут русские цари – Александр I, а затем Николай I. Отсюда ненависть Ротшильдов к России, русскому самодержавию и Романовым. Когда в последней трети XIX в. Александр II, а затем Александр III через посредников предложат перестать финансировать революционное движение в России, т.е. заключить мир, оба раза ответ был в том смысле, что с Романовыми у Ротшильдов мира быть не может.

В-четвертых, последнее по счету, но не по значению, в свержении Бурбонов (но не монархии во Франции) была заинтересована часть европейской аристократии и ее оргцентр – орден Приорат Сиона. Его представители считали единственными законными королями Франции потомков Меровингов, в частности, герцога Карла Лотарингского, с которым были связаны и основатель иллюминатства Вейсхаупт, и финансировавший его в течение какого-то времени Майер Амшель Ротшильд.

Таким образом, в начале второго этапа развития КС ими была поставлена задача свержения монархии во Франции и резкого ослабления позиций католицизма в этой стране. И если для Приората Сиона речь шла о смене династии на троне, то для масонов, иллюминатов и финансистов это был лишь первый шаг в реализации геоисторического процесса, финалом которого должна была стать наднациональная политико-экономическая целостность, управляемая наднациональной же структурой – и никаких монархий и христианств; таким образом, здесь совпадали интересы масонства и иудаизма. С точки зрения практической геополитики все это соответствовало интересам организованного в островные ложи и клубы британского правящего класса, готовившегося к финальной схватке с Францией за мировую гегемонию – к окончательному решению «французского вопроса».

Задачи, которые ставили КС в начале второго этапа своего развития, были выполнены, однако возникли новые, логически вытекавшие из новой обстановки, создавшейся в результате решения этих задач. Это, во-первых, русский вопрос, с которым КС и Великобритания столкнулись уже в 1820-е годы; во-вторых, это ситуация в мире самих КС – развитие революционного движения и «диких лож». Все это увенчалось колоссальными потрясениями «длинных пятидесятых» (1848–1867/73), которые подвели черту и под вторым этапом развития КС, и под пиком британской гегемонии, заставив британцев искать и создавать иные, немасонские формы КС. Ну а теперь по порядку, начнем с иллюминатов.

В 70-е годы XVIII в. на немецкой почве возникла КС, которая (официально) просуществовала очень недолго, была далеко не такой многочисленной, как масонские ложи, но сыграла большую роль в оформлении антисистемных идей XIX–XX вв., повлияв и на масонов, и на революционеров, и на общественное сознание Европы и Америки в целом. Речь идет об иллюминатах, одной из самых законспирированных КС: в отличие от членов других тайных обществ, ни один иллюминат не нарушил обет молчания¹, наша информация об этом ордене почерпнута из документов, либо изъятых насильственно, либо случайно попавших в руки властей, а затем – историков.

Основал общество иллюминатов Адам Вейсхаупт (р. 1748 г.). По одной версии, его отцом был профессор Ингольштадтского университета барон Икштатт; по другой, Икштатт был его крестным отцом², а биологическим отцом был раввин. Образование Вейсхаупт получил в иезуитском колледже – Марианской конгрегации, или Круге св. Людовика³. Иезуиты возлагали большие надежды на талантливого юношу, восторженно относившегося к ордену и в 20 лет ставшего профессором университета. (Л.М.М. Отеро Вейсхаупт напоминает Д. Хосе Мария Эскрива, основавшего в 1928 г. в возрасте 26 лет «Опус Деи».)

В какой-то момент Вейсхаупт разочаровался в католицизме и иезуитах, отбросил веру в бога и стал атеистом, а в профессиональном плане – яростным критиком метафизики Канта. В 1771 г. он вступил в масонскую ложу – по крайней мере так гласит официальная версия. Однако если учесть наличие серьезных свидетельств в пользу того, что созданное впоследствии общество иллюминатов было реализацией плана по проникновению в масонство и установлению контроля над ним, то поворот в карьере Вейсхаупта скорее всего представляет собой типичную оперативную игру иезуитов. Это очень похоже на них; как писала монахиня М.Ф. Кьюсак, «иезуиты предлагают миру систему теологии, с помощью которой можно безнаказанно нарушать любой закон, божественный или человеческий, и которая может пренебречь даже папскими буллами»⁴. Иезуиты клялись бороться со всеми, кто противостоит католицизму, и в то же время братались с масонами. Воспитанный такими людьми Вейсхаупт мог играть в самые разные игры.

¹ Рейнольдс Дж.Л. Тайные общества. Мифы и реальность. М.: Мир книги, 2007. С. 79.

² Тайные общества. Memento mori. Харьков: Фолио; Киев: Астарта; Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 147.

³ Гардинер Ф. Тайные общества. СПб.: Весь, 2011. С. 163; Отеро Л.М.М. Тайные общества. СПб.: Евразия, 2008. С. 213.

⁴ Цит. по: Гардинер Ф. Ук. соч. С. 165.

1 мая 1776 г. Вейсхаупт, теперь уже якобы разочаровавшись в масонстве, создает свою КС – *Ordo Illuminatorum*, а сам принимает имя «Спартак». В качестве образца организации «Спартак» берет орден иезуитов. У иллюминатов была трехуровневая структура: подготовительные уровни (три ступени), символические (пять ступеней) и тайные (четыре ступени). Формально новичкам объясняли, что иллюминаты значит «просвещенные», «просветленные» и что организация имеет истинно христианскую направленность. Однако на самом деле у иллюминатов, как это обычно бывает с тайными обществами, было не одно дно, а сразу несколько.

Во-первых, на рубеже 1760–1770-х годов орден иезуитов был на грани запрета в некоторых странах, и так оно и вышло, в 1773 г. папа Климент XIV своей буллой запретил орден. Иисус, имя которого носил орден, говорил: «Я свет миру». «Просветленные» Вейсхаупта вполне могли быть одной из структур-поплавок иезуитов, и чем больше «Спартак» поносил своих бывших наставников, тем более вероятной кажется эта версия.

Далее. В XIV–XV вв. в Германии существовала секта под названием «иллюминаты», или Братья Свободного Духа, и это были вовсе не просветленные «любители Иисуса», а сатанисты. Для «посвященной» части иллюминатов этот термин не имел «ничего общего с теософией иллюминатов – столь популярной в свое время – а связан, скорее, с *odium theologicum* («теологической ненавистью») и обладал необычным для той эпохи сходством с манихейством, дуализмом и пантеизмом. Его члены будут думать, что вступили в новое тайное общество, несущую силу и способную изменить мир. Но те немногие, кто был завербован Вейсхауптом и вошел вместе с ним в состав «ареопага», действительно будут *просвещены носителем света, Люцифером*¹. (Ареопаг – руководящий орган ордена.)

Наконец, есть исследователи, копающие еще глубже и связывающие иллюминатов XVIII в. – через иллюминатов-сатанистов XV в. – с гностическими, а также восточными культами, в частности «рошания» («просветленные» в Афганистане). Ф. Гардинер высказывает мысль, что проникновение с помощью иллюминатов в мир масонства было программой-минимум католической церкви и конкретно иезуитов; программой-максимум был «всесторонний доступ к другим тайным обществам»² как в Европе, так и за ее пределами, эдакая «операция “Трест”» католической церкви.

Основными целями ордена иллюминатов провозглашались следующие:

1. Упразднение монархии или какой бы то ни было другой формы правления.
2. Упразднение частной собственности и отмена наследственных прав.
3. Упразднение патриотизма и национализма.
4. Упразднение семьи и института брака, создание системы детского образования в коммунах.
5. Упразднение религий³.

В этих пяти пунктах поразительным образом совпадают программы всех революционных, антисистемных движений конца XVIII – начала XXI в., с одной сто-

¹ Отеро Л.М.М., Ук. соч. С. 217.

² Гардинер Ф. Ук. соч. С. 168.

³ Отеро Л.М.М. Ук. соч. С. 218–219.

роны, и приверженцев «нового мирового порядка» из среды мировой верхушки, с другой (кстати, сам Вейсхаупт говорил о необходимости мирового правительства). Т.е. перед нами универсальная лево-правая (право-левая) матрица, обеспечивающая союз любых противников существующего режима.

Кроме того, Вейсхаупт осуществил исключительно важный в идейном («идеологическом») отношении двойной синтез, объединив на первый взгляд необъединимое. Во-первых, он объединил в своем учении традиции двух враждующих орденов – тамплиеров и Приората Сиона (начало вражды датируется 1188 г., когда тамплиеры срубили в Жизоре, во Франции, вяз – символ их связи с Приоратом Сиона)¹. Из наследия первых пришли манихейство, республиканские политические убеждения и стремление свергнуть Бурбонов как ветвь Валуа, уничтоживших орден. Из наследия Приората пришли каббалистика, теории розенкрейцеров, преклонение перед царями Иерусалима, считавшимися родоначальниками Меровингов, а следовательно, опять же стремление свергнуть Бурбонов и посадить на трон потомков Меровингов. Во-вторых, Вейсхаупт объединил рационализм Декарта и Ньютона (розенкрейцерская традиция, восходящая к венецианцам) и антирационализм Руссо и его восходящие к Ф. Бэкону размышления о Новой Атлантиде, которую можно и нужно создать в Новом Свете. (Кстати, именно Америка стала прибежищем части баварских иллюминатов, переселившихся за океан и создавших там свои тайные общества, например, «Череп и кости» в Йейле.) Такое соединение несоединимого – очень характерный иезуитский прием, Вейсхаупт прошел хорошую школу.

В 1777 г. Вейсхаупт вступил в масонскую ложу «Theodor zum guten rat» и начал распространять свои идеи в ней, а посредством этой ложи – в масонстве. В то же время он развернул вербовку в члены своего ордена, в том числе в масонской среде, при этом предпочтение отдавалось знатным, богатым и высокообразованным людям, с одной стороны; с другой стороны, активная работа велась среди юношества.

Общество носило сверхзаконспирированный многоиерархический характер; каждый его член был обязан шпионить за другими и дважды в месяц представлять отчет о проделанной работе. В целях сбора информации, а также для придания «ордену респектабельности, Вейсхаупт принимал туда и женщин, которые, по сути дела, были куртизанками, обслуживающими богатых и знатных иллюминатов. Некоторых дам Вейсхаупт подсылал к вельможам и сановникам, которых хотел скомпрометировать, а затем шантажировал этих искателей приключений. Им не оставалось ничего иного, как сотрудничать с орденом. В противном случае на их карьере можно было ставить крест»².

Огромную роль в деятельности иллюминатов сыграл барон Адольф фон Книгге. Фон Книгге был масоном высшей степени посвящения Исправленного Шотландского обряда³, много поездил по Европе. После знакомства с Вейсхауптом фон Книгге потребовал, чтобы его посвятили в реальную суть дел общества, после чего 1 декабря 1781 г. заключил с ареопагитами формальный договор. По договору он

¹ Пикнетт Л., Принс К. Тайны Приората Сиона. М.: АСТ, 2009. С. 246.

² Хаггер Н. Соединенные Штаты Америки. Тайны рождения. М.: Ниола-пресс, 2010. С. 157.

³ Отеро Л.М.М. Ук. соч. С. 225.

должен был разработать всю систему иллюминатов, связать ее с масонскими ложами и обеспечить в них перевес иллюминатов¹, т.е. подмять масонов под себя.

«Творческому воображению Книгге предстояла увлекательная работа. И он справился с ней, создав глубокомысленную систему в фантастически-теософской форме. Возвратившись во Франкфурт, он немедленно принялся за работу. Сохранив созданную Вейсгауптом начальную школу объединившую в себе классы учеников, минервалов и малых Иллюминатов, он выработал ритуал для средних разрядов и малых мистерий. Большие мистерии с разрядами магов и королевским не были осуществлены.

Вся система в ее целом сохранила иезуитский характер и узаконила деспотическую опеку и надзор за остальными членами. Для эпохи просвещенного деспотизма такая опека была менее оскорбительна, чем для нас. Она была даже необходима для распространения просвещения. А от надзора люди с положением были заранее ограждены. Для новичков и минервалов, побуждаемых к прилежным занятиям и обязанных беспрекословным послушанием, сущность ордена оставалась сокровенной тайной»².

Со временем между Вейсгауптом и фон Книгге возник конфликт – идейные разногласия плюс борьба за власть, за которым последовал разрыв.

В 1783 г. у иллюминатов начались проблемы. Мюнхенский книготорговец Штробль, которому отказали в приеме в орден, поднял шум; к нему присоединились некоторые члены ордена. Затем властям случайно (случайно ли?) попали бумаги с планами ликвидации монархии, религии и семьи, и это произвело эффект разорвавшейся бомбы.

В июне 1784 и в марте 1785 г. курфюрст Карл Теодор запретил у себя все тайные общества, включая масонов и иллюминатов. Орден ушел в подполье и как бы растворился, сам Вейсгаупт умер в 1830 г., по другой версии – в 1822 г. В конце XIX в. орден был формально восстановлен и существует до сих пор, представляя собой скорее всего структуру прикрытия. Ее задача – отвлекать внимание от невидимого ордена, который не только не прекратил своего существования, но оказал огромное воздействие на «повестку дня» нашего времени. И если Вейсгаупт был действительно сыном раввина, то можно сказать, что его влияние на идеологию и целеполагание современного мира сопоставимо с влиянием внука раввина из Трира. Иллюминаты, просуществовавшие в их «чистом» виде десятков лет, оказали как минимум не меньшее влияние на современный мир, чем масоны, существующие уже столетия. Со времен Французской революции (а якобинцы, да и не только они, они – в крайней форме, реализовывали по сути программу иллюминатов) масонские идеи воспринимаются сквозь иллюминатскую призму. То есть идеи и программа иллюминатов считаются масонскими, хотя это разные вещи. В то же время как иллюминатские по происхождению и сути воспринимаются не только идеи революционеров от якобинцев до левых большевиков, но и их политического антипода – правых сторонников Нового мирового порядка. Идеи Вейсгаупта прочно вошли в арсенал КС. Во многом именно поэтому у многих создается впечатление, что за всеми заговорами в мире стоят иллюминаты.

¹ Шустер Г. История тайных союзов. М.: REFL-book. Ваклер, 1996. С. 118. См. также: Селянинов А. Ук. соч. С. 71.

² Шустер Г. Ук. соч. С. 119.

У Вейсхаупта был поразительно широкий круг знакомых – от молодого Робеспьера и Майера Амшеля Ротшильда, основателя династии, до Карла Лотарингского, это потомок Меровингов, великий магистр ордена Приорат Сиона, смертельный враг Фридриха II, командующий австрийской армией в Семилетней войне и ненавистник Бурбонов.

Оба эти человека – Карл Лотарингский и Ротшильд – каждый по своим причинам стремились к свержению королевской власти во Франции. Карл Лотарингский считал французский трон своим по праву потомка Меровингов, а Бурбонов – выскочками в длинном ряду узурпаторов, начиная с Каролингов. К французскому трону вели два возможных пути – долгий и быстрый. Долгий путь предполагал родственник захват трона. Карл уже породнился с австрийским домом, представительница которого Мария Антуанетта стала женой Людовика XVI. Однако потомка Меровингов могли опередить британские масоны и Фридрих, и потому Карл начал подталкивать Вейсхаупта к организации революционных действий во Франции.

В 1773 г. Вейсхаупт познакомился с Ротшильдом, с которым активно обсуждал ни много ни мало вопросы мировой революции. У самого Ротшильда были свои отношения с Карлом Лотарингским и, как минимум, до 1776 г. Майер Амшель и еще четыре еврейских клана оказывали финансовую помощь Вейсхаупту.

Иными словами, Вейсхаупт своим учением, помимо прочего, создал общую идейную базу для всех, кто стремился свергнуть Бурбонов, вместе с ними – монархию во Франции и, в конечном счете, монархию вообще. Это – не говоря об общей концептуальной основе антисистемных сил XIX в., на которую впоследствии удивительно органично легло учение Маркса. Ясно, что все это не могло не заинтересовать главного противника Франции – Великобританию, британские ложи и британскую разведку, активно работавшую на ослабление Франции. Впрочем, именно в середине 1770-х годов, во время подъема иллюминатства, британцы столкнулись с серьезнейшими проблемами «на собственном дворе».

13. Американская сецессия и британские трудности

В 1770-е годы в североамериканских колониях Великобритании развернулось движение за отделение от метрополии, превратившееся в 1775 г. в войну за независимость. То был типичный внутренний конфликт в среде капиталистического класса Британской империи. Он был вызван усилившимся давлением Лондона на колонии – финансовым и административным. Вообще нужно сказать, что в середине XVIII в. практически все европейские государства усилили вмешательство в жизнь и хозяйство локальных общностей¹. Однако в случае с Новой Англией ситуация усугублялась тем, что после окончания Семилетней войны (1756–1763) британский долг достигал 140 млн фунтов, а этот регион был, возможно, самым богатым в мире по доходу на душу населения². Попытку метрополии поправить свои дела за счет колоний и ограничить местную власть – британский парламент начал вмешиваться в дела североамериканских колоний значительно более плотно, чем раньше,³ – североамериканские элиты восприняли как нарушение общественного договора между ними и короной⁴. Это и привело к столкновению. Разделительная линия в столкновении проходила, однако, не между Америкой и Великобританией, а рассекала обе страны, причем на стороне «сецессионистов» оказались влиятельные силы метрополии, что в конечном счете и решило судьбу войны, США и Первой Британской империи, приведя ее к финалу. В то же время 40% населения североамериканских колоний были сторонниками короны, лоялистами, однако их перевесили противники ведения британцами войны, находившиеся в самом Лондоне. Прежде всего это был Сити, который вел настолько яростную лоббистскую кампанию против войны, что король счел нужным публично высказать удивление тем, что его подданные поддерживают мятежников и мятежный дух. Однако Сити это проигнорировал – до такой степени, что группы, занимавшиеся отловом людей на флот для

¹ Tilly Ch. Coercion, capital, and European states, AD 990–1992. N.Y.: Blackwell, 1992. P. 103.

² Herman A. To rule the waves. How the British navy shaped the modern world. N.Y. etc.: Harper perennial, 2004. P. 306.

³ Draper Th. A struggle for power. The American revolution. N.Y.: Vintage books, 1996. P. 506.

⁴ Judd D. Empire. The British imperial experience from 1765 to the present. L.: Fontana, 1996. P. 23.

войны с поддерживавшей мятежников Францией, не осмеливались заходить на территорию Сити. Ну а провозглашение Америкой независимости было встречено в Сити с величайшей радостью, о чем сообщает официальная запись, хранящаяся в архиве Сити.

«Ситийцы» объясняли свою позицию тем, что война в Америке может нанести «кровавую рану принципу свободы»¹. Разумеется, речь должна идти и об экономическом интересе, но само упоминание свободы – явное свидетельство масонского следа. Британские «братья» вовсе не хотели сражаться против американских, тем более что победа последних обещала возможность создания с чистого листа искусственного масонского государства без и вне монархическо-католической традиции и европейских исторических традиций вообще.

Само американское масонство официально оформилось в 1720-е годы, однако первые представители масонства и других либерально-мистических течений появились в Америке еще в 1607 г.; в 1680-е годы в Америку эмигрировал масон Абердинской ложи, став вице-губернатором Нью-Джерси. С самого начала американские масоны поставили задачу: воплотить в реальность утопию Атлантиды. Большую роль в развитии масонства в Америке сыграл Бенджамин Франклин – «человек со столлларовой купюры».

Значительную роль в победе американского сегмента имперского капиталистического класса сыграло то, что и британская армия, и местная верхушка были пропитаны масонством. Но едва ли можно говорить о событиях, как о четко организованном масонском заговоре – из 56 подписавших Декларацию независимости масонами были только 9 и еще 10 под вопросом; правда, некоторые исследователи относят к масонам 53 из 56, но это сомнительно; из 74 старших офицеров Континентальной армии масонами были 33. Это – не говоря о том, что американские масоны не были едиными. Однако сам факт наличия масонской среды, а также то, что масонами были наиболее активные и руководящие деятели «сецессионистов», определявшие ход событий, свидетельствует о масонском характере движения.

Аналогичным образом либо практикующими масонами, либо людьми, разделяющими масонские ценности, были многие британские военные в Северной Америке. Ценности и идеалы, за которые сражались колонисты, были масонскими². Иными словами, война за независимость была по большей части борьбой наднациональной масонской сети, масонского интернационала, опиравшегося на финансовую мощь Сити, с британской монархией – и КС в очередной раз взяли верх. Впрочем, британские власти не считали 1783 г. миром, для них это было лишь временное перемирие, однако ситуация во Франции, а затем революционные и наполеоновские войны не позволили им восстановить политический контроль над США³.

Естественно, в результате победы масоны оказались во главе государства, определяя его дальнейшее развитие. «Фримасонство оказывало намного большее влияние на установление и развитие американского правительства, – писал масонский

¹ Shaaxon N. Ук. соч. P. 260.

² Baigent M., Leigh R. The Temple and the Lodge. Inside freemasonry. L.: Corgi books, 1990. P. 292.

³ Wallerstein I. The modern world-system. San-Diego etc., 1989. Vol. III. The second era of great expansion of the capitalist world-economy, 1730–1840-s. P. 227.

историк Р. Хитон, – чем какой-либо иной институт. Со времен первых конституционных конвенций ни историки, ни члены братства не осознали, сколь многим США обязаны фримасонству и насколько велика была роль, которую оно сыграло в рождении (американской. – *А.Ф.*) нации и государства»¹. Конституция 1787 г. была масонской. Первый президент США Джордж Вашингтон был Великим Мастером ложи № 22 в Александрии, штат Вирджиния; принятием президентской присяги Вашингтоном руководил Роберт Ливингстон, великий магистр Великой ложи Нью-Йорка; обер-церемонимейстером был масон Джейкоб Мортон, а сопровождал Вашингтона мастер Александрийской ложи генерал Морган Льюис². Масонами высоких степеней были первый вице-президент Джон Адамс, Томас Джефферсон, Генри Нокс³.

Пожалуй, в наибольшей степени масонский характер нового государства получил отражение в масонской символике столицы США – Вашингтона, спланированного масоном, членом общества Цинцинната Пьером-Шарлем Ланфаном. «Церемония торжественной закладки углового камня Капитолия была проведена в полном соответствии с масонским ритуалом. Вашингтон выполнял функции мастера, на нем был фартук и пояс ложи»⁴. Тайная масонская геометрия и эзотерическая символика отражена не только в архитектурном плане Вашингтона, но также в большой государственной печати и на однодолларовой купюре (с 1778 г.). Так, белоголовый орлан символизирует знак Скорпиона; око – богиню Исиду; девиз «*Annuit Coeptis*» из 13 букв взят из «Энеиды» Вергилия и является молитвой языческому богу Юпитеру; при этом вергилиевское слово «*annue*» было написано как «*annuit*», чтобы общее количество букв стало 13⁵. Иными словами, за масонской символикой скрывается символика более древних и средневековых культов и мистерий, главным образом не только, а, возможно и не столько европейских, сколько ближневосточных. На эту тему написан ряд исследований, убедительно показывающих, что геометрический рисунок городской панорамы отражает исключительно важную роль братьев по обе стороны океана в возникновении США⁶.

Забегая вперед, отмечу, что после образования США влиятельные силы в Великобритании и связанные с британцами швейцарские банкиры делали все, чтобы вернуть страну под британский контроль. Одним из главных оперативных центров этих сил стала Шотландия, а ещё точнее – Эдинбург. Шотландцы вообще играли большую роль как в Ост-Индской Компании, так и в британской разведке. Распространение масонских лож Шотландского обряда решало для Великобритании многие проблемы, хотя далеко не всегда: так, отцы-основатели США, в отличие от Б. Франклина, были главным образом «шотландообрядцами», а их противники из колониальной администрации – главным образом розенкрейцерами. Иными словами,

¹ Heaton R. Masonic membership of founding fathers. Silver Spring, 1974. P. IV.

² Сора С. Тайные общества, которые правят миром. М.: АСТ, 2009. С. 227.

³ Heaton R. Ук. соч. С. 192.

⁴ Сора С. Ук. соч. С. 228.

⁵ Сора С. Ук. соч. С. 228–229.

⁶ В частности см.: Овасон Д. Тайный зодиак Вашингтона. Масоны и секреты столицы США. М.: Вече, 2007.

перед нами картина намного более сложная, чем «масонский заговор», – это и внутримасонское противостояние, и «масонские игры» спецслужб и иезуитов, и многое другое.

Британская SIS (Secret Intelligence Service) активно использовала шотландских интеллектуалов – и как бойцов информационной войны, и как оперативников. Так, Адам Смит с 1760-х годов выполнял задание Шелбурна по разработке мер подрыва французской экономики. Вальтер Скотт по сути выполнял функцию эдинбургского оперативника SIS¹. Структурами прикрытия SIS в городе были журнал «Edinburgh review» и медицинская школа, которая курировала, а де-факто контролировала многие престижные медицинские центры в Европе, используя их как фактор влияния на пациентов из представителей европейской верхушки; это старая традиция тамплиеров и Приората Сиона – влияние на представителей политической элиты и сбор информации о них с помощью сети контролируемых медицинских учреждений. Впрочем, американцам в их противостоянии британцам в первой трети XIX в. тоже было чем похвастать: американский контрразведчик (писатель и поэт) Эдгар По активно работал по британцам и иезуитам и, по версии А. Чайткина, они-то и отравили его, а затем стали распространять версию о его пьянстве и сумасшествии.

Воспользовавшись британскими трудностями в Америке, Франция и Испания нанесли поражение Великобритании в войне 1778–1783 гг., и Версальский договор 3 сентября 1783 г. стал для Альбиона унижением, которое едва ли могло быть компенсировано победой над голландцами в Четвертой англо-голландской войне (1780–1784 гг.). Тем не менее, как вслед за поэтом и романистом М. Бенье повторил Ф. Бродель, проиграв войну, Великобритания выиграла мир, и она не могла его не выиграть, поскольку у нее на руках были все козыри². М. Бенье и Ф. Бродель не поясняют, что это были за козыри, но из контекста ясно, что речь идет об экономической мощи. Действительно, к моменту утраты североамериканских колоний Великобритания набрала мощную экономическую инерцию, основой которой были два века бурных социально-экономических и политических изменений³; промышленная революция в Англии была социальной революцией, обусловленной социальными причинами, в том числе структурой землевладения⁴. Разворачивалась промышленная революция, вызванная конкуренцией с индийским текстилем⁵.

Фаза экономического роста в Великобритании, начавшаяся в 1783 г. и достигшая пика в 1792 г., была по сути первым современным деловым циклом⁶. В 1790 г. Великобритания, население которой составляло 1% мирового, давала 10% мирово-

¹ Альтернативную точку зрения на роль Шотландии в XVIII – начале XIX в. см.: Herman A. How the Scots invented the modern world. The true story of how Western Europe's poorest nation created our world and everything in it. N.Y.: Three rivers press, 2001.

² Braudel F. Civilization matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècles. P.: Armand Collin, 1979. Vol. III. Le temps du monde. P. 468.

³ Rioux J.-P. La révolution industrielle, 1780–1880. P.: Seuil, 1989. P. 63.

⁴ Perkin H. The origins of modern English society, 1780–1880. L. and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1969. P. 107.

⁵ Bayly C.A. The birth of the modern world, 1780–1914. N.Y.: Blackwell, 2004. P. 471.

⁶ Rostow W.W. How it all began. Origins of the modern economy. N. Y. etc.: McGraw Hill Book Company, 1975. P. 197.

го производства железа¹. Резко росло число патентов на технические изобретения: 1769 г. – 36, 1783 г. – 64, 1792 г. – 87, 1802 г. – 107².

И все же превосходство Великобритании над Францией не стоит преувеличивать. Во Франции тоже развивалась промышленность. Так, накануне революции чугуна французы выплавляли 130 тыс. т, а британцы только 63 тыс. т³; после войны за испанское наследство французская торговля развивалась быстрее, чем торговля любой другой страны, включая Великобританию⁴; если в 1720 г. объем внешней торговли Франции составлял 20% британской, то к 1780 г. они сравнялись⁵. У Франции был весьма неплохой флот и – благодаря Ж.Б.В. де Грибовалю – великолепная артиллерия⁶. Таким образом, в целом в конце XVIII в. технико-экономически соперники еще «играли в одной лиге». Преимущество Великобритании – и серьезное – заключалось в другом. Во-первых, в том, что землевладельческая элита была открытым слоем и, в отличие от французских *petite noblesse*, испанских *hidalgos*, немецких *Junkers* и т.д., не была бедной, а следовательно, имела немало резонов поддерживать существующий общественный порядок⁷ (французское мелкое дворянство характеризовалось совсем другим настроением).

Во-вторых, британцы обладали преимуществом в финансовой сфере, причем речь идет не только о национальных финансах, но и международных: например, британцы в своей игре против Франции могли мобилизовать на помощь себе швейцарских банкиров. Это не говоря о том, что французская монархия, в отличие от британской, была в большей степени системой мобилизации людей, чем денег⁸.

В-третьих, британцы были сильнее в информационной войне. Всего один пример: в конце XVIII в. было создано London Corresponding Society. По форме это было объединение лиц свободных профессий, журналистов и т.п. По сути же оно выполняло функцию информоружия, ведя пропаганду и пугая английского обывателя сначала Францией и католицизмом, а затем – якобинизмом и Наполеоном⁹.

В-четвертых, у британцев было преимущество в организации разведки, спецслужб, с которыми активно сотрудничали интеллектуалы как в самой Великобритании, так и во Франции, где британцам удалось создать «пятую колонну». Создание «пятых колонн» – излюбленная тактика англосаксов, которую они постоянно применяли, в частности, по отношению к России. Франция после провала в 1745 г. поддерживаемого ею якобитского вторжения в Великобританию была мало активна в ве-

¹ Bairoch P. *Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVIe siècle à nos jours*. P.: Gallimard, 1997. Vol. I. P. 218.

² Kindleberger Ch. Ук. соч. P. 130–131.

³ Verley P. *La révolution industrielle*. P.: Gallimard, 1997. P. 304.

⁴ Colly L. Ук. соч. P. 79.

⁵ Verley P. Ук. соч. P. 307.

⁶ Макнил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008. С. 195.

⁷ Perkin H. Ук. соч. P. 60.

⁸ Rodger N.A.M. *The safeguard of the sea. A naval history of Britain*. N.Y., L.: W.W. Norton and Co, 1998. P. 432.

⁹ Bayly C.A. Ук. соч. P. 102.

дении тайной войны против Англии, особенно по сравнению с британскими усилиями и их масштабом. Кстати, если бы высадка якобитов в 1745 г. увенчалась успехом или, как минимум, спровоцировала бы гражданскую войну, британцы столкнулись бы с серьезными проблемами в борьбе с французским конкурентом¹; более того, у них едва ли хватило бы сил на Семилетнюю войну и не было бы ни войны, ни перелома 1759 г. в ней, ни победы².

Наконец, в-пятых, и, возможно, это самое главное, у Великобритании было мощное оружие, которого не было у Франции, – континентальные, в том числе французские масонские ложи, ориентировавшиеся на Великобританию и часто управлявшиеся «с Острова». Они сыграли большую роль в подготовке Французской революции, точнее, в превращении структурного кризиса и недовольства в системный и революцию.

С учетом мировой и европейской ситуации Великобритания должна была топиться опрокинуть Францию. Положение Альбиона после отделения североамериканских колоний (которым, кстати, Людовик XVI подарил 12 млн ливров и еще 6 млн одолжил³, что вызвало ярость у британского истеблишмента) и поражения в войне с европейскими державами (в результате чего пришлось вернуть Испании Флориду) пошатнулось и было сложным. Казалось, что с американской независимостью и потерей 3 млн подданных грядет распад Британской империи⁴. Эрцгерцог Леопольд уверял своего брата австрийского императора Иосифа II, что после 1783 г. на европейской шкале Великобритания занимает место не выше Дании или Швеции⁵. Франция, как в целом справедливо опасались в Лондоне, могла воспользоваться обстоятельствами, сделать рывок и оставить главного противника в геоисторическом офсайде, несмотря на британскую экономическую мощь. Поэтому по сути единственным выходом для британского правящего класса было подсесть Францию, т.е., используя ее внутренние проблемы, дестабилизировать государство, а по возможности свергнуть поддержавшего североамериканцев короля. Именно над этим активно начали работать британские КС – разведка и масонские ложи по всей Европе и, разумеется, в самой Франции, активно используя «пятую колонну». Предстояла схватка элит, и британская оказалась сильнее.

Мне эта ситуация напоминает 1980-е годы, когда США оказались в трудном положении, а после обвала фондового рынка 19 октября 1987 г. (индекс Доу-Джонса упал на 508 пунктов, т.е. 22,3% за один день – рекорд) и ряда других неприятностей ситуация и вовсе стала аховой. Возникла серьезная угроза позициям США на мировом рынке, в конце 1991 г. это открыто признала М. Тэтчер, выступая в Институте нефти в Хьюстоне, США. Единственным спасением США в этой ситуации было обрушение Советского Союза и соцлагеря с последующей перекачкой активов из этой зоны в США, что и было сделано в 1990-е годы. В 1790-е годы британцы сделали все, чтобы столкнуть в пропасть Францию и на этом построить свое будущее.

¹ Colly L. Ук. соч. P. 79.

² Маклин Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М.: АСТ, 2009

³ Beaut M. Histoire du capitalisme de 1500 a 2000. P. Seuil, 2000. P. 74.

⁴ Brendon P. The decline and fall of the British empire, 1781–1997. L.: Jonathan Cape, 2007. P. 28.

⁵ Rodger N.A.M. The Command of ocean. A naval history of Britain, 1649–1815. L.: Penguin, 2006. P. 358.

Историк П. Брэндон откровенно признает этот факт. Отметив, что в 1780-е годы Великобритания оказалась в труднейшем положении, он пишет: «Однако Французская революция привела ее к подъему на новые высоты. Попытка Наполеона установить свое господство в Европе, казалось, оправдывает британские имперские амбиции»¹.

Нельзя сказать, что во Франции не было «социального костра», но он лишь тлел, и британцы сделали все, чтобы активно «раздуть» его, подбросив дров. Важнейшее событие начала второго этапа развития КС – революция во Франции; там же, во Франции, он и оканчивается в 1871 г. победой Пруссии над Второй империей. Правда, у Французской революции была экспериментальная предшественница – почти забытая «революция патриотов» в Голландской республике². Это лишний раз подтверждает справедливость тезиса о том, что Голландия с XVI в. выполняет для Запада роль экспериментальной площадки. Именно там была организована первая «буржуазная революция»; в наше время именно там были впервые легализованы наркотики, эвтаназия, гомосексуализм; и если когда-нибудь будет легализован канибализм, то можно не сомневаться, что скорее всего это произойдет в Нидерландах. Ну а о конце XVIII в. можно сказать, что «эпоха революций» (1789–1848 гг.) начала обкатываться опять же в Голландии, хотя французская эпопея полностью затмила деяния «патриотов».

¹ Brendon P. The decline and fall of British Empire, 1781–1997. L.: Jonathan Cape, 2007. P. 28.

² Подр. об этом малоупоминаемом событии см.: Grocyr E. History of the late revolution in the Dutch republic. L.: J. Edwards, Pall-Mall, M, DCC, LXXXIX.

14. Французская революция – опыт реализации проектно-конструкторского подхода к истории

Французская революция, конечно же, имела системные предпосылки – в обществе накопилось достаточно противоречий и социального динамита. Однако динамит кто-то должен взорвать, а взрыв направить в нужном направлении, чтобы затем утилизировать результаты. Без тщательной подготовки, финансового обеспечения и организации, т.е. субъектного фактора (не путать с субъективным; повторю, то, что сказал в предисловии: как субъектный, так и системный фактор носят объективный характер; субъективный фактор – частный и далеко не самый значительный аспект субъектного фактора) противоречия могут взорваться бунтом, мятежом, восстанием, как это бывало во Франции XIV, XVI или XVII вв., когда системная социально-экономическая ситуация, кстати, была много хуже, чем в конце XVIII в. Тем не менее революция случилась именно в конце XVIII в. Да, революции предшествовали голодные годы. Но, как пишет во втором томе («Революция») своего «Происхождения современной Франции» И. Тэн, при Людовике XIV и Людовике XV еще больше голодали, но бунты быстро усмирялись и были частным случаем обычной жизни. «Когда стена слишком высока, никто не подумает забираться на нее. Но вот по стене пошли трещины, и все ее защитники – духовенство, дворянство, третье сословие, ученые, политики вплоть до самого правительства проделывают в ней большую брешь. Впервые обездоленные видят выход; они бросаются к нему сначала небольшими группами, а затем массой; восстание становится всеобщим, каким когда-то было смирение»¹.

Ключевой вопрос здесь связан с брешью – кто и как ее проделал, ведь процесс этот носит не спонтанный характер. Подчеркну: речь не идет об отрицании объективных системных предпосылок и основ Французской революции, но об этом очень много написано и левыми, и правыми, и центристами. Меня интересует то, о чем чаще всего не пишут: объективный субъектный фактор, т.е. подготовка и организация революции на основе использования ее системных предпосылок и закономерностей развития общества в условиях структурного кризиса, превращение этого кризиса посредством целенаправленной деятельности некоего субъекта или не-

¹ Taine H. Les origines de France contemporaine. P.: Robert Laffont, 2011. P. 318.

ких субъектов в системный посредством анархии, а затем все более управляемого хаоса революции. Именно об этом и пойдет речь ниже – об оставшихся в тени субъектах революции и об управлении ими (большем или меньшем) этим процессом.

Революция, в отличие от бунта, есть предприятие, главным образом финансовое и организационно-политическое. Именно это по наивности или сознательно пытаются скрыть многие историки, акцентирующие стихийный характер революций вообще и французской в частности. Факты разбивают подобные интерпретации полностью, со стеклянной ясностью демонстрируя роль КС, нужно только свети факты в систему, отказавшись от вымыслов профанно-профессорской истории, по поводу которой Гете заметил, что она не имеет отношения к прошлому – это «... дух профессоров и их понятий, / Который эти господа некстати / За истинную древность выдают».

Помимо профессорской профанации, идущей от ученого незнания, имеет место и сознательное искажение истины, в том числе и по Французской революции, на что обратил внимание П. Копен-Альбанселли: «Благодаря принятым масонством предосторожностям, до, во время и после революции, то есть благодаря уничтожению или подмене документов, которые могли бы установить истинный характер и истинное происхождение этой революции, мы... живем в историческом заблуждении, обманутые самым последним образом... Вся наша история искажена в самих своих источниках, и только отсталые и заведомо предубежденные будут верить, что история Французской революции произошла так, как описали ее Мишле и его последователи»¹. Я все же был бы менее строг по отношению к Мишле, хотя, в отличие от Тэна, он попал-таки в несколько явных ловушек «профессорской истории». Но это к слову.

В канун революции масоны заказали некоему Адриану Дюпору, специалисту, как сказали бы мы сегодня, по истории антисистемных движений и восстаний в Европе, подготовить аналитическую записку, в которой тот должен был ответить на три вопроса: 1) как наилучшим образом начать революцию, чтобы она оказалась скоординированным действием внешне не связанных сил и групп? 2) не вмешаются ли сразу же европейские монархии в ситуацию во Франции для подавления революции? 3) как управлять революционным процессом? На второй вопрос Дюпор сходу ответил отрицательно, предположив, что монархам понадобится два-три года, чтобы разобраться в ситуации – так оно по сути и вышло. Наилучшим, не внушающим подозрений по поводу будущих планов способом начать революцию – ответ на первый вопрос – Дюпор считал созыв средневекового, а потому не способного вызвать подозрения института, а именно Генеральных штатов. При этом, однако, максимальное число депутатов должно привезти идентичные или очень похожие указы (*les cahiers*), чтобы ударить в одну точку – и опять же так оно и вышло. У некоторых современников даже возникло впечатление, что указы написаны одной рукой – подготовкой сходных по всей стране наказов занялась масонская сеть; масонские мотивы звучат в наказах не только дворянства, но и духовенства.

На примере предвыборной (в Генеральные штаты) компании 1789 г. в Бургундии, а кампания эта была типовой для Франции, О. Кошен показал механизм созда-

¹ Цит. по: Селянинов А. Тайная сила масонства. М., 2000. С. 88.

ния единообразного корпуса наказов, решающую роль в подготовке которых сыграли адвокаты из числа «братьев» и сочувствующих им¹. Стоящие на позициях «объективных» причин революции, вызванной кризисом, Ф. Фюре и Д. Рише пишут о «трех революциях лета 1789 года»². При этом, однако, словно принимая эстафету у О. Кошена, они на первое место ставят «революцию адвокатов», а затем уже идут «парижская революция» и «революция крестьян». «Революция адвокатов» – это масонская революция. «Парижская революция» была инициирована проплаченными (в том числе британцами) агитаторами – так же как Февральская революция 1917 г. в России. «Революция крестьян» стала следствием сознательных действий планировщиков в зерновой и финансовой сферах.

В томе «Революция» «Истории Франции» издательства «Ашет» Ф. Фюре подчеркнул, что в 1788 г. достиг кульминации старый конфликт между королевской администрацией и парламентским началом, возникший после смерти Людовика XIV³ и что к революции привел именно политический кризис. Но этот кризис – и исследования демонстрируют это со стеклянной ясностью, – не развивался стихийно, а подпитывался и направлялся сразу несколькими заинтересованными группами. Но вернемся к вопросам, заданным «братьями» Дюпору, и его ответам на них. Самым главным был третий вопрос – о механизме управления революцией; его задал Мирабо. Дюпор ответил так: «...я много думал... я знаю несколько верных способов, но все они такого характера, что я содрогался при одной мысли о них и не решался вас посвятить. Но раз вы одобряете мой план (внимание: масонский план Французской революции – это план Дюпора. – *А.Ф.*) и убеждены, что принять его необходимо, ибо иного пути для обеспечения успеха революции (Дюпор говорит именно о революции. – *А.Ф.*) и спасения отечества нет... я скажу, что только посредством террора можно встать во главе революции и управлять ею... (подч. мной. – *А.Ф.*). Как бы нам ни было это противно, придется пожертвовать некоторыми известными особами»⁴. По итогам выступления Дюпора на собрании у герцога Ларошфуко был создан «комитет восстания». Все это напугало даже такого прожженного циника, каким был Мирабо, презиравший всех – и народ, и дворян.

Вообще Мирабо играл интересную роль в хитросплетениях многослойного заговора – он был участником сразу нескольких КС, причем различных – масонских, иллюминатских («оперативный псевдоним» – Архесилас) и даже еврейских. Исследователи фиксируют две линии влияния еврейских структур на Мирабо – финансовую (ввиду задолженности еврейским банкирам, о чем пишет автор многотомной истории евреев Гриц) и женско-сексуальную (традиционная схема «Эсфирь»). Есть сведения и о контактах Мирабо и с британской разведкой; короче говоря, он вовремя умер, иначе не миновать бы ему встречи с «машинкой» доктора Гильотена.

Возвращаясь к террору, отмечу: его расширяющаяся воронка во время Французской революции не была проявлением только безумия толпы и кровожадности

¹ Кошен О. Малый народ и революция. Сборник статей об истоках Французской революции. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 54 и след.

² Furét F., Richet D. La révolution française. P.: Hachette, 1973. Ch. 3. Les trois revolutions “d’été 89”. P. 69–98.

³ Furét F. La révolution française. De Turgot à Napoléon (1770–1814). P.: Hachette, 1988. P. 84.

⁴ Селянинов А. Тайная сила масонства. М. 2000. С. 79–80.

якобинцев, как это нам нередко пытаются представить, – если это и было безумие, то наведенное, управляемое, то была заранее подготовленная стратегия и технология. Обратим также внимание на использование средневекового института в революционных целях, весьма далеких от заявленных. «Тайной, но истинной целью созыва генеральных штатов, – писал в своих мемуарах Бутильи де Сент-Андре, – являлось ниспровержение существующего строя во Франции. Одни лишь адепты, главы масонства, были посвящены в эту тайну; другие (а их было большинство) думали, что предстояло только уничтожить некоторые злоупотребления и привести в порядок государственные финансы... Чтобы можно было надеяться на помощь народа, надо было внушить ему сознание своей силы, поднять его, вооружить, организовать и восстановить против существующего порядка... наконец надо было дать ему толчок к выступлению... Чтобы достичь всего этого, недостаточно было толковать народу об отвлеченных учениях, провозглашать народовластие, призывать к “освобождению от оков” и к тому, чтобы броситься на своих “тиранов”. Гораздо более действенно было встряхнуть его неожиданным толчком, вложить ему в руки оружие под каким-нибудь правдоподобным предлогом, например – самозащиты ввиду громадной неизбежной опасности, дабы внезапно захватить общую власть над умами и заставить всех действовать одновременно»¹.

Внезапность и одновременность восстания, которая так поразила И. Тэна, автора остающейся до сих пор одной из лучших историй Французской революции («Повсюду в день предвыборных собраний народ восстал как один человек»), была хорошо подготовлена. Кроме того, были применены некоторые формы, которые отдаленно напоминают движение без лидеров à la «арабская весна» или флэш-моб. И. Тэн цитирует очевидца, де Монжуа, который говорит о множестве злодеев, «которые, не имея видимых вожаков, тем не менее находятся в соглашении друг с другом и повсюду одинаково предаются тем же буйствам как раз в то время, когда возникают генеральные штаты. Один пароль и один обман поднимают восстание от одного конца страны до другого»² – от Нормандии и Бретани на севере до Прованса на юге.

Ключевые слова здесь «пароль» и «обман». «Пароль» указывает на организацию, «обман» – на кампанию дезинформации, проведенной для того, чтобы завести население. Элементами этой кампании было распространение различных слухов и измышлений, призванных опорочить короля и королеву, внести смятение и тревогу, побудить к действию, к насилию.

«В середине июля (1789 г. – А.Ф.), во время “Великого Страх”, – пишет О. Кошен, – вся Франция испугалась разбойников и взялась за оружие; в конце месяца вся Франция в этом разуверилась: разбойников не было. Но зато за пять дней образовалась национальная гвардия: она подчинялась лозунгам клубов (за ними стояли масоны с их ложами. – А.Ф.), и общины остались вооруженными»³. Так распространяемые слухи, «информпотоки» обеспечили планировщика собственной вооруженной силой.

Как заметил проницательный П. Копен-Альбанселли, с 1787 по 1795 г. «ни одно так называемое народное движение (кроме движения Вандеи) не было на са-

¹ Там же. С. 86.

² Там же. С. 73.

³ Кошен О. Ук. соч. С. 45.

мом деле народным, а все они были предусмотрены, организованы, разработаны до мельчайших подробностей главарями, несомненно, тайной организацией, действовавшей повсюду одинаковым способом в одно и то же время и отдававшей одни и те же приказания»¹.

С конца апреля 1789 г., по словам очевидцев, в Париже стало расти число пришедшего люда, причем не только французов, но и иностранцев (итальянцев, немцев, голландцев), многие из которых занимались подстрекательством, а иные, несмотря на непрезентабельный вид и лохмотья, регулярно раздавали деньги (12 франков в день) и призывали народ к оружию, к насилию, которое и прорвалось 14 июля 1789 г. штурмом Бастилии, зверским убийством инвалидов-охранников, а затем резней в Сальпетриере – тот самый наведенный террор², который рекомендовал «конструктор» Дюпор.

Остается лишь подписаться под словами Монтеня де Понсена, автора работы «Тайные силы революции»: «Революция 1789 года не была ни самопроизвольным движением против “тирании” старого порядка, ни искренним порывом к новым идеям свободы, равенства и братства, как в это хотят нас заставить верить. Массонство было тайным вдохновителем и в известной степени руководителем движения. Оно выработало принципы 1789 года, распространило их в массах и активно содействовало их осуществлению»³. 69 военных лож по сути парализовали репрессивные возможности власти в самом начале восстания. Другое дело, что со временем процесс вышел из-под контроля лож, что сами ложи далеко не были едины, но это и есть История, иначе не бывает. Как не бывает и неорганизованных революций. Как не бывает революций без кризисных ситуаций. В то же время далеко не всякая кризисная ситуация разражается революцией. Это уже после революции историки *post hoc* выводят революцию из неких предпосылок – так, будто они сами по себе порождают ее. Если бы это было так, то вся история была бы чередой революций, но в реальности кризисных условий много, они довольно часто встречаются, а революций далеко не так много и они относительно редки. Значит дело не только в предпосылках и даже не в кризисе – кризисе системы, но и в субъекте – конструкторе кризиса и (более или менее) «властелине революционных колец»; правда, эти кольца порой свиваются в петлю на шее властелина, но это уже издержки истории, ее коварства.

Во Французской революции мы также видим активные действия континентальных лож, ориентирующихся на Великобританию. Недаром мечтой тех, кто на самом верху провоцировал вызвавший цепную реакцию политический кризис было установление в стране монархии по образцу той, что сконструировали в Англии в 1688 г.⁴ Однако у тех, кто эту «кашу» во Франции «заварил вполне серьезно», были другие планы. Для одних это было установление республики по масонским лекалам («свобода, равенство, братство»), для других, тех, что из-за Пролива, – максимальное ослабление государственного строя и экономики Франции. Поэто-

¹ Цит. по: Селянинов А. Ук. соч. С. 76.

² См. Минье Ф. История Французской революции. М.: ГПИИБ, 2006. С. 81–85; Michelet J. Histoire de la Révolution française. P.: Gallimard, 1952. Tome I, vol. 1. P. 144–162.

³ Цит. по: Нечаев С.Ю. Массоны и «Великий Восток». М.: Вече, 2007. С. 42.

⁴ Tulard J. Les révolutions. De 1789 à 1851. P.: Fayard, 1985. P. 66.

му на конституционной монархии процесс не должен был остановиться, тем более, что он к тому же начал развиваться и по своей логике – по логике массовых процессов, выходя из-под контроля субъектов-планировщиков и порождая новых субъектов. Нужно было, чтобы хаос, или, как писал И. Тэн, анархия, дошел (дошла) до предела и начал (начала) пожирать себя и своих творцов, возвращаясь сначала к состоянию управляемого хаоса, а затем – революционного порядка.

Хотя в разгар революции планировщики – банкиры Франции и Швейцарии, британская спецслужба, странный союз иезуитов и иллюминатов – пытались рулить ходом событий, и во многом, особенно в среднесрочной перспективе, им это удалось, более результативным их воздействие было в **создании** кризисной ситуации и «запуске» революции.

Так, в 1786 г. швейцарские банкиры и британское правительство одновременно нанесли финансово-экономический удар по Франции, имевший целью вызвать или хотя бы приблизить взрыв. Питт оказывал давление на Людовика XVI, чтобы тот отказался от протекционистских мер, защищавших французский рынок от британских товаров. Людовик сопротивлялся и в ситуации нехватки финансовых средств обратился к банкирам. Однако континентальные банкиры, возглавлявшиеся на тот момент швейцарцами (связка Сити – Швейцария – Венеция, в которой Швейцария была связующим звеном), отказали Франции в кредите, подталкивая ее к уступкам. В результате Людовик был вынужден подписать невыгодный договор с Великобританией, который развязывал ей руки в торговой войне с Францией.

Королю также пришлось назначить швейцарского банкира Неккера министром финансов, который еще более ухудшил финансово-экономическую ситуацию. Неккер был родом из Женевы, где его отец, уроженец Бранденбурга, профессорствовал и откуда его семья переехала на непродолжительное время в Англию. Из Англии Неккер явился в Париж без гроша в кармане, но уже через несколько лет нажил состояние, равное владению несколькими провинциями¹. Живя в Париже, имел тесные контакты с энциклопедистами (через салон жены)². С 1776/77 по 1781 г. возглавлял Королевскую казну. В 1781 г. король его прогнал, но в 1788 г. вернул в качестве главы финансового ведомства. Именно Неккер настоял на том, чтобы представителей третьего сословия на Генеральные штаты было создано вдвое больше, чем представителей других сословий. Вскоре король опять отправил Неккера в отставку, в ответ была развернута мощнейшая информационно-психологическая кампания, в которой Неккер был представлен финансовым гением, защищавшим интересы бедноты и якобы именно из-за этого его изгнал «злой король». Собственно, эта пропагандистская кампания и стала непосредственным поводом к восстанию.

На саму организацию «народного восстания» во Франции британцы выделили 24 млн фунтов стерлингов – эту цифру озвучил премьер-министр Уильям Питт. Лорд Мэнсфилд в Палате общин назвал «деньги, полученные на разжигание революции во Франции... хорошим вложением капитала». Великобритания с помощью своих континентальных (в данном случае французских) лож и французских

¹ La Haute Finance et les Révolutions. Numéro spécial. Lectures françaises publié sous la direction de Henry Coston. Rennes.: Imp. Réunies, 1963. P. 54.

² Furét F., Ozouf M. et collaborateurs. Dictionnaire critique de la révolution française. Acteurs. P.: Flammarion, 1992. P. 230.

финансистов вела самую настоящую финансово-экономическую войну против Франции, французской монархии. Удары, которые должны были обострить ситуацию и подтолкнуть революцию, наносились по двум направлениям: 1) была искусственно создана инфляция – напечатано 35 млн ничем не обеспеченных ассигнатов; 2) была искусственно создана нехватка зерна – зерно было скуплено и вывезено из страны. Все это порождало недовольство. К тому же велась самая настоящая информационно-психологическая война, наносились удары и по коллективному сознанию, и по коллективному бессознательному. В частности, мягкое правление Людовика XVI британско-масонская пропаганда представляла как жестокое; король и королева всячески дискредитировались (история с «ожерельем королевы»).

Наконец, весьма активным образом уже во время самой революции во Франции, особенно в Париже, активно действовала британская разведка – как британские агенты, так и их местные «помощники». На основе документов историк О. Блан написал интересную работу о роли спецслужб Великобритании во Французской революции вообще и во время террора в частности. Название – «люди из Лондона. Тайная история Террора». Вторая глава книги называется «Люди из тени» – игра слов: «Les hommes de l'homme» («Люди из тени»), «Les hommes de Londres» («Люди из Лондона»). В 1792 г., пишет Блан, британская разведка направила во Францию агентов с целью дестабилизировать политическую ситуацию с помощью раскручивания спирали насилия¹. Среди организаторов и неистовых творцов террора были хорошо проплаченные агенты Лондона – прямые и влияния², причем британцы работали и с «белыми» (роялисты) и с «красными» (эбертистами).

Все это лишний раз свидетельствует о наличии тройного субъекта (или трех субъектов), которые, оседлав законы исторической ситуации, запустили по «схеме Дюпора» революционный процесс во Франции и пытались контролировать его. Это прежде всего банкиры. Как писал Ривароль, 60 тыс. капиталистов (имеются в виду финансисты и денежные спекулянты) и «кишмя-кишащие агитаторы решили судьбу революции»³. Это, далее, масонские ложи. Это, наконец, часть британского истеблишмента и его орудие – спецслужбы. Против такого трехглавого «змея-горыныча» Людовику XVI и его Франции устоять было почти невозможно.

Как выяснилось, невозможно оказалось выстоять против этого субъекта и Наполеону, против которого британцы и европейские банкиры с помощью континентальных лож сколотили коалицию, ударной силой которой стала Россия. Перед нами все та же коалиционная модель, которую британцы впервые «по всей строгости» протестировали в Девятилетней войне против Франции Людовика XIV. Союз Франции и России на рубеже XVIII–XIX вв. был таким же кошмаром для британцев, каким стал возможный союз Германии и России на рубеже XIX–XX вв. Реальность русско-французского союза в самом начале XIX в. весьма напугала британцев. 24 декабря 1800 г. произошло покушение на Наполеона на улице Сен-Никез, однако его экипаж ехал быстро и взрыв произошел, когда Наполеон был вне опас-

¹ Blanc O. Les hommes de Londres. Histoire secrète de la Terreur. P.: Albin Michel, 1989. P. 41.

² Там же. P. 57.

³ Цит. по: La Haute Finance... P. 52.

ности. Было убито 12 человек и ранено 28. Наполеон обвинил во всем революционеров, но он не мог не догадываться о том, кто проплатил, «откуда деньжишки». Тем более что начальник полиции Фуше прямо указал на «заграничный источник», прозрачно намекая на Великобританию.

Автор вышедшей в 1829 г. «Истории Франции» М. Биньон пишет о роли английского правительства в организации покушения на первого консула, о том, что оно снабжало деньгами врагов первого консула (якобинцев, роялистов-аристократов, шуанов) и было весьма заинтересовано в его устранении. После покушения «общественное мнение обвинило в нем Англию, и оно не ошибалось»; того же мнения придерживался и начальник полиции Фуше¹.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. группа заговорщиков убила русского царя Павла I, который планировал совместный с французами удар по Индии, в сентябре 1800 г. наложил эмбарго на английские суда, находившиеся в русских портах, т.е. подсек британскую торговлю в России. То, что в организации заговора играл свою роль английский посол, не было секретом для русской верхушки. Кстати, взошедший на престол Александр I первым делом возобновил торговлю с Великобританией и отказался от индийского похода.

Синхронность двух покушений на врагов Великобритании – неудачная на Наполеона и удачная на Павла I, разрушившая русско-французский союз, не может быть случайной.

Но вернемся к событиям Французской революции, где запущенный заговорщиками террор не обошел и масонов-закоперщиков революции. В 1793 г. возникла ситуация, которую можно охарактеризовать и русской поговоркой «Не буди лиха, пока оно тихо» и шекспировской строкой «Ступай, отравленная сталь, по назначению». Исследователи отмечают состояние упадка французского масонства после 1793 г.; как говорится, «за что боролись, на то и напоролись». Впрочем, напоролись ненадолго. При империи подъем масонства возобновился (1802 г. – 114 лож, 1804 г. – 300, 1810 г. – 878, 1814 г. – 905; из них 79 военные²); после ее крушения, когда французские масоны, разочаровавшись в Наполеоне, а попросту говоря, решившие его сдать, подыграли союзникам, он продолжился, но под весьма жестким контролем британцев.

А вот у себя британцы революцию не допустили, причем пошли ради этого на беспрецедентную меру, затормозившую развитие капитализма, – резко ограничили на период 1795–1834 гг. формирование конкурентного рынка труда в Великобритании. В период промышленной революции вместе с «опасными» и рабочими классами росло число недовольных и взрывоопасных элементов. Естественно, на простой люд обрушивали репрессии – вполне в английском классовом духе. Но был найден и более хитрый ход – патерналистский «закон Спинхемленда», словно вынырнувший из эпохи Тюдоров и Стюартов.

6 мая 1795 г. мировые судьи графства Беркшир, собравшиеся на постоялом дворе «Пеликан» в Спинхемленде, решили: в дополнение к зарплате беднякам надо

¹ Bignon M. Histoire de France depuis le 18 brumaire (novembre 1799) jusqu' à la paix de Tilsit (juillet 1807). P.: Chez Mme Ve Charles Dechet Libraire, 1829. Vol. I. P. 335, 340.

² Нечаев С. Ук. соч. С. 152; Virebau G. Les mystères des francs-maçons. P.: Publications H. Coston, 1987. P. 11.

выдавать денежные пособия, привязанные к цене на хлеб. Таким образом нуждающимся был обеспечен минимальный доход независимо от заработка, причем не только работнику (3 шиллинга в неделю), но и его жене и детям (1 шиллинг 6 пенсов на человека)¹. Эта мера была чрезвычайной и неформальной, но она распространилась почти на всю Англию. В результате многие семьи предпочитали не работать, а получать минимум. Результат – социальное гниение; формирование социально паразитических групп, разлагающих общество в течение нескольких десятилетий, пока в 1834 г. «закон Спинхемленда» не был отменен.

Обратим внимание на следующее: ради своих долгосрочных интересов капиталистический класс Великобритании идет на сорокалетнюю деформацию капитализма, тормозит его развитие – капитализм с ограниченным рынком рабочей силы это ограниченный капитализм. В данной ситуации британская верхушка лишней раз продемонстрировала и классовую зрелость, и мастерство социальной инженерии, и умение планировать будущее. А вот «французятина» провалилась, и потому после наполеоновских войн вынуждена была встроиться в хвост британцам, формально сохраняя статус европейской державы, а точнее, претендуя на него; но, как говорится, попросить прибавки к зарплате можно, получить вряд ли.

В известном смысле Французская революция стала оргоружием наднациональных финансово-политических КС и Великобритании в их борьбе против Франции, французской монархии. Эти силы и стали главными победителями в наполеоновских войнах, главными бенефакторами британского цикла накопления и британской гегемонии. Со всей очевидностью это выявилося в краткий, но очень важный отрезок времени – 1815–1848 гг., когда по сути в основных чертах оформилась Современность (Modernity) в том виде, в каком мы ее знаем. Это же время стало периодом серьезных изменений:

- в мире финансового капитала;
- в мире КС;
- в европейской и мировой геополитике, где главным противоречием стало британско-русское – Россия и русские стали главным врагом Великобритании. В то же время они стали главным врагом масонских КС, как «революционных», так и «реакционных» (кавычки отражают относительность этого противопоставления), и финансового капитала, прежде всего Ротшильдов.

Наднациональный финансовый капитал и прежде всего международный дом Ротшильдов, а также банки Бэрингов, Увара и др. стал главным бенефактором Французской революции и наполеоновских войн: финансисты колоссально нажились на военных поставках (всем сторонам конфликтов); они резко усилили свои позиции по отношению к британской короне, ну а французскую корону они – вместе с Великобританией, ее ложами и спецслужбами – просто поставили под контроль. И когда в 1830 г. Карл X решил ослабить хватку Великобритании и ее союзницы Австрии «на горле» Франции и заключить союз с Россией, британцы в лице Палмерстона и союзные им континентальные ложи во Франции организовали революцию, вышибли старшую ветвь Бурбонов из истории и заменили ее младшей. В 1848 г. аналогичным образом наказали младшую ветвь, и масоны сформировали полностью свое

¹ Polanyi K. The great transformation. The political and economic origins of our time. L.: Beacon press, 1944. P. 78.

правительство, избрав президентом племянника Наполеона Луи-Наполеона Бонапарта. Они же поспособствовали перевороту, в результате которого президент стал императором, а Франция – Второй империей. Разумеется, в реальной истории все было сложнее, чем просто желание британцев наказать французского короля, а масонов – учредить империю. Это всего лишь один из аспектов очень сложного каскадного исторического события, причины которого – вовсе не в желании британцев. Но британцы использовали ситуацию в своих интересах так, чтобы устранить неудобную им фигуру. Аналогичным образом обстоит дело с мотивами и планами масонов, действовавшими в рамках определенных обстоятельств.

Показательно, за шесть недель до переворота, 15 октября 1852 г. масоны поднесли Луи-Наполеону (тогда еще не Наполеону III, но человеку, уже ощущавшему себя наследником Наполеона и не собиравшемуся останавливаться на полпути¹) адрес со словами: «Истинный свет масонства озаряет вас, великий принц [...] Обеспечьте счастье всех, возложив императорскую корону на свою благородную главу! Примите наш почтительный привет и разрешите нам донести до слуха вашего общий клик наш от чистого сердца: «Да здравствует император!». За полтора месяца до переворота КС выражают готовность принять переворот, введение империи. И это не заговор? Не пройдет и двадцати лет, все те же масонские структуры по уговору с британскими и немецкими «братьями» сдадут Наполеона III и Францию Бисмарку. Разумеется континентальные ложи были сильны не столько сами по себе, сколько поддержкой Великобритании и финансового капитала, прежде всего Ротшильдов.

Подводя итог истории Франции с 1799 по 1871 г., Альфред Коббан напишет: «Достижения французов за этот период не впечатляли даже их самих, и они (достижения) остаются такими же в ретроспективе. Волнующие новые изменения девятнадцатого столетия обошли Францию стороной. В эпоху изменений французская нация, кажется, выбрала стагнацию без стабильности. Чем больше менялся калейдоскоп ее политической жизни, тем больше она оставалась той же самой»². По-видимому, маститый историк прав в констатации результатов, но он ничего не говорит о причинах. Едва ли можно согласиться с его тезисом о некоем выборе, который сделала французская нация, – это либо наивность, либо лукавство. О каком свободном выборе может идти речь, если политика страны в значительной степени контролируется другой державой, как по дипломатической, так и по закрытой/масонской линии, а ее финансы – в значительной степени международным банкирским домом Ротшильдов? Вердикт А. Коббана – «стагнация и стабильность» – верно фиксирует результат определенного развития, но результат этот в большой степени определялся не столько самой Францией и не столько в самой Франции, и здесь самое время обратиться к теме семьи Ротшильдов как КС особого типа, ее связей с британским истеблишментом и европейскими революционерами.

¹ Girard L. Napoleon III. P.: Fayard, 1986. P. 180.

² Cobban A. A history of modern France. N.Y.: George Braziller, 1965. P. 221.

15. О Ротшильдах бедных замолвите слово

Подъем этой семьи стал одним из важнейших аспектов второго этапа развития КС, потому что, во-первых, семья, а точнее клан-кластер была тесно связана с этими структурами, финансировала их; во-вторых, финансовая деятельность Ротшильдов, как и «высоких финансов» в целом, носила главным образом если не тайный, то закрытый характер, протекая нередко в виде заговора – достаточно вспомнить историю с продажей-скупкой акций Н. Ротшильдом после битвы при Ватерлоо, и будучи плотно завязана на большую политику – извечная судьба больших денег. Большие деньги всегда играли большую роль. При капитализме они, т.е. их владельцы, превратились в важнейший элемент КС. А иногда отдельные семьи в силу особенностей своего положения становились отдельной КС. В этом плане интересно взглянуть на историю Ротшильдов.

Фундамент богатства Ротшильдов заложен в XVIII в. Майером Амшелем Бауэром, взявшим фамилию «Ротшильд» – на доме Майера во франкфуртском гетто висел «красный щит». Официальная – «нумизматическая» – версия источника богатства очень похожа на миф или, в лучшем случае, на «легенду прикрытия». Точно известно одно: своих пятерых сыновей старый Амшель разослал в четыре крупнейших города Европы – Париж, Вена, Лондон, Неаполь, один остался во Франкфурте, и «мальчики» начали строить свои «дома» в тесной связи друг с другом, связи тем более важной и значимой, что в Европе полыхала война, которая, как известно, «мать родна» финансам, особенно неразборчивым в средствах.

Ротшильды всегда проворачивали немало сомнительных операций. «Однажды кто-то сказал, – пишет Ф. Мортон, – что богатство Ротшильдов построено на банкротстве наций. Такая формула, конечно, не объясняет происхождение состояния Семейства. Однако свою первую крупную международную сделку Ротшильд совершил в 1804 году, когда казна Дании была абсолютно пуста»¹. С самого начала Ротшильды работали с государством, а точнее, с различными государствами, будь то легальная сфера, контрабанда или денежные аферы. И с самого начала Рот-

¹ Мортон Ф. Ротшильды. История династии могущественных финансистов. М.: Центрполиграф, 2004. С. 37–38.

шильды действовали как наднациональная структура, как то, что в XX в. станет называться МНК – многонациональная компания. Их структура опиралась на пять стран, поэтому бороться с Ротшильдами можно было только на наднациональном, мировом уровне. Причем не только в финансовой сфере, но также в сферах политики и особенно информации. У них была великолепно поставлена информационно-аналитическая, а по сути разведывательно-аналитическая служба – до такой степени, что благодаря ей британский МИД, по признанию Талейрана, получал информацию из Франции на 10–12 часов раньше, чем французский МИД из Лондона.

Наполеоновские войны открыли путь к вершинам власти не только КС, но и Ротшильдам. Впрочем, не все было просто. Так, в посленаполеоновской Франции на первых ролях были старые банки Увара и особенно Бэрингов. Английский банк Бэрингов финансировал выплату репараций Францией после Ватерлоо. Герцог Ришелье говорил: «В Европе есть шесть великих держав: Англия, Франция, Пруссия, Австрия, Россия и братья Бэринги». В начале 1860-х годов Бэринги станут банковскими агентами России, Норвегии, Австрии, Чили, Аргентины, Австралии и США¹. Имея давние контакты с династическими и аристократическими семьями Европы, будучи, в отличие от Ротшильдов, приняты в этой среде, главы старых банков смотрели на Ротшильдов как на выскочек, и европейские правительства разделяли эту позицию. Иными словами, Ротшильды должны были утверждать себя в противостоянии не только и даже не столько со старыми банкирами, сколько с правительствами европейских стран.

Яблоком раздора стал заем на 270 млн франков, результатом которого должно было стать полное погашение военного долга Франции, министерство финансов которой благоволило к конкурентам Ротшильдов. Окончательное решение должно было быть принято на конгрессе стран-победительниц в Аахене в 1818 г. «В истории семейства Ротшильд давно забытый конгресс в Эксе (Аахене. – А.Ф.) означал гораздо больше, нежели прогремевшая в веках победа при Ватерлоо. Именно в Эксе произошло первое столкновение между вошедшими в силу Ротшильдами и правящими кругами европейских стран»².

В течение октября 1818 г. Меттерних, герцог Ришелье, лорд Каслри и Харденберг, а в их лице Австрия, Франция, Великобритания и Пруссия фактически отказывали в аудиенции Ротшильдам, их, в отличие от их конкурентов, не приглашали на великосветские приемы и рауты – и это несмотря на то, что именно Ротшильды своей финансовой поддержкой в значительной степени обеспечили победу Великобритании над Наполеоном³. Создавалось впечатление, что Ротшильды проиграли, и тогда Семья нанесла удар. 5 ноября 1818 г. вдруг начал падать ранее повышавшийся курс французских государственных облигаций займа 1817 г. Скорость падения нарастала, начали падать в цене и другие облигации и ценные бумаги – обвал стал угрожать не только Парижской бирже, но многим, если не всем, крупным биржам Европы. То была работа Ротшильдов: в течение нескольких недель они тайно ску-

¹ Chernow R. The House of Morgan. An American banking dynasty and the rise of modern finance. N.Y.: Grove press, 1990/2001. P. 25.

² Мортон Ф. Ук. соч. С. 60.

³ Ferguson N. The ascent of money. A financial history of the world. L.: Penguin, 2009. P. 92.

пали облигации конкурентов, а затем выбросили их по низкой цене – нокаут. Ришелье, Меттерних и Харденберг быстро договорились отказать Бэрингам и Увару, Ротшильдов стали принимать.

«После Экса пятеро братьев пребывали в несокрушимой уверенности, что власть правителей мира можно сокрушить одной лишь силой денег, а семейство Амшеля и было той силой»¹ – мощной и успешной. Главным секретом успеха Ротшильдов была система сотрудничества пяти домов (Франкфурт, Париж, Неаполь, Лондон, Вена), которая делала семейство крупнейшим банком мира², причем не национальным, а международным. Огромное богатство Ротшильдов означало, что они не просто частные лица, частные владельцы частного капитала, а нечто большее – действующее в тайне (заговоре) квазигосударство, играющее в роли других государств роль большую, чем иные государства. Это очень точно подметил князь Меттерних. «Дом Ротшильдов, – сказал он, – играет в жизни Франции гораздо большую роль, нежели любое иностранное правительство»³. (Как тут не улыбнуться по поводу тезиса А. Коббана о «свободном выборе» французов.) Слово «Франция» можно заменить на Австрия, Пруссия и даже Великобритания. Неудивительно, что умершего в 1836 г. Натана Ротшильда хоронили в Лондоне так, как ни одно частное лицо до него. Ещё бы: с 1818 по 1832 г. Натан Ротшильд обеспечил 7 из 26 займов, с просьбой о которых обратились к лондонским банкам иностранные правительства; стоимость этой «семерки» составила 21 млн фунтов⁴. Неудивительно и то, что довольно быстро Ротшильды добились права учиться в Кембридже, причем не где-нибудь, а в Тринити-колледже.

Нужно сказать, что своей профессиональной деятельностью Ротшильды обеспечивали различные режимы – в зависимости от финансовой и политической конъюнктуры. Так, в начале 1820-х годов в период политической реставрации они позволили Австрии, Пруссии и России выпускать облигации по такой ставке процента, по которой раньше выпускали только Великобритания и Голландия, что облегчило Меттерниху осуществление полицейских функций в Европе (восстановление Бурбонов в Испании и Неаполе). В это время Ротшильдов обвиняли в том, что они на стороне реакции против народа. Однако после революции 1830 г. Ротшильды почувствовали, что не стоит жестко привязываться к Священному союзу и предложили свои услуги либеральным и «революционным» режимам. Главное, к чему стремились Ротшильды в 1830–1840-е годы, – чтобы в Западной Европе в тот период не было войны; они могли повлиять на это очень просто, отказавшись предоставить тому или иному государству заем. В середине 1830-х годов один американец писал, что «Ротшильды правят христианским миром... Ни один кабинет министров не может двинуться без их совета... Барон Ротшильд держит в своих руках ключи от мира и войны». Это было преувеличение, комментирует Н. Фергюсон, но вовсе не фантазия⁵. Яркое свидетельство тому отношения семьи с Ватиканом.

¹ Мортон Ф. Ук. соч. С. 65.

² Ferguson N. The House of Rothschild. L.: Penguin, 1999. Vol. 1. Money's prophets, 1798–1848. P. 267.

³ Мортон Ф. Ук. соч. С. 87.

⁴ Johnson P. The birth of the modern world society, 1815–1830. L.: Phoenix, 1992. P. 851.

⁵ Ferguson N. The House of Rothschild. L.: Penguin, 1999. Vol. 2. The World's Banker, 1849–1999. P. XXVII–XXVIII.

В 1832 г. еврея Карла Ротшильда в порядке исключения допустили к папе Римскому, а спустя 18 лет папа попросит у Карла кредит и тот поставит условие: евреи Рима получают право жить за пределами еврейского гетто, и условие будет принято. Семья набирала мощь во всей Европе, отражением этого стал тот факт, что европейские повара начали осваивать кошерную кухню. В 1853 г. лондонский Сити выдвинул Лайонела Ротшильда в депутаты. Его избрали, но палата лордов его не утвердила, поскольку Ротшильд желал произнести клятву только в соответствии с еврейской традицией. Десять раз Дизраэли вступал в конфликт со своей партией на стороне Лайонела, и на «одиннадцатый раз палата лордов отступила и утвердила билль об изменении текста клятвы. 26 июля 1858 г. Лайонел произнес клятву в соответствии с еврейской традицией, с покрытой головой и положив руку на Ветхий Завет. Затем он поставил свою подпись на списке депутатов и прошел на свое место в зале. Битва была выиграна»¹. Этим выигрышем Лайонел не только защитил Принцип – еврейский, но и открыл ворота во власть своим соплеменникам-единоверцам.

Ротшильды, в отличие от многих других богатых еврейских семей-финансистов, стремившихся ассимилироваться в европейском обществе, т.е. сделать то, к чему Маркс призывал евреев в работе «К еврейскому вопросу», никогда не стремились к ассимиляции. Напротив, они активно сопротивлялись ей, подчеркивая свои еврейские (этнос, или, как говорили в XIX в., «раса») и иудаистские (религия) корни. «Хотя степень индивидуальной религиозности варьировалась – Амшель очень строго подходил к этому вопросу, Джеймс значительно свободнее – братья были согласны в том, что их мировой успех тесно связан с их иудаизмом. Как выразился Джеймс, “религия – это “все”. Наша судьба и наше благословение зависят от нее”. Когда дочь Натана Ханна Майер в 1839 г. перешла в христианство, чтобы выйти замуж за Генри Фицроя, то все ее родственники, включая мать, подвергли ее остракизму»².

Таким образом, как признавали сами Ротшильды, и с ними нельзя не согласиться, источником их успеха был не только многонациональный характер их «корпорации», но и ее еврейско-иудаистское качество, еврейская сплоченность и установка на поддержку еврейства в Европе, тот факт, что они выступали в качестве коллективного социального индивида, квазиобщины, которой противостояли индивидуальноевропейцы. Отсюда, в частности, их поддержка Дизраэли. Дизраэли был тесно связан с семейством Ротшильдов. Еще в 1844 г. в романе «Конингсби» (первая часть трилогии, за которой последовали в 1845 г. «Сибил» и в 1847 г. «Танкред») он вывел их в качестве еврейской семьи Сидониа, а главу семьи «срисовал» с Лайонела Ротшильда, о чем и написал своей сестре Саре в мае 1844 г.⁴. Сидониа изображены исключительно достойной, умной, интеллигентной, выдающейся и щедрой семьей. По крайней мере к Дизраэли после выхода книги Ротшильды явно благоволили за

¹ Мортон Ф. Ук. соч. С. 176.

² Ferguson N. Ук. соч. Vol. 2. P. XXV.

³ Blake R. Disraeli. N.Y.: St. Martin's press, 1967. P. 190.

⁴ Ireland G. Plutocrats. A Rothschild inheritance. L.: John Murray, 2007. P. 234.

его литературный панегирик (в XX в. по стопам Дизраэли пошел историк Найел Фергюсон, явно старавшийся написать комплиментарную биографию Ротшильдов, не лишённую, впрочем, интереса). Поддержка Ротшильдов в значительной степени помогла карьере Дизраэли (подозреваю, что и Н. Фергюсона тоже). Кстати, именно в его премьер-министерство Ротшильды за 4 млн фунтов купили (подарили) британской короне Суэцкий канал (1875 г.). Великобритания получила меж океанический канал стратегического и экономического значения длиной в 190 км¹.

Британцы, а точнее английские Ротшильды, при помощи своих французских родственников увели Суэцкий канал из-под носа у французов. «Благодаря Ротшильдам – лондонскому и парижскому, – пишет А. Костон, – Сити осуществило отличную политическую сделку и одновременно провернуло первостепенную финансовую операцию. В другое время с виновником (т.е. парижским Ротшильдом. – А.Ф.) расправились бы быстро и сурово. Однако Третья республика под покровительством Макмагона уже находилась под влиянием того масонства, членами, а затем и защитниками которого были Ротшильды»². Кроме канала было многое другое: финансирование государственных займов, строительство железных дорог, внедрение современной кредитно-дебетовой системы.

В своей деятельности Ротшильды активно использовали наработки прежних поколений еврейских банкиров – «средства, придуманные амстердамскими евреями, и путем создания определенного настроения оказывали искусственное воздействие на рынок, стремясь к новой цели: популяризации и размещению ценных бумаг»³.

Нельзя сказать, что у Ротшильдов все было безоблачно и они не встречали сопротивления. Отнюдь нет. Чего стоит схватка Альфонса Ротшильда с банкиром Эмилем Перейром, владельцем банка «Креди Мобилье» – финансовой опоры Второй империи и его союзником министром финансов Ахиллом Фульдом, который когда-то снабжал будущего Наполеона III деньгами. В романе «Деньги» из цикла романов о Ругон-Макарах Э. Золя опишет эту историю, выведя Альфонса под именем Гундермана, а «Креди Мобилье» – под названием «Banque Universelle». В длившейся целое десятилетие борьбе Ротшильды благодаря тому, что они – сплоченная семья-спрут, в которой на место умерших встают их сыновья и которая играет на нескольких международных площадках, разорили Перейра. 17 февраля 1862 г. Наполеон III и Фульд вынуждены были нанести визит примирения Джеймсу Ротшильду и принять участие в охоте в замке Ферьер – их своеобразный «путь в Каноссу», а в 1867 г. «Креди Мобилье» перестал существовать, но то была уже другая эпоха – надвигалась война с Пруссией. Эту страну Ротшильды не любили, что сыграло свою роль в европейской политике последней трети XIX в.

Нелюбовь к Пруссии была связана с двумя конфликтными ситуациями, причем в обеих фигурировал Бисмарк. Берлин решил наградить Майера Карла Ротшильда, будущего главу франкфуртского дома Семейства, орденом Красного орла III степе-

¹ Royer P. Géopolitique des mers et des oceans. Qui tient la mer tient le monde. P.: Presses universitaires de France, 2012. P. 147.

² Coston A. Ук. соч. P. 82.

³ Зомбарт В. Евреи и экономика // Зомбарт В. Собр. соч. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. II. С. 245.

ни. Орден имел форму креста, но прусское правительство считало невозможным надеть крест на грудь еврея, и специально для барона был изготовлен овальный орден. Ротшильд возмутился и не смягчился даже после награждения его орденом Красного орла II степени – он демонстративно перестал посещать приемы, куда по этикету должен был являться при ордене. Пруссия так и не пересмотрела свою позицию, и Бисмарк сыграл в этом не последнюю роль. Ротшильды никогда не забывали об оскорблении¹.

Второй конфликт возник во время осады Парижа войсками Вильгельма I. В сентябре король, фон Мольтке и Бисмарк расположились со своими штаб-квартирами в Ферье, главном поместье Семьи. Вильгельм в разговорах ставил Ротшильдов на одну доску с королями, что весьма раздражало Бисмарка – как и приказ короля воздержаться от охоты в угодьях барона Альфонса Ротшильда. Более того, когда Бисмарк потребовал две бутылки вина из погребов Ферье, старший камердинер барона отказался прислуживать канцлеру; последний заставил продать ему (продать – не реквизировал, а купил, правда, с помощью принуждения) ящик вина, камердинер написал жалобу хозяину в Париж. Все это, а также то, что Бисмарк (немецкий варвар в глазах французов), несмотря на запрет, втихаря стрелял фазанов в ротшильдовских угодьях, стало известно. Бесило Бисмарка и то, что к Альфонсу Ротшильду пришлось обратиться при заключении мира, и то, что информационная служба Ротшильда (голубиная почта) постоянно опережала германскую (телеграф), и то, что Альфонс настоял на ведении переговоров на языке побежденных – на французском, но без Альфонса и его родственников ни Пруссия, ни Франция не могли обойтись: только Ротшильд мог обеспечить поставки продовольствия в Париж и выплату 5 млрд франков в качестве контрибуции. Дальнейшие события, когда германские тайные общества бросили вызов британским, а Второй рейх – Третьей Британской империи, еще более усилили неприязнь Ротшильдов к Германии и правящему в ней дому.

«Организация» выплаты долга Франции Германии стала неким «вспоминанием о будущем», о том, как в XX в. банкиры разных стран будут сговариваться друг с другом, чтобы хорошо «наварить» на отношениях их стран. Ф. Лор писал: «Я убежден, что операцией по выкачке золота из Франции (после франко-прусской войны. – А.Ф.) руководят вместе с Бляйхредером (немецкий банкир, тесно связанный с Бисмарком, которому нелюбовь к евреям не мешала иметь дела с этим банкиром. – А.Ф.) и главными немецкими банкирами все Ротшильды Германии, Англии и Франции, которые находятся во главе этого предприятия». Комментируя приведенную им цитату, А. Костон пишет, что нельзя игнорировать роль, сыгранную двумя этими хищниками, Бляйхредером и Ротшильдом, после прусской победы: «Именно от Бляйхредера пришла цифра в пять млрд, установленная в качестве военной контрибуции Бисмарком, и самые недоверчивые, знавшие, что два банкира-еврея – немецкий и французский – были друзьями, сильно подозревали второго в том, что он предложил эту цифру первому. Они не были одурачены комедией, которую разыграли Альфонс де Ротшильд и Бисмарк в присутствии других переговорщиков. Они сильно сомневались, что прибыль Ротшильда от последовавшего займа не была

¹ Мортон Ф. Ук. соч. С. 169–170.

пропорциональна его важной роли. От крупной контрибуции – крупный заем, а от крупного займа – крупная прибыль. Однако кто среди парламентариев Третьей республики осмелился бы выступить против могущественного дома Ротшильда? На одного Лора в 1890 г. была сотня Рувье. Через некоторое время лоров не стало вовсе.

А когда во время заседания палаты депутатов один социалист из гордости или в виде бравады крикнет: “У республики есть король – Ротшильд”, не будет никого, кто бы возразил ему или возмутился бы»¹.

Эпоха «первых» Ротшильдов (до 1870-х годов), совпавшая со вторым этапом развития КС, завершила тот процесс перестройки человеческого материала в Англии, который начали венецианцы; она стала последним мазком «кисти мастера», а точнее, мастеров – тех, что по камню. Показательно, что А.Е. Едрихин-Вандам называл англичан «Ротшильд-народом»² – не в том смысле, что англичане превратились в евреев или возлюбили их. Речь о другом: англичане умело использовали свои капиталы для достижения экономических и политических целей, добившись экономическим путем того, чего Наполеон не смог добиться военным – установления контроля над континентальной Европой в ходе и сразу после наполеоновских войн. И огромную роль в этом сыграли Ротшильды, их богатство, их инновационный стиль ведения дел. Впрочем, в конечном счете Ротшильды стремились к тому, к чему стремятся все ростовщики независимо от национальности – «выкачать из населения последние деньги, где бы таковые ни находились. Они добиваются этого благодаря искусному использованию биржи в эмиссионных целях»³.

Завершая краткие заметки о Ротшильдах, отметим следующее. Во-первых, в их лице мы имеем дело с над/многонациональной финансовой системой, резко отличавшейся от всех существующих по масштабу и организации деятельности; я уже не говорю о том, что это была финансово-политическая система. Финансовые особенности организации дела Ротшильдов подталкивали их к активному участию в политической жизни, как на «сцене», так и в еще большей степени «за кулисами». Уже в 1830–1840-е годы семья Ротшильдов приобрела основные характеристики КС семейного (если угодно, в этом смысле – мафиозного) типа.

Во-вторых, эта наднациональная система в значительной степени контролировала многие европейские государства и их правительства. Уже после 1818 г. Ротшильды оказались «на одной доске» с правительствами, в дальнейшем они лишь упрочивали свою «делочную позицию», увеличивая богатство и укрепляя политические позиции. На момент смерти Натана Ротшильда в 1836 г. его личное состояние равнялось 62% национального дохода Великобритании⁴. С 1818 по 1852 г. общий капитал пяти ротшильдовских «домов» (Франкфурт, Лондон, Неаполь, Париж и Вена) вырос с 1,8 млн до 9,5 млн ф. ст. К 1899 г. их общий капитал составил 41 млн ф. ст. – столько же, сколько капитал пяти крупнейших акционерных банков Германии. Личный капитал королевы Виктории составлял на тот момент 5 млн ф. ст.

¹ Coston A. Ук. соч. P. 83–84.

² Едрихин А.Е. Ук. соч. С. 140.

³ Зомбарт В. Ук. соч. С. 244.

⁴ Ferguson N. The ascent of money. A financial history of the world. L.: Penguin, 2009. P. 89.

В-третьих, в отличие от многих еврейских финансовых семейств, стремившихся ассимилироваться, Ротшильды жестко и упорно держались за свое еврейство, за иудаизм, выступая не только как семейная структура, но как семейно-этно-религиозная, позиционируя себя в качестве защитника прав и вождя евреев во всей Европе, да и за ее пределами, стоящего над правительствами и государствами. Символична фраза одного из Ротшильдов: «Я не король евреев, я еврей королей». В сухом остатке: в «лице» дома Ротшильдов мы имеем дело с семейно-этно-религиозной (иудаистской) наднациональной финансово-политической структурой, врагами которой с определенного момента стали Россия и Германия. Эти же государства были врагами Великобритании, масонерии и связанных с ними либеральных и революционных организаций Европы.

В-четвертых, в христианской Европе Ротшильды были носителями нехристианской религиозной, социокультурной традиции, имеющей неевропейские корни.

И, наконец, последнее по счету, но не значению: как в своих собственных интересах, так и в интересах Великобритании Ротшильды спонсировали революционное движение в Европе, т.е. были связаны с миром КС. И это естественно для «высоких финансов». В частности, они поддерживали, чаще опосредованно, противников России как в самой стране, так и за рубежом. Россия с 1820-х годов выдвинулась на роль противника № 1 как Великобритании, так и КС. Именно с этого времени начинается активная работа различных КС, как левых, так и правых, против России. Это неудивительно, поскольку подгоняет тех и других одна и та же злая воля.

16. Великобритания, конспироструктуры и Россия

В Россию масонство проникло при Петре I. В течение XVIII в. численность масонов и их организаций росла: к концу века число лож дошло до 100, в них состояло около 3 тыс. человек. В первой половине XIX в. через ложи прошло более 5 тыс. человек¹. В середине XVIII в. центром масонства был Петербург, в конце XVIII в. «центром вольного каменщичества в России... была уже Москва»²; в XIX в. после смерти известных масонов Н.И. Новикова (1818 г.), И.А. Поздеева и И.В. Вебера (оба в 1820 г.) произошла консолидация московских и петербургских масонов-мистиков³. Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. стал стимулом роста масонских организаций. Их участники мечтали о переделке русской жизни на французский лад. Прежде всего речь шла об ограничении самодержавия или его уничтожении – вместе с императором и его семьей. Многие будущие декабристы были членами масонских лож. «Состав лож был разнообразен. В ложи входили аристократы, чиновники и военные, купцы и ремесленники. Было много иностранцев, французских эмигрантов, поселившихся в России, но в особенности петербургских немцев, чиновников, учителей, докторов, купцов и ремесленников. Было также много поляков.

Ложи отражали самые различные направления тогдашней русской общественной жизни. В числе масонов были темные мистики и суровые пиэтисты, как школа старых московских масонов и их учеников, и озлобленные обскуранты, образчиком которых может служить Голенищев-Кутузов, и люди молодого либерального поколения, склонные к филантропии, но не к пиэтизму, смеявшиеся над обскурантами и искавшие интереса политического»⁴.

1 августа 1822 г. Александр I подписал указ о запрете в России всех масонских лож. К этому моменту в России было 1600 масонов, состоявших в 32 крупных масонских ложах (в мире примерно в это же время, в 1829 г., было 3315 лож,

¹ Цит. по: Сахаров Вс. Русское масонство в портретах. М.: АИФ принт, 2004. С. 8.

² Брачев В. Масоны и власть в России. М.: Эксмо. Алгоритм, 2003. С. 143.

³ Брачев В. Масоны у власти. М.: Эксмо. Алгоритм, 2006. С. 279.

⁴ Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. М.: Фонд ИВ, 2008. С. 258.

в которых состояло около 300 тыс. членов¹). Но, как известно, запрет не остановил масонского движения – большинство декабристов были масонами, и с ними пришлось разбираться уже Николаю I, который в 1826 г. издал указ, подтверждающий запрет масонских лож, и русское масонство ушло в подполье. С этого момента Николай становится главным врагом европейского масонства и их «братьев» и просто сочувствующих в России². Именно Николая I всегда поливала грязью российская либеральная и левая интеллигенция, не говорю уже о революционерах или сомнительного фрондера вроде Герцена, желавшего жить в «английской Одессе».

Верный принципам монархизма и легитимизма, Николай I поддерживал в Европе и даже в Османской империи монархов против антисистемных движений, а в 1849 г. послал армию спасать австрийского императора от венгерского восстания. Ясно, что для всех масонов и революционеров Европы Николай I и Россия не могли не быть врагом № 1, поскольку именно Россия стояла на пути революционных потрясений в Европе, столь выгодных финансовому капиталу и КС. «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия, – писал Тютчев. – Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества»³.

Единственное, что не уточнил поэт-дипломат, это то, какие силы скрываются за Революцией, манипулируют ею. А силы эти – триада, трехглавый Змей-Горыныч: Великобритания (классовый, геополитический и культурно-исторический интерес), финансовый капитал (классовый интерес), классическое и «дикое» масонство, т.е. КС. А на первый план вытолкнули революционеров, спрятав за ними корыстные финансовый, классовый и геополитический интересы.

Западноевропейским финансистам было за что не любить Николая I: царь предпринял ряд мер, направленных на ослабление финансовой зависимости от Запада, прежде всего от Ротшильдов; он перестал брать новые займы у европейских банкиров, и в первую половину его царствования (1826–1840 гг.) не было взято ни одного внешнего займа⁴. Однако развитие промышленности и начало железнодорожного строительства заставило Николая I с 1841 г. ежегодно прибегать к иностранным займам – в основном у «Братьев Бэринг» (Лондон), «Гоппе и К^о» (Амстердам), «Мендельсон и К^о» (Берлин). Посредником выступал некто А. Штиглиц, представлявший в России не только указанные дома, но прежде всего Ротшильдов. Если Николай I (а в его лице государство российское) старался до поры не залезать в долг к Ротшильдам, то многие вельможи при посредстве Штиглица делали это охотно, что приводило к печальным последстви-

¹ Селянинов А. Ук. соч. С. 67.

² Башлачев Б. История русского масонства. М.: Лепта-пресс. Атлас-пресс. 2004. С. 747.

³ Тютчев Ф.И. Россия и Революция // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в 6 томах. М.: Классика, 2003. Т. 3. С. 144.

⁴ Колонтаев К. Россия и европейский финансовый капитал в контексте Крымской войны 1853–1856 гг. Севастополь: Сварог, 2009. С. 12.

ям: «Ротшильды, управляя капиталами российских вельмож, неизбежно в скором времени, начинали управлять ими самими»¹.

Частичное восстановление позиций финансового капитала Запада в России во второй половине правления Николая I не означало, однако, установления полного контроля со стороны этого капитала над Россией. Такой контроль можно было установить только в результате войны. Война, во-первых, должна была стать тяжелым финансовым бременем для России, побудив ее к займам и, таким образом, увеличить внешнюю задолженность; во-вторых, ослабив Россию, сделать ее более сговорчивой; в-третьих, расстроив в результате войны финансовую систему, вызвать потребность в новых займах, что еще более ослабляло государство и создавало порочный круг. Но, как известно, сами финансисты и банкиры войны не ведут, на деньги банкиров их ведет государства, располагающие армией и флотом. Таким государством, по крайней мере, что касается флота, была Великобритания. С 1820-х годов Великобритания рассматривала Россию как своего главного противника, стремясь к его всемерному ослаблению, подготавливая войну. Однако, не имея крупной армии и привыкнув воевать чужими руками, британцы должны были сколотить против России общезападную коалицию, спровоцировав на непосредственные действия Османскую империю, а в самой Османской империи найти «группы поддержки». У русских и французов такие группы были – соответственно православные и католики. Британцы в 1840 г. в лице премьер-министра Палмерстона сделали ставку на еврейские и армянские общины. Схема понравилась, и Альбион повторил ее в США. Правда, там не было армян, зато были евреи, переселявшиеся из Европы, прежде всего из Германии. При британском содействии в США был создан орден «Б'най Б'рит» (1843 г.) – до сих пор одна из крупнейших еврейских организаций США, исходно ориентированная на Великобританию.

Ослабление России как в Европе, так и в Азии соответствовало интересам Великобритании, вытекало из логики ее глобальной экспансии.

В качестве подготовки схватки с Россией британцы на рубеже 1820–1830-х годов запустили информационно-психологический (психоисторический) проект «русофобия». В нем страх перед Россией и русскими и вытекающая из него неприязнь, если не ненависть к ним, были связаны не с православием, не с самодержавием, а с враждой к России как воплощению определенного этно-исторического типа, духа. Британцы активно распространяли образ России как жандарма, оберполицейского Европы, тогда как в реальности они сами после 1815 г. превратились в «мирового полисмена», главным оружием которого был флот². Проект этот оказался успешным. По крайней мере, когда наступил «день Д» и «час Ч», о необходимости похода на Россию и сокрушении «русских варваров» начали писать на Западе столь разные по идейным установкам люди как архиепископ Парижский и Карл Маркс. С политической точки зрения, однако, британцам важно было привлечь на свою сторону Австрию и Пруссию или хотя бы отколоть их от России.

...Еще вчера австрийцы и пруссаки были вместе с Россией в Священном союзе, а сегодня воротят нос. Прежде всего потому, что этот союз больше не нужен Ве-

¹ Там же. С. 22.

² Johnson P. Ук. соч. P. 286.

ликобритании, она больше не боится революции, напротив, революционные действия на континенте выгодны ей, особенно если они направлены против России. После подавления польского восстания 1830–1831 гг. в русофобском проекте начинают активно работать бежавшие на Запад поляки. Либералы и революционеры еще истощнее призывают к «крестовому походу» против России. Ну а Великобритания с опаской следит за русской активностью на Востоке – Ближнем и в Средней Азии. Начинают появляться книги, в которых Россию обвиняют в экспансионистских планах. Одной из первых публикаций такого рода была книга Дж. де Ласи Эванса «О замыслах России», в которой русским приписывалась ни много ни мало идея напасть на Индию.

Британские стенания 1820–1840-х годов по поводу экспансионистских планов России – это из серии «громче всех “лови вора” кричит сам вор». Дело в том, что к мировому господству стремилась именно Великобритания. В первые 50 лет XIX в., когда Россия всего лишь ненамного расширила свою территорию, британцы побили все рекорды, увеличив подконтрольную территорию почти на 50 тыс. кв. миль. В середине XIX в. 19 млн британцев господствовали над 196 млн жителей заморских территорий, нещадно эксплуатируя их, жестоко и кроваво подавляя любую попытку сопротивления и обретения свободы – при этом британские истеблишмент и пресса постоянно обвиняли Россию, например, «в притеснениях поляков», которые на самом деле никогда не испытывали такой эксплуатации и такого гнета, каким подвергались африканцы, индийцы или аборигены Австралии; русские никого не сажали на «опиумную иглу», как британцы китайцев.

Захватив огромную часть мира, британцы хотели еще и еще, не в силах остановиться в колониальном раже. И вот здесь-то они натолкнулись на Россию – единственную на тот момент державу, способную противостоять им. «На пути к... увеличению власти и влияния, – писал замечательный географ и эконом-статистик XIX в. И.В. Вернадский (отец великого геохимика В.И. Вернадского и дед крепкого историка Г.В. – «Джорджа» – Вернадского), – Англия до сих пор не встречала серьезного сопротивления: все государства западной Европы она довела своею политикой до такого состояния, в котором они не могут противодействовать ее планам к преобладанию. Только одна Россия может положить некоторые преграды ее стремлениям; одна Россия поэтому несколько страшна ей»¹.

Страх перед континентальным гигантом Россией как препятствием на пути экспансии и мировой гегемонии – вот что заставило британцев начать информационно-психологическую (психоисторическую) войну против России в 1830–1840-е годы. Несправедливо? Конечно. Но британцы и не стремились к справедливости. В 1764 г. несправедливость как один из принципов внешней политики правящего класса страны открыто, не стыдясь, признал Уильям Питт-старший: «Что было бы с Англией, – сказал он, – если бы она всегда была справедлива в отношении Франции?». На место «Франции» в его фразе можно смело ставить: «Испании», «Германии», «России», далее – везде.

Трубя на весь мир о русском экспансионизме, британцы в первые две трети XIX в., как раз к окончанию Крымской войны, набросили на мир сеть, или, если

¹ Вернадский И.В. Политическое равновесие в Европе и Англия. СПб.: Славянская печатня, 1877. С. 11.

угодно, обмотали его цепью своих опорных пунктов на морях. Эти пункты, контролирующие проливы, устья рек, острова в океане, были связаны между собой линиями, по которым курсировал британский военный и торговый флот. Гельголанд, Гибралтар, Мальта, Суэц, побережье Западной Африки, мыс Доброй Надежды, Аден, Маскат, Коромандельский и Малабарский берега, Цейлон, Сингапур, острова в Тихом океане – вот та сеть, которую британцы набросили на мир, или, опять же, иначе та «анаконда», которой они обвили мир по морю, поддерживая таким образом свое господство.

Британская «анаконда» эффективно сдавливала планету, включая Евразию/Россию до тех пор, пока в России в конце XIX в. не началось интенсивное строительство железных дорог, скорость перемещения товаров и людей по которым существенно превышала скорость перемещения по морю. Железные дороги – русский Транссиб¹ и германская БББ (Берлин – Константинополь – Багдад), особенно в случае их соединения, грозили разрушить господство Великобритании, поскольку железнодорожный транспорт быстрее водного. Не случайно Х. Макиндер (1861–1947), теории которого выросли из осмысления русско-британской Большой Игры в Центральной Азии, был настолько встревожен железнодорожным строительством в Евразии, в Хартленде, что заговорил о нарушении равновесия между Хартлендом и Внутренним полумесяцем – Прибрежной зоной, контролируемой британцами. Ясно, однако, что это никакое не равновесие, а система британского контроля, которая оказалась под угрозой.

Под разговоры о «русском экспансионизме» британцы были активны не только «на дальних берегах», но и в зоне влияния России, в непосредственной близости от русских границ. В 1834 г. секретарь посольства Великобритании в Стамбуле разведчик Д. Уркварт побывал с тайной миссией у адыгов (черкесов), пообещав им оружие и боеприпасы. Позднее по адыгам работали британские разведчики Лонгуорт и Белл, но с масштабом деятельности Уркварта, действительно выдающегося разведчика, им не сравниться. Он активно разжигал борьбу народов Северного Кавказа (прежде всего адыгов) против России. Он даже составил им декларацию независимости и придумал флаг, сыграв большую роль в создании антирусских настроений у многих представителей этого народа на целое столетие вперед и заложив прочный фундамент для действий британской разведки на Северном Кавказе и использования англосаксами выходцев из этого региона вплоть до наших дней. В частности, бежавшие от русских в Турцию и Иорданию представители родов адыгов и других народов Северного Кавказа становились «материалом» для создания разведсетей, работавших против России. Для представителей некоторых адыгских родов как в России, так и за ее пределами Уркварт до сих пор является весьма почитаемой фигурой. Как говорится, скажи мне, кто твой друг...

Показательно, что, с легкостью сдав в 1945 г. советскому союзнику фактически на смерть 27 тыс. казаков с семьями – русских людей, британцы не сделали того же с пятью тысячами служивших в вермахте северокавказских горцев. Этих мусульман, в отличие от православных христиан-казаков, они оставили про запас – для подрывной и разведывательной деятельности против СССР. Создание британца-

¹ Подробнее о Транссибе и его значении см.: Wolmar Chr. Blood, iron, and gold. How the railroads transformed the world. N.Y.: Public affairs, 2010. P. 159–171.

ми агентуры глубокого залегания на Северном Кавказе и в Центральной Азии, когда речь идет о целых родах (кланах) в течение многих десятилетий, работающих на британцев против русских, уходит в глубокое прошлое, порой – во времена Большой Игры.

Ответом на происки британцев в Тегеране и на Кавказе стала миссия Яна Виткевича (адъютант военного губернатора Оренбурга В.А. Перовского) в Кабул 1837 г. Миссия завершилась удачно: Виткевич подписал договор с амиром Дост Мухаммадом, что вызвало истерику в Лондоне. Истерику и конкретные действия. «Коварный Альбион» – ситуационно диккенсовские Урия Хипп, Ловкий Плут, Феджин и Билл Сайкс в «одном флаконе» – не простил ни Виткевича, ни Дост Мухаммада¹.

Виткевич, вернувшийся в Петербург, внезапно умер накануне представления Николаю I и получения монаршей награды. Официальная версия – застрелился. Но почему исчез подписанный с амиром договор? Официальная версия – Виткевич сжег его в приступе помешательства перед смертью. Однако многие современники открыто указывали на ту державу, чьи альбионские «уши торчали» в данной ситуации; думаю, эти современники верно понимали ситуацию. Таким образом, в самом начале Большой Игры на русской стороне «образовалось» два трупа – Грибоедова (антирусское выступление в Тегеране организовала британская агентура) и Виткевича – *the British Empire strikes back*. Британцы хотели наказать и афганского эмира, да не все коту масленица: в Афганистане они попали как кур в ошип.

Все это не значит, что Россия была «белая и пушистая». Речь о другом: петербургская империя Николая I, а затем двух Александров и еще одного Николая не вынашивала планов мирового господства – в отличие от британцев. Не было у России и своих КС, т.е. структур Заговора. Экспансия России, как это ни парадоксально прозвучит, носила оборонительный характер: она отодвигала границы, т.е. снижала уязвимость – об этом прямо говорил не кто иной как известный британский историк и специалист в области разведки Арнольд Тойнби-младший. Не было у России и экспансионистского плана ни при Николае I, ни позже – потому что, к сожалению, вообще не было стратегического плана, Большой стратегии. Особенно это характерно для эпохи британско-русского соперничества: британцы судили по себе и полагали наличие у России некоего плана, большого и хитрого – и тем больше и хитрее, чем меньше он просматривался.

«Меня всегда поражало непонимание Европой, и особенно Англией, России, – писал Н.Е. Врангель, отец «черного барона». – Там верили в миф, были убеждены, что у русского правительства существует какая-то планомерная иностранная политика, что русский двор стремится сознательными шагами к точно намеченной цели. И, что еще более странно, вслед за Европой в эту легенду уверовало не только само русское общество, но и само беспочвенное русское правительство.

Быть может, когда-то планомерная политика у России и была – отрицать не стану. Я говорю не о далеком прошлом, а о времени, которое я сам пережил (т.е. вторая половина XIX – начало XX в. – А.Ф.), – и в это время, утверждаю, таковой не было.

Прежде всего о нашей планомерной, коварной, наступательной политике в Средней Азии, о которой полстолетия без умолку кричали англичане. Где же ви-

¹ Подробнее см.: Hopkirk P. The Great Game. On secret service in High Asia. L.: John Murray, 1990/2006. P. 165–174.

ден такой точно установленный план? Можно ли говорить о планомерном исполнении? Вся наша азиатская политика при вступлении Александра II на престол состояла в одном: охранять наши восточные границы от набегов и посягательств разбойничьих племен. Но полковник или генерал (точно не помню) Черняев пожелал или просто зарвался, пошел и занял Ташкент. Все помнят, как Государь и правительство этим самовольным движением были недовольны; какие против Черняева раздались громы. Он вскоре впал в немилость и был уволен от службы. А политика в Азии пошла по новому направлению, направлению не планомерно намеченному правительством, а случайно или сознательно взятому на то неуполномоченным Черняевым.

А поход генерала Комарова на Кушку! Какой шум поднялся тогда в Англии по поводу «русской планомерной наступательной азиатской политики»! А в Петербурге о движении Комарова накануне еще правительство не знало и узнало, если не ошибаюсь, от английского посланника.

В русской политике последнего полстолетия ни плана, ни последовательности не было. Правительственной политики не существовало, а была лишь политика отдельных случайных людей. Как уже и во всем, не Царь или правительство направляли, а чаще их побочные силы и случайные люди. Вспомните обстоятельства, вызвавшие войну с Японией¹.

Этот отрывок со всей очевидностью демонстрирует две вещи: 1) оборонительный, симптомальный, по сути бесплановый характер политики России вообще и в Большой Игре в частности; 2) что еще хуже, по сути отсутствие у России в XIX – начале XX в. настоящего правящего слоя, реальной властной элиты стратегического назначения, эдакого субъекта стратегического действия – субъектосистемы или системосубъекта, как будет угодно. Ясно, что правящая верхушка второй половины XIX – начала XX в. удержать страну, империю, подтачиваемую внутренними противоречиями, которые искусно использовались, а с какого-то момента направлялись внешним противником, не могла, тем более, что противником этим были наднациональные КС, скрывавшиеся за ширмой «европейские государства». Неудивительно, что в конечном счете империя вместе с ее верхушкой была сломана комбинированным ударом внутренних и внешних сил.

¹ Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 283–284.

17. Крымская война, или Финансисты и революционеры против России

Отсутствие стратегического плана сыграло с Россией злую шутку в период, предшествующий Крымской войне, и в самой войне. В 1848 г. в Европе началась революция, захватившая и следующий год. Эту «буржуазную» (в том смысле, что плоды ее присвоила буржуазия) революцию совершали, в смысле – умирали на баррикадах те, кто в реальности выступал против капитализма, против буржуазного прогресса – представители докапиталистического, доиндустриального мира, которых либеральная и «революционная» масонерия натравила на остатки Старого Порядка, хоть как-то защищавшего эти слои. Не случайно именно по поводу революции 1848 г. Маркс и Энгельс сказали, что теперь мы знаем, какую роль в революциях играет глупость и как подлецы умеют ее использовать. Революция 1848 г. – наглядное подтверждение тезиса Б. Мура о том, что революции рождаются не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рева тех классов, над которыми вот-вот сомкнутся волны прогресса¹. Эти волны буржуазомасонерия смогла направить против России, правда, не сразу, а через несколько лет после революции.

Характеризуя положение дел в 1848 г., Ф.И. Тютчев писал: «Февральское движение, по свойственной ему внутренней логике, должно бы привести к крестовому походу всего охваченного Революцией Запада против России... Но этого не произошло, что является доказательством отсутствия у Революции необходимой жизненной силы»². Поэт оказался одновременно и прав, и не прав. Прав в том, что февральское движение, революция должны были привести к крестовому походу против России. Не прав в том, что в отсутствие революционного крестового похода почитал, что опасность миновала. Крестовый поход состоялся, и подстегнула его революция, но сам поход был не революционным, а общезападным, классовым – капиталистическим и в этом смысле реакционным.

Крымская (она же Восточная – для объединенного Запада) война – странная, она с трудом поддается определению. С одной стороны, внешне это локальная во-

¹ Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of the modern world. L.: Penguin books, 1966. P. 505.

² Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Полное собрание... Т. 3. С. 179.

йна, главным театром которой стал Крым. С другой стороны, по сути – по составу участников (крупнейшие державы Европы) – это мировая война. Однако мировые войны характеризовались наличием двух противостоящих друг другу блоков. Крымская война с 1854 г. была противостоянием не блоков, а одной державы – России целому союзу, ядром которого были две наиболее развитые страны Запада – Великобритания и Франция и в который входили также Османская империя и Сардиния. На стороне союза были также враждебно-нейтральные по отношению к России Австрия, Пруссия и Швеция.

При этом действия именно Австрии и Пруссии – ультиматум императора Франца Иосифа в декабре 1855 г. (прямая угроза) и письмо короля Фридриха Вильгельма IV (скрытая угроза – «подарок» на новый, 1856, год), в котором тот писал, что его страна едва ли сможет сохранять нейтралитет по отношению к России, – стали двумя ударами в спину России, загнали Александра II в угол. Не самые сильные державы – Австрия и Пруссия – играли тем не менее важную роль в общеевропейском раскладе. В 1851 г. барон Штокмар, друг принца Альберта I (мужа королевы Виктории) заметил, что Россия представляет угрозу для «остальной» Европы, лишь имея союзников по флангам – этими союзниками могли быть только Австрия и Пруссия. Не случайно англичане приложили максимум усилий, чтобы настроить австрийцев и пруссаков против России, в чем и преуспели к концу 1855 г.

В марте 1836 г. лорд Палмерстон писал премьер-министру Великобритании виконту Мелбурну о том, что в результате Французской революции Европа разделилась по идеологическому принципу на два лагеря – западный (Великобритания и Франция) и восточный (Россия, Австрия и Пруссия). Он подчеркивал опасное единство восточного лагеря и считал необходимым привлечь на свою сторону Австрию и Пруссию, посулив им защиту от Франции¹. К середине 1850-х годов дипломатические усилия британцев увенчались успехом, Россия оказалась лицом к лицу с объединенным Западом, и Александр II капитулировал. Правда, справедливости ради надо признать: не умри Николай I с его выдержкой и характером, Россия, скорее всего, не поддалась бы на австро-прусский шантаж и война могла бы закончиться вничью.

Австро-прусский «ход» тем более важен, что к весне 1855 г. военный пыл французов начал угасать, в Париже и Петербурге стали постепенно привыкать к вероятности ничейного исхода войны. На бульварах Парижа говорили, что Севастополь никогда не взять, и этих разговоров было столько, что властям для их пресечения пришлось прибегнуть к полицейским мерам. Англичанам пришлось активно поработать (и даже после взятия Севастополя), чтобы «убедить» Вену и Берлин.

Крымская война стоила России по разным оценкам от 300 до 500 тыс. жизней (Англии – 60 тыс., Франции – 100 тыс.), полмиллиона рублей и окончилась ее поражением. Более того, как заметил английский историк А.Дж.П. Тэйлор, эта война, подорвавшая не только реальную военную мощь России, но и посленаполеоновскую легенду о ней, была самым успешным военным вторжением Запада на русскую землю от Наполеона до Гитлера. После 1856 г. самодержавная Россия никогда больше не имела такого влияния в Европе, каким она пользовалась – по нарастающей – после 1721, 1763 и 1815 гг. В 1855 г. падением Севастополя кончилось поч-

¹ Brown D. Palmerston. A biography. New Haven and L.: Yale Univ. press, 2010. P. 199–200.

ти сорокалетие страха Запада перед Россией, так же, как в 1989 г. окончилось такое же почти сорокалетие страха Запада перед СССР – *sic transit gloria mundi*. В XIX в. эта «глория» закончилась в Крымской войне, особенностью которой было то, что ее развязали в своих интересах государство Великобритания и международный интернационал финансистов.

Повторю: значение и роль Крымской войны в русской и европейской (мировой) истории недопонимается и недооценивается. Крымская война ни в коем случае не была локальной европейской войной, и главным в ней была вовсе не борьба России и Османской империи. То была первая общезападная война во главе с Великобританией против России. Разумеется, воюя с Наполеоном, Россия тоже воевала против Европы, но не против всей: у России были европейские союзники (Великобритания, Швеция), по сути это была борьба двух европейских коалиций, в составе одной из которых воевала Россия. Да и цели Наполеона в отношении России носили более ограниченный характер, чем те, что поставила объединенная британцами Европа.

Крымская война – иное. Союзников у России не было, в реальности она стала объектом крестового похода, цель которого была проста – загнать Россию в границы самого начала XVII в., выдавить из Центральной Европы и заставить ее забыть о Кавказе и Центральной Азии, подвергнуть полной ревизии результаты наполеоновских войн и одержать верх не только над Николаем I и Александром II, но также, фигурально выражаясь, над Александром I, Екатериной II и Петром I, во многом ликвидировав результаты их геополитических викторий. А организатором, вдохновителем и финансистом общезападной войны против России была Великобритания; ей активно помогали столь разные люди как Герцен, архиепископ Парижский, Маркс; естественно, не обошлось без финансов Ротшильдов – больших «друзей» России. Крымской войной британский правящий финансово-политический класс всерьез, «горячо» начал Большую Мировую Игру против континентального евразийского гиганта, который, как он считал, «жить мешает». Что важно, начало этой игры, ее идейная подготовка совпали с началом Большой Игры в Центральной Азии. Обе Игры будут неоднократно переплетаться и влиять друг на друга.

Несмотря на то, что Крымская война формально закончилась поражением России и Парижским миром, русские и британские власти не исключали военного столкновения между державами в Центральной Азии. Палмерстон стремился заблокировать возможное проникновение русских в Среднюю Азию, и в Петербурге опасались удара по двум направлениям – через Иран и через Афганистан. Александр II выразился по этому поводу недвусмысленно: «Нам нужно серьезно готовиться на борьбу с Англией в Азии». Одной из ответных – подчеркиваю: ответных – мер на действия британцев планировался поход в Индию, тем более что там бушевало сипайское восстание и индийские князья неоднократно обращались за помощью к царю. Поход в Индию не состоялся, как не состоялся он у Павла и не состоится у Ленина и Троцкого. Карты легли иначе.

В 1863 г. вспыхнуло польское восстание, значительную роль в разжигании которого сыграла британская и французская агентура. Русские войска подавили восстание, и тут же последовала бурная реакция Альбиона, полная угроз. Вот тогда-то в Петербурге и решили дать асимметричный ответ англосаксам вполне в духе англосаксонской «стратегии не прямых действий», как ее обозначил Дж. Лиддел-Гарт.

Асимметричные ответы британцам были даны сразу по двум направлениям – североамериканскому и среднеазиатскому.

В Крымской войне «триада» не достигла всех целей: да, Россию выбили из Центральной Европы и из Восточного Средиземноморья и заперли в Черном море; но Россию не удалось ни загнать в границы начала XVII в., ни поставить под полный контроль Запада и его капитала. В то же время, как и задумывалось, Россия оказалась в весьма затруднительном положении и вынуждена была прибегнуть к займам у европейских банкиров. (Кстати, именно для погашения займа Ротшильдам была продана Аляска.) С этого момента начинается интеграция России в мировую капиталистическую систему в качестве зависимого элемента и поставщика сырья («модель Александра II»), которая привела страну к поражению в русско-японской войне, к странному союзу с традиционным не просто противником, а врагом – британцами с пристегнутыми к ним французами, а в конечном счете к крушению самодержавия и гибели династии Романовых. Но первый шаг был сделан мирным договором с Западом в Париже в 1856 г.

Крымская война была не единственной войной «длинных пятидесятых», которую развязали англо-французские агрессоры. Одновременно с войной против России они начали войну против Китая – Вторую «опиумную». Хроносовпадение двух войн не случайно.

Оформившись в XVI–XVII вв., североатлантическая мир-система была не единственной в мире. Кроме нее существовали русская (Россия была отдельной мир-системой), китайская, индоокеанская (аль-Хинд) и другие. В начале XIX в. в мире оставалось лишь три мир-системы: североатлантическая, русская и китайская; при этом даже в 1820-е годы ВВП Китая в два раза превышал таковой Западной Европы. Известный специалист по экономической истории А. Фейерверкер как-то заметил, что если бы история катастрофически прервалась в 1820 г., то через тысячелетия историки, изучающие прошлое, писали бы не о европейском экономическом чуде XVII–XVIII вв., а о китайском экономическом чуде этой эпохи. Однако в 1820–1840-е годы ситуация резко изменилась: британская индустриализация принесла свои плоды. Капитализм получил адекватную ему как способу производства производственную базу – индустриальную систему производительных сил, и это резко расширило возможности его экспансии. Североатлантическая мир-система стала превращаться в полноценную мировую систему капитализма с североатлантическим ядром. Это мир-систем может быть несколько. А мировая система должна быть одна. Поэтому по логике развития капитализма Россия и Китай должны были быть уничтожены как мир-системы и включены в мировую систему в качестве зависимых элементов. Отсюда совпадение по времени ударов по России и Китаю.

Разумеется, в каждом из этих случаев помимо общего замысла были дополнительные обстоятельства, причем очень важные. В случае с Россией это была геополитика; в китайском случае – интересы британской верхушки в получении сверхприбыли от торговли опиумом. Еще в 1787 г. казначей британского флота, а в будущем военный министр Г. Дандас разработал план распространения опиумного трафика на Китай. Став в 1793 г. председателем Совета по делам Индии (по сути контролером Ост-Индской Компании), он лично контролировал мировую торговлю опиумом, которую Ост-Индская Компания усилила после того, как от империи от-

ложились североамериканские колонии. Торговля опиумом набирала обороты, финансировал ее Банк Бэрингов и он же получал дивиденды; в торговле прямо или косвенно участвовала британская верхушка и, как заметил А. Чайткин, богатство и респектабельность английских и американских (бостонская «знать» прежде всего) джентльменов прямо пропорциональны числу китайцев, умерших от опиума (а также убитых африканцев и умерших от голода индийцев, добавлю я).

Китайцы с их китаецентричным, «небополитическим» взглядом на мир довольно долго не воспринимали британскую угрозу. Показательно, что 14 сентября 1793 г. на праздновании 57-летия императора Цяньлуна представитель Великобритании в официальном списке приглашенных значился как посол «королевств западного океана, признающих сюзеренитет империи Цин»; сидел он рядом с послами Монголии и Бирмы¹. Но очень скоро все изменилось, и китайцы поняли, что имеют дело не только с «чужим», но и с «хищником». Если в середине XVIII в. в Китай ежегодно ввозилось 400 ящиков опиума, то к началу 1840-х годов – 40 тыс. ящиков и прибыль от торговли опиума превышала доходы от импорта чая и шелка². В 1835 г. доходы от опиума превысили в 10 раз годовую стоимость легального импорта англичан в Гуанчжоу, в 7 раз – годовую выручку от всего экспорта Китая, более чем в 2 раза – налоговые поступления в центральную казну в Пекине³. Из Китая стремительно уходило серебро, что ослабляло центральную власть и становилось фактором дестабилизации общества.

Попытки китайцев поставить заслон на пути наркотрафика была пресечена британцами в ходе Первой «опиумной» войны, но этого показалось мало, и понадобилась Вторая «опиумная» война. Помимо прямого военного воздействия британцы активно занимались подрывной работой среди племен хакка (провинция Гуанси), ставших ударной силой восстания тайпинов, которое совпало по времени со Второй «опиумной» войной и ослабило Китай. Занимались этой работой пруссак на британской службе миссионер Карл Гуцлаф и его команда. Отвечал за эти акции сэр Джон Бауринг, президент Торговой секции Национальной ассоциации Великобритании, ранее – полномочный посол Великобритании в Китае, по сути – шеф региональной шпионской сети британцев в Китае⁴.

Общая логика в синхронности Крымской и Второй «опиумной» войны очевидна: уничтожение России и Китая как мир-систем. И хотя в обоих случаях полностью достичь поставленных целей тогдашней мировой верхушке не удалось (Россию не удалось загнать в границы начала XVII в., Китай не удалось превратить в колонию), мир-системами и Россия и Китай быть перестали. Китай стал полуколониальной периферией мировой системы, а Россия, оставаясь одной из великих европейских держав (но уже не главной континентальной, как в 1815–1855 гг.), стала превращаться в сырьевой придаток Запада, попадая во все большую зависимость от его финансового капитала. Тютчев оказался провидцем: европейский февраль 1849 г. ударил по России, хотя и не так, как предполагал поэт.

¹ Taylor P.J. The way the modern world works. World hegemony to world impasse. Chichester etc.: John Wiley and sons, 1996. P. 13.

² История Китая. М.: МГУ, 1998. С. 301.

³ Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. М.: Восточная литература, 2005. С. 383.

⁴ Chaitkin A. Ук. соч. P. 308–309.

В 1848–1849 гг. казалось, что удар – экономический – получит Запад, Великобритания: в 1847 г. начался мировой кризис. Это был первый кризис перепроизводства – из-за высоких цен на зерно упал спрос на промышленные товары и последний кризис, вызванный главным образом ситуацией с зерном, а не в сфере промышленности. Великобритании, однако, удалось вывернуться: в 1849 г. в Австралии было открыто золото, и это удержало британцев, остальная Европа расплачивалась революцией, хотя кризис 1847 г. – далеко не единственная причина европейской революции 1848–1849 гг. В 1851 г. нашли золото в Калифорнии, и Англосфера в целом не только прошла кризис, но и начала бурно развиваться: США начали строить дороги на запад через весь континент, вышли на тихоокеанское побережье, а оттуда «прыгнули» в Восточную Азию, насильственно открыв Японию. Великобритания, точнее, англо-французский комплекс начал превращаться в ядро мировой системы, а формирование этой последней в одних случаях вызвало, а в других сопровождалось бурными политическими событиями.

Революция 1848 г. завершила бурную революционную эпоху 1789–1848 гг. и открыла не менее бурную, но уже военную эпоху «длинных пятидесятых» – 1848–1867/73 гг. Как заметил Э. Хобсбаум, поколение после 1848 г. было поколением не революций, а войн¹ – а также капитала и оптимизма.

Оптимизма хватило на четверть века, несмотря на бурные события – по плотности социальных бурь с «длинными пятидесятыми» XIX в. сравнятся разве что «длинные двадцатые» (1914–1933) XX века. О Крымской и Второй «опиумной» войнах уже сказано; если говорить о мировой окраине, то необходимо сказать о сипайском восстании в Индии (1857–1859 гг.), восстании тайпинов в Китае (1850–1864 гг.) и реставрация Мэйдзи в Японии (1867–1868 гг.), которую вульгарные марксисты притянули за уши к разряду «буржуазных революций». В США это была гражданская война (1861–1865 гг.). В Европе – появление путем объединения различных земель в новые государства Италию и Германию.

Капиталу была суждена намного более долгая жизнь, чем оптимизму. Здесь необходимо подчеркнуть: результатом эпохи 1789–1848 гг. было возникновение не просто «современного», «либерального» или какого-то еще общества, а общества капиталистического. Об этом хорошо сказал Э. Хобсбаум: «Великая революция 1789–1848 гг. была триумфом не “промышленности” как таковой, но *капиталистической* индустрии; не “свободы и равенства вообще”, но таковых *общества среднего класса или буржуазного либерального общества*; не “современной экономики” или “современного государства”, но экономик и государств определенного географического региона мира (часть Европы и части Северной Америки), чьим центром были соседи-соперники Великобритания и Франция»². И КС были неотъемлемой частью капитализма – как его центра, так и периферии. Это со всей отчетливостью проявилось в истории Гражданской войны в США – одного из важнейших событий «длинных пятидесятых».

¹ Hobsbawm E.J. The age of capital, 1848–1875. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1975. P. 74.

² Hobsbawm E.J. The age of revolution, 1789–1848. N.Y. etc.: A mentor book, 1962. P. 17–18.

18. Гражданская война в США, или Британцы и конспироструктуры против Америки

Гражданская война в США – очень важный и интересный эпизод в рождении мировой системы. Этот международный по своей сути конфликт является первым серьезным случаем активной деятельности за пределами Европы тех сил, которые активно форматировали и переформатировали Европу в «эпоху революций» (1789–1848 гг.). Разумеется, эта деятельность легла на противоречия внутри самих США. Но, опять же, эти противоречия в значительной степени отражали интересы европейских (британских) сил, представленных в США некими местными группами.

Пробританский социально-политический комплекс существовал в Америке издавна, его представители сопротивлялись созданию США, а после их возникновения продолжали работать на британские интересы, совпадавшие с их собственными. Этот комплекс был представлен прежде всего частью банкиров восточного побережья, концентрировавшихся в Бостоне («бостонские брамины») и активно участвовавших в британской торговле опиумом в Азии. Речь идет о семьях Лоуэллов, Форбсов (эти две семьи, как и Буши, – потомки Вильгельма Завоевателя; нынешний госсекретарь США Дж. Керри – Форбс по матери), Кэботов, Хигинсонов, Пикерингов, Перкинсов и др. Особого внимания с точки зрения истории КС заслуживают американские семьи швейцарского происхождения Прево (Prevost), Мале (Mallet) и Прево-Мале. Среди членов этих семейств, сыгравших большую роль в становлении на основе британско-швейцарского синтеза современной британской SIS, – несколько поколений шпионов и агентов влияния, работавших на Великобританию, а с конца XIX в. – на наднациональные КС мирового управления и согласования; именно вглубь этих семейств уходят корни Даллесов и Гарриманов.

Джеймс Прево родился в Швейцарии; его семья входила в правящий «Совет 200». В 1750 г. вместе с двумя своими братьями он поступил на британскую службу, а затем отправился воевать в Америку. В Швейцарии и Англии Прево породнились с Мале – еще одной старинной и богатой швейцарской семьей. Маллеты упоминаются римскими историками I в. н.э. как небольшое племя. Уходящая корнями в это племя протестантская семья Мале в XVIII в. была очень влиятельна. Старейший парижский банк, сохранивший свое первоначальное имя «Братья Мале» («Mallet Frères»), был основан в 1713 г. представителями этой семьи. «Его представители

были регентами (членами генерального совета) Банка Франции, в учреждении которого они участвовали непрерывно с 1800 по 1936 год. Этот же банк участвовал в капиталах железнодорожной компании PLM (президентом которой был Шарль Мале), Оттоманского Банка, Банка Сирии и Ливана, Франко-сербского банка, страховой компании Foenix и Национальной страховой компании, Гаврских доков, Луарских мастерских, Тонкинских вольфрамовых рудников и Lesieur-Afrique»¹.

Один из представителей Мале, Жак Мале дю Пан, тоже перебрался в Великобританию в середине XVIII в. и поступил на службу в британскую разведку, где довольно быстро продвинулся, став руководителем ее сети «на континенте». Именно Мале дю Пана Питт-младший отправил уламывать Людовика XVI снять протекционистские барьеры против английских товаров.

В конце XVIII в. братья Мале-Прево оказываются в США, их сестра выходит замуж за пробритански настроенного Аарона Бэрра, и с этого момента семья, расширяясь, начинает играть значительную роль в американской политической жизни, работая на британцев. На семейном древе Прево-Мале мы встречаем имена Феа (Phea) и Птит (Petit) Даллесов – кузена и дяди братьев Даллесов², которые тоже связаны с этим швейцарско-британско-американским древом, развернутым в сторону интересов Альбиона. Наиболее важной пробританской политической фигурой в США на рубеже XVIII–XIX вв. был вице-президент Аарон Бэрр, родственник семейств Прево и Мале. Ему так и не удалось стать президентом, в отличие от двух его протеже – Джексона и Ван Бюрена, но вред США в интересах Великобритании он нанес изрядный. От Бэрра прочерчивается линия к тем силам, которые готовили пожар Гражданской войны в США.

«Американская гражданская война была крупнейшей войной в западном мире между битвой при Ватерлоо 18 июня 1815 г. и началом Первой мировой войны 1 августа 1914 г.»³, Эта война, несомненно, центральное событие истории США. Она представляет собой сложное и неоднозначное явление, которое нельзя свести к одномерным противостояниям «Север – Юг», «рабовладельцы – противники рабства», «индустриализм» – «аграрно-сырьевое (хлопок) развитие». Сложной и нетождественной самой себе была и позиция Великобритании, тех же Ротшильдов, которые первоначально не симпатизировали Северу, но с определенного момента начали поддерживать именно его – так оказалось прибыльнее; впрочем, верные себе Ротшильды поддерживали обе стороны: лондонский банк – северян, парижский – южан. Со времен Джефферсона британцы не оставляли мысли восстановить контроль над США, начав с установления контроля над американскими финансами⁴, что работало на достижение этой цели и определяло выбор в пользу поддержки Юга или Севера.

В принципе курс на отделение Юга от Севера имеет не только американские, но и британские корни. В свое время еще Т. Купер, ученик Бентама и Мальтуса, а по

¹ Зелдин Т. Франция, 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2004. С. 70.

² Chaitkin A. Ук. соч. P. 90.

³ Steele Gordon J. An empire of wealth. The epic history of American economic power. N.Y.: Harper, 2004. P. 191.

⁴ Goodwin J. Greenback. Almighty dollar and the invention of America. N.Y.: A John Macrae book, 2003. P. 262.

совместительству агент руководителя британской SIS Шелбурна, предложил отделить Юг от Севера. Ученик Купера, выходец из еврейской семьи Э. де Леон, масон Шотландского обряда и будущий агент разведки южан, выступил с предложением создать «Молодую Америку» – по аналогии с мадзиниевскими «Молодой Италией», «Молодой Швейцарией» и т.п. «Молодая Америка» была создана и вела активную пропаганду за отделение Юга. Весьма активно в этом направлении работали американские масоны Шотландского обряда, создавшие в северных штатах организацию «Рыцари золотого круга». Имея штаб-квартиру на севере, «рыцари» втайне создавали в южных штатах (Луизиана, Миссисипи, Алабама – в тех, что впоследствии заявили об отделении) военные организации. Впоследствии эти организации составили ядро конфедератов. С 1854 г. в южных штатах у «рыцарей» прошли подготовку 100 тыс. человек; в самом начале войны «рыцари» выставили 65 тыс. солдат (на стороне Юга, естественно)¹. Южную милицию тоже подготовило это ответвление американского масонства Шотландского обряда, члены которого занимали важные административные должности в южных штатах и работали на сессию.

Уже в наши дни симпатии различных представителей американского истеблишмента к различным традициям прошлого неожиданным образом проявятся в церемонии присяги президента США. Буш-младший будет присягать на Библии короля Якова (шотландская аристократическая традиция, связанная с масонами и иллюминатами), а Обама – на более демократичной Библии Линкольна. Но это к слову.

Непосредственно планы отделения разрабатывали сенатор Иуда (Йегуда) Бенджамен (британский подданный, родился в Вест-Индии, во время войны – начальник Секретной службы южан, после войны бежал в Америку)² и сатанист Альберт Пайк, лидер (Южно-)Шотландского обряда масонов. На Бенджамена Дж. Блейн (при президенте Гарфилде он станет госсекретарем) прямо указывал как на лицо, стремящееся превратить США в конфедерацию, которая обеспечит Британской империи возврат финансово-торговой власти над США. Собственно интерес Великобритании в гражданской войне в США и заключался в том, чтобы ослабить Америку и установить над ней контроль, прежде всего финансовый. Неудивительно, что флот конфедератов строился в Ливерпуле под руководством шефа Службы разведки южан в Европе Дж. Д. Буллока – дяди будущего президента США Т. Рузвельта³.

Впрочем, далеко не все на Юге хотели отделяться, равно как на Севере было немало таких, кто выступал за «развод» с Югом. А. Чайткин пишет, что за раскол союза выступал ряд видных финансистов Уолл-стрит, некоторые рабовладельцы и так называемые «бостонские брамины» – американская аристократия, тесно связанная с британской и вплетенная в контролируемую британцами и королевским домом Великобритании международную торговлю опиумом.

В начале войны Франция поддержала Юг, к этому же склонялась и Великобритания, хотя с самого начала было ясно, что преимущество на стороне Севера – и ресурсное (почти все полезные ископаемые), и промышленное (92% мануфактурного производства), и демографическое (22 млн против 9,5 млн, из которых 3,5 млн – черные

¹ Chaitkin A. Ук. соч. P. 225.

² Чайткин А. // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюллетень № 4 (6).

³ Chaitkin A. Ук. соч. P. 249–250.

рабы)¹. Юг жил патриархальной жизнью, описанной М. Митчелл в романе «Унесенные ветром». На вершине социально-экономической пирамиды находилась тысяча семей с общим доходом 50 млн долл. в год². Этот слой, многие представители которого относились к «северной черни» более враждебно, чем греки к туркам³, вызывал симпатии у многих в Европе.

Британцы планировали высадку в Канаде, что создавало угрозу нанесения королевским флотом ударов по северянам – по Нью-Йорку (Атлантика) и Сан-Франциско (Пацифика). Эту угрозу в значительной степени отвела Россия отправкой к американским берегам двух эскадр. В то же время этой акцией Россия решала сугубо свои военно-морские проблемы. Суть в следующем.

В 1862 г. британцы начали сколачивать антирусскую коалицию, в которую готовы были войти Франция, Австрия и Пруссия – «второе издание» антирусской коалиции времен Крымской войны, она должна была вернуть то, что недоделала Крымская война. На этот раз внешний удар предполагалось дополнить внутренним. В 1862 г. давние агенты британцев Мадзини, Эркарт и Герцен обратились к своим восточноевропейским «коллегам» с призывом взорвать Российскую империю изнутри – поднять восстания. На этот призыв, кстати, и откликнулась часть польской шляхты, раздраженная тем, что по реформе 1861 г. лишилась крепостных. В воздухе запахло порохом, и русские предприняли меру, решавшую три задачи: 1) создать во вполне британском духе не прямых действий угрозу Альбиону вне Европы; 2) ограничить британцев в достижении их геополитических целей на мировой шахматной доске, заодно продемонстрировав силу; 3) вывести часть Балтийского флота из Балтийского моря, где он в случае новой войны с европейской коалицией оказался бы заперт. Решением этой тройной задачи и стала отправка двух эскадр для прикрытия главных портов Америки от возможных ударов британцев.

В 1863–1864 гг. две русские эскадры почти год находились у берегов Северной Америки. Эскадра под командованием контр-адмирала С.С. Лесовского (три фрегата, два корвета, клипер) 24 сентября 1863 г. сосредоточилась в Нью-Йорке, прикрыв город от возможных ударов британского флота. Эскадра под командованием контр-адмирала А.А. Попова (четыре корвета, два клипера) вышла из Владивостока, пересекла Тихий океан и 27 сентября 1863 г. прикрыла Сан-Франциско. Весь личный состав эскадр был подобран исключительно холостой. Оба перехода – через Атлантику и Пацифику – были совершены в полной тайне, став своеобразной русской «тайной двух океанов».

Русские эскадры не только прикрыли американские города-порты и вышли на оперативный океанский простор, но и угрожали Великобритании и Франции с тыла. Это – не говоря уже о столь болезненной для менталитета «нации лавочников» (определение, данное британцам Наполеоном и повторенное Вильгельмом II) угрозе, как убытки торгового флота в случае действия русских эскадр. Обманув бдительность британцев, русский флот «занял в отношении их (Великобритании

¹ Hicks J. The Federal Union. A history of the United States to 1865. Boston etc.: Houghton Mifflin, 1937. P. 620.

² Kraus M. The United States to 1865. Ann Arbor: The Univ. of Michigan press, 1959. P. 401.

³ Макферсон Дж. Боевой клич свободы. Гражданская война 1861–1865 (Оксфордская история США). Екатеринбург: Гонзо, 2012. С. 282.

и Франции. – А.Ф.), и в особенности тыла Англии, такую командующую и трудно уязвимую позицию, что предположения о выгодах возможных действий у русских незащищенных берегов мгновенно потускнели перед возможностью тех колоссальных убытков, которые могли быть нанесены русскими морской торговле и колониям союзников»¹.

Девятимесячная демонстрация силы русского флота у берегов Северной Америки не позволила состояться антирусской коалиции (Австрия «от чувств-с» даже вызвалась содействовать «усмирению польского мятежа», а британцы сбавили тон). После того, как польское восстание было подавлено, а победа северян в Америке стала очевидной, эскадры вернулись домой. Я оставляю здесь вопрос о том, не лучше ли было бы для России как тихоокеанской державы иметь две Америки – в тех условиях тактически верным был «просеверный» рейд. Другое дело, что тактические кратко- и среднесрочные выгоды и победы нередко оказываются стратегическим проигрышем в средне- и долгосрочной перспективе, но никому не дано знать будущее: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» (Ф. Тютчев).

«Североамериканский ответ» русских британцам был относительно краткосрочным – уложился в год. Значительно более длительным стал «среднеазиатский ответ». В 1863 г. в Петербурге было принято решение начать военные действия в Средней Азии. На следующий год были взяты Аулие-Ата и Чимкент, тем самым Западносибирское и Оренбургское генерал-губернаторства соединились по прямой линии. В 1865 г. генерал-майор М.Г. Черняев со второй попытки взял Ташкент, а в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Это был мощный ответный ход в Большой игре – Россия угрожающе двигалась в направлении Индии. Разумеется, русские не собирались завоевывать субконтинент и изгонять оттуда «белых сахибов». Движение в Среднюю Азию, как в определенной степени и Большая игра в целом, были средством давления на Великобританию, причем очень эффективным. «Средняя Азия, – заметил военный министр генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин, – это узда, которая сдерживает Англию, а потому ее необходимо натягивать». Против того, чтобы «натягивать», выступал МИД во главе с начинающим впадать если не в старческий маразм, то в старческую сверхосторожность Горчаковым. По сути его поддерживал посол России в Великобритании Ф. Бруннов.

Однако на тревожные письма посла в Лондоне об английском недовольстве Милютин спокойно отвечал: «...не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоеывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они делают это». Затем Россия активно включилась в Большую игру, путив в британцев судорогу. Но вернемся к гражданской войне в Америке.

На рубеже 1863–1864 гг. в отношении Великобритании к войне произошли изменения. Они были вызваны успехами северян, а также стремлением Великобритании устранить Юг в качестве конкурента египетскому и индийскому хлопку. Для финансистов, прежде всего Ротшильдов, победа Севера открывала перспективу ограбления Юга посредством агентов-северян, и установления контроля над финансовой системой США с помощью манипуляций золотом и кредитно-денежной

¹ История российского флота. М.: Эксмо, 2007. С. 394.

политики в стране, разоренной войной. Действительно, Гражданская война унесла больше жизней американцев, чем две мировые войны XX в. вместе взятые – 620 тыс. человек; перевод этих цифр в проценты от населения США 1865 г., а затем «переброс» на 2006 г. дал бы цифру 11,2 млн; погиб 1 мужчина из 25¹ (плюс 220 тыс. вернувшихся ранеными и увечными плюс 50 тыс. сирот); материальный ущерб составил 6 млрд долл. (3 млрд долл. – расходы правительства, 2 млрд – «человеческий капитал», 1 млрд – уничтоженная собственность)². И это вселяло в финансовых хищников по обе стороны Атлантики надежды – они чувствовали запах крови в прямом и переносном смысле слова. Тем более что финансовая система самих США находилась в запутанном состоянии³.

Проблема, однако, заключалась в том, что вновь переизбранный президент Линкольн вовсе не собирался заниматься тем, что Джон Кеннеди впоследствии назовет «закабалением и эксплуатацией Юга». Напротив, он обсуждал с южанами почетные условия мира и условия мягкой реинтеграции в единую систему. Не случайно генерал конфедератов Джонстон – тот самый, сдача которого генералу Шерману 25 апреля 1865 г. считается окончанием Гражданской войны⁴, назвал смерть Линкольна «самым страшным бедствием для Юга». При живом Линкольне никакой речи об установлении экономической диктатуры над Югом и его ограблении быть не могло. И это «не могло» не нравилось многим видным однопартийцам президента и еще большей степени ряду крупных дельцов с Уолл-стрит, которые были связаны с Великобританией.

Проблема отношения к Югу была не единственным пунктом противоречий между Линкольном и британско-американскими финансовыми интересами. Как отмечает А. Чайткин, у Линкольна развивался жестокий конфликт с фирмами Уолл-стрит, представлявшими интересы Ротшильдов и Бэрингов. Президент США стремился восстановить правительственный контроль над кредитом, провел несколько законов против ростовщичества, распорядился продавать государственные облигации непосредственно населению. Линкольн откровенно бросал вызов британскому фритредерству, а его 50%-ный тариф дал старт американской сталеплавильной промышленности. Его законы о банковской деятельности были направлены на то, чтобы покончить с англо-американскими манипуляциями золотом.

Когда банкиры восточного побережья отказали Линкольну в кредитах на ведение войны, он создал по сути новую национальную банковскую систему, распорядившись напечатать 400 млн «гринбеков». Все это в совокупности и стало причиной гибели президента, и если Саймонс написал, что пуля, выпущенная в Линкольна, прилетела не с Юга, а с Севера, с Уолл-стрит, то можно добавить: отлили эту пулю и привезли ее из-за океана. Линкольн стал первой жертвой в ряду национально-ориентированных президентов США, сопротивлявшихся тому курсу, логическое развитие которого привело к созданию в 1913 г. Федеральной резервной

¹ McDougall W.A. Throes of democracy. The American Civil war era, 1829–1877. N.Y.: Harper Collins, 2008. P. 493.

² Beatty J. Age of betrayal. The triumph of money in America, 1865–1990. N.Y.: Vintage books, 2008. P. 54.

³ Страусс Дж. Морган. М.: АСТ, 2002. С. 172.

⁴ Hansen H. The civil war. A history. N.Y.: Sygnet Classics, 2001. P. 646.

системы (ФРС). И все же Линкольн своей политикой отодвинул установление контроля англо-американских банкиров над финансовой системой США на полвека. За это время США сделали рывок, став мировой промышленной державой № 1 – т.е. то, чему пыталась воспрепятствовать Великобритания и ее американские союзники, в том числе и посредством развязывания гражданской войны.

«Гражданская война, – пишет М. Ротбард, – оказала на кредитно-денежную и банковскую систему США еще более губительное влияние, чем война 1812 г. Если не считать периода 1814–1817 гг., в США впервые – и на два долгих десятилетия – установилась система неразменных бумажных денег, которая привела к безответственной инфляции цен. Эти “зеленые спинки”, гринбеки, оказались прообразом кредитно-денежной системы, установившейся в США после 1933 г., а особенно после начатого в 1971 г. эксперимента с неразменными бумажными деньгами.

Пожалуй, еще более важным последствием Гражданской войны было устойчивое изменение банковской системы Америки. Столкнувшись с ситуацией, когда государственный долг вырос с 64 844 000 долл. в 1860 г. до 2 755 764 000 долл. в 1866 г.¹, федеральное правительство по сути запретило банкам штатов эмиссию банкнот и создало взамен новую, квазицентрализованную общегосударственную банковскую систему, которая проторила путь к возврату полноценного центрального банка, каковым стала Федеральная резервная система. Короче говоря, Гражданская война покончила с отделением федерального правительства от банковской системы и положила начало все более тесному и устойчивому симбиозу². Подобного рода симбиозу, при котором правительство все более обволакивалось интересами финансов Уолл-стрит, за которыми скрывались британские банкиры, было бы очень трудно развиваться при Линкольне.

Показательно, что не своей смертью умрут все американские президенты, вступавшие в схватку с британско-американским финансовым капиталом. Можно сказать и по-другому: все президенты, вступавшие в такую схватку, были либо убиты (Дж. Гарфилд, У. Маккинли, Дж. Кеннеди), либо внезапно умирали при странных обстоятельствах (Б. Гаррисон, З. Тэйлор)³.

Особенно показателен случай с Гарфилдом, и хотя он выходит за хронологические рамки данной работы, имеет смысл привести его в качестве дополнительного материала к убийству Линкольна в контексте истории КС.

К концу 1870-х годов в Нью-Йорке сформировалась грабительская «политико-экономическая машина» (New York «loot and booty» machine). Ее возглавил триумvirат в составе: банкир Август Бельмонт, представитель Ротшильдов и глава Демократической партии; британец У.Р. Грайс, который в 1890 г. захватит часть территории Перу; известный спекулянт Леонард Джером, владелец «New York Times» и дед Черчилля, его дочь выйдет замуж за Р. Черчилля, который в 1880 г. совместно с Бальфуrom создает ультрафедералистскую группу. Этот круг Бальфура в тесном контакте с «венцианцами» Дизраэли взял на себя негласное руководство различ-

¹ Kirkland E. A history of American economic life. N.Y.: Appleton-century-croft, 1951. P. 430.

² Ротбард М. История денежного образования и банковского дела в США. От колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск: «Социум», 2005. С. 123.

³ Chaitkin A. Why British kill American presidents // Executive intelligence review. Dec. 2008, № 12. P. 30.

ными проектами британской разведки по связям с оккультным и криминально-политическим подпольем Нью-Йорка (из последнего и вышли убийцы-одиночки Гарфилда и Маккинли)¹.

Жесткий курс Гарфилда по отношению к финансистам и стал причиной его убийства в 1881 г. Аналогичным образом жесткое налогообложение британских товаров в результате действия протекционистского тарифа президента Маккинли стал причиной его устранения (1901 г.) и занятия президентского кресла Т. Рузвельтом, которого будто и подсадили в качестве вице- «на случай» (как Л. Джонсона к Дж. Кеннеди), который, как известно, помогает подготовленным.

Маккинли был последним в XIX в. (и на большую часть XX в.) национально-ориентированным президентом США. Т. Рузвельт был иным. Мало того, что его экономический курс специалисты порой именуют «делинкольнизацией», он переориентировал внешнюю политику США на Великобританию, по сути если не разорвав, то заморозив отношения с Японией, Германией и Россией², которую он особенно не любил, как и ее правящий дом: любимая мишень в тире Т. Рузвельта – портрет Николая II. Эти шаги, по-видимому, предпринимались в рамках взятого КС в начале 1890-х годов курса на создание англо-американского истеблишмента и КС нового типа, о чем пойдет речь в следующей части данного исследования, посвященной эпохе 1870-х – 1945 гг. Подводя итог краткому экскурсу в историю Гражданской войны в США, отмечу, что в ее развязывании свою роль сыграли масонские и квазимасонские (иллюминаты) организации, а руки нагрели «высокие финансисты». Именно от Гражданской войны, от смерти Линкольна прочерчивается линия к созданию Федеральной резервной системы в 1913 г. Но вернемся в Европу эпохи «длинных пятидесятых» (1848–1867/73 гг.) – в итальянские и немецкие земли, где тоже пошустрили КС.

¹ Chaitkin, ук. соч. Р. 30.

² Там же.

19. Италия, Германия и конец второго этапа развития конспироструктур

Единые государства на юге Европы и в ее центре нужны были Великобритании в ее геополитических интересах: Италия – для контроля над Средиземноморьем и над Ватиканом, Германия – как противовес России и страховочный клин между Россией и Францией, ведь в конечном счете только за счет последней и был возможен подъем Германии.

О роли масонских лож – классических и «диких» – в создании Италии (формально – под властью Савойского дома) написано немало. Подчеркну лишь ту роль, которую в этом процессе сыграли революционеры с карбонарским прошлым. Их в масонских ложах привлекало то, что они могли служить хорошим прикрытием для их деятельности¹. Впрочем, «дикими ложами», как и регулярными, руководили, как правило, из Лондона. Решающую роль здесь играл любимец британцев Джузеппе Мадзини, организатор и глава «Молодой Италии». На его счету также создание и руководство целой облоймой организаций: «молодые» Франция, Швейцария, Германия и др. Спонсировали Мадзини, как и его друга Герцена, Ротшильды. Показательно, что 20 сентября 1870 г., в день вступления в Рим итальянских войск под предводительством масона Кадорна, Мадзини, председатель (с 1859 г.) ложи Верховный совет (Чарлстон, США), и Альберт Пайк, подписали тайный протокол: в Риме учреждался высший масонский культ, объединявший масонство всех стран², эдакий «масонский интернационал» – Масонинтерн – всего лишь через три года после созданного К. Марксом I Интернационала, коммунистического. Т.е. в день низвержения папского престола в Риме воздвигался престол антипапы; с этого моменты резко активизируется проникновение масонства в структуры католической церкви, с одной стороны, и давление на нее финансового капитала, с другой.

Что касается Пруссии, то здесь обошлись без революционеров с карбонарским, «диколожским» прошлым. Пруссию в 1860-е годы возглавляли люди, занимавшие высшие должности в классических континентальных ложах, – Вильгельм I, Мольтке, Бисмарк. Этим людям островные «кураторы» доверяли намного больше, чем

¹ Ридли Дж. Фримасоны. Люди, творящие мировую историю. М.: Эксмо, 2007. С. 177.

² А. Селянинов. Тайная сила масонства... С. 120.

Наполеону III. К тому же у последнего в 1860-е годы испортились отношения с лоялами, да и по отношению к Великобритании он начал пытаться проявлять самостоятельность. В 1867 г. он осмелел настолько, что организовал в Париже международную конференцию, посвященную возвращению в оборот серебряной монеты наряду с золотой (это было выгодно Франции). Британцы, отказавшиеся от серебра в 1821 г., демонстративно проигнорировали конференцию, но «наезд» Наполеона III сактировали и не простили.

Поражения французов под Мецем и Седаном – результат не столько военного превосходства пруссаков, хотя и его тоже, сколько, как считает ряд исследователей, предательства, осуществленного французскими «братьями» в пользу немецких по настоятельному «совету» британских. Победа над Францией увенчала «семилетку» побед пруссаков – сначала над Данией, затем над Австрией. Однако Франция была намного сильнее этих государств, и та быстрая и сокрушительная победа, которую одержала над ней Пруссия, не может быть объяснена только видимыми военно-политическими факторами, которые акцентирует профанно-профессорская наука. Правда, очень скоро британцы пожалеют об организации победы Пруссии и возникновении Второго рейха и поставят задачу его уничтожения, «уничтожения духа Шиллера» (Черчилль), который не учли. На решение этой задачи уйдет весь третий этап истории КС (1870-е – 1945 г.)

Подводя итоги второго этапа развития КС, за которыми стояли наднациональный финансовый капитал и Великобритания, можно сказать, что он был весьма успешным для всех них: в начале XIX в. была сокрушена Франция; в середине XIX в. была ослаблена Россия; под руководством масонских и парамасонских лож прошло объединение Италии и Германии. КС прочно закрепились в США, а мешавший финансистам президент Линкольн был уничтожен. «Длинные пятидесятые» превратили североатлантическую мир-систему в мировую систему с североатлантическим (Запад) ядром, и на этом превращении финансовый капитал не только нажился, но и укрепил свои политические позиции.

К концу второго этапа в развитии КС их роль была столь велика, а их контроль над правительствами столь силен, что это уже почти и не скрывалось от широкой публики. В 1852 г. немецкий писатель и философ Эккерт писал: «Никакой государственный деятель не может понимать своего времени, ни правильно оценивать события, каких ему довелось быть свидетелем, не может уяснить себе того, что совершается в сферах администрации, церкви и народного образования, а также политической и общественной жизни, не может даже понять истинного значения некоторых условных терминов и выражений, если он основательно не изучит историю франкмасонского ордена и не постигнет истинного характера и направления его деятельности.

Без этих знаний он всегда будет ходить в потемках и будет вынужден рассматривать все события и общественные явления каждое в отдельности, без их внутренней причинной связи, и поэтому оценка этих событий будет всегда односторонней и непонятной».

В своей речи 20 сентября 1876 г. лорд Биконсфилд (он же Дизраэли) заявил: «Правительства нашего века принуждены считаться не только с монархами и правительствами других стран, но также и с тайными обществами, которые в послед-

ний момент могут разрушить все наши планы; они имеют повсюду своих агентов, деятельных, неразборчивых в средствах, способных на убийство и в крайнем случае могущих вызвать целую резню». При всей верности сказанное Дизраэли следует уточнить: к концу второго периода развития КС дело обстояло не только и не столько так, что эти структуры и правительства выступали как некие внешние объекты по отношению к официальной власти. В значительной степени КС уже были представлены в правительстве и правительствами.

«Эпоха революций» (1789–1848) и «длинные пятидесятые» (1848–1867/73), когда по масонским лекалам и под надзором Великобритании создавались целые государства, стали периода прихода масонов к власти, огосударствления масонства/КС. Разумеется, более или менее завершённый вид этот процесс конвергенции, взаимопроникновения или даже сращивания КС и государственной власти, подталкиваемый финансовым капиталом, приобретет на третьем этапе (1870-е – 1945 г.). Именно в эти десятилетия на Западе партии, будь то левые или правые, парламенты, а порой монархи и целые правительства станут в значительной степени внешними органами, функциями клубов, лож, т.е. закрытых властных структур, структур, воплощающих власть в чистом виде и активно использующих «право-левую» игру для манипуляций социальными процессами.

Как верно отмечает О. Маркеев, с кибернетической точки зрения тайные общества выступают как дублирующий (и, добавлю я, нередко главный) контур двухконтурной системы управления, максимально защищенный от воздействия извне. «Порой он более эффективен, чем видимый и легитимный. Он не зависит от существующей открытой и легальной системы назначения на должности, не связан нормами и законами, обязательными для «профанов» из числа управляющих и управляемых»¹.

Процесс формирования двухконтурной системы власти в буржуазном обществе шел революционным путем (с активным использованием «втемную» масс) в 1780–1870-е годы. Внешне общество трансформировалось из старопорядковой монархии в либеральную демократию, на самом же деле оно превращалось в криптократию – результат симбиоза КС и буржуазного государства XIX в., которое было намного более деспотическим и абсолютистским, чем так называемое феодальное/старопорядковое «абсолютистское государство» XVIII в. В том числе и благодаря союзу с КС, а затем их взаимопроникновению. Причем процесс этот вовсе не был безболезненным для самого масонства и для развития КС в целом.

Приход в середине XIX в. в той или иной форме к власти верхушки классических лож оставил в политическом офсайде значительную часть членов этих лож. Кроме того, далеко не все участники революционного движения были довольны результатами Французской революции 1830 г. и в еще большей степени европейской революции 1848–1849 гг. Противостоя государству, они теперь оказались лицом к лицу с «властными масонами», и это создавало конфликтную ситуацию в мире КС. Результат: недовольные стали создавать «дикие ложи», которые перехватили у занявших место монархии классических лож знамя «мировой революции» и вдобавок придали ему классовый характер – антибуржуазный и антигосударственный.

¹ Маркеев О. Демон власти. Генезис, эволюция и кризис системы власти. М.: Самотека, 2007. С. 156.

ный одновременно. Это весьма соответствовало и борьбе воспетых Э. Сю «опасных классов», постепенно превращавшихся в «трудящиеся классы», и зарождавшейся борьбе пролетариата. Не случайно те, кто двинулся в «дикие ложи» и просто в революционные КС, стали называть себя «карбонариями», т.е. угольщиками.

Карбонарии и «дикие ложи» активно засветились в событиях европейской революции 1848 г., которая напугала многих масонов умеренно-либерального типа, напугала до такой степени, что они готовы были перейти на сторону «порядка», т.е. консерватизма или даже реакции. Граф Кавур прямо заявил, что если революция создает угрозу общественному порядку, то самые большие энтузиасты-республиканцы встанут на сторону консерваторов¹. Это означало, что мир КС раскалывается по идеологическому, а в конечном счете по классовому принципу.

«Угольщики против каменщиков», красно-черное знамя против масонского триколора², борьба за власть и за деньги, которых всегда не хватает. И здесь свое слово сказал наднациональный финансовый капитал, который начал спонсировать революционные движения в Европе, направив их в определенное русло, вполне выгодное для старых КС. Это весьма соответствовало и интересам Великобритании. Если в XVIII и начале XIX в. Великобритания ослабляла европейские государства и манипулировала ими с помощью классических континентальных лож, то теперь, когда эти последние сами стали государственной властью, Великобритания нашла узду и для них в виде революционных движений. Ну а спонсором выступал, естественно, финансовый капитал, в частности, те же Ротшильды, Бэринги. Таким образом, к концу второго этапа общая картина развития КС усложнилась: к масонским и пара(квази)масонским организациям добавились революционные организации, нередко оформлявшиеся в «дикие ложи»; в мире КС появился новый элемент, и это усилило руководящую роль финансового капитала, который мог контролировать государство как по официальной, так и по масонской линии, а также получил дополнительный рычаг благодаря спонсированию революционного и национально-освободительного движений. В то же время, пока решались старые проблемы, возникали новые, причем источником их возникновения были сами средства решения старых проблем, и это нелегко было предвидеть.

В начале 1870-х годов вряд ли кто мог подумать, что и Великобритания, и КС в их масонском и парамасонском вариантах вступают в полосу если еще не упадка, то ведущего к нему кризиса; что британским континентальным и, главное, островным ложам будет брошен (уже брошен!) вызов в борьбе за тайный контроль над миром, что масонство как доминирующая форма КС во многом перестает быть адекватной требованиям меняющегося мира и мировой верхушке, прежде всего англосаксам, что понадобятся новые формы. Именно эти проблемы резко выявятся в самом начале третьего этапа развития КС, а их осмысление и предлагаемые способы решения сформируют повестку дня третьего этапа в их развитии.

Темные контуры нового стали проступать уже в 1870-е годы. Впрочем, западноевропейское общество в массе своей продолжало жить инерцией прошлой эпохи. Именно в середине 1870-х годов Жюль Верн напишет четыре своих наиболее

¹ Hobsbawm E.J. The age of capital... P. 15.

² О. Маркеев. Черная луна. М.: Олма, 2007. С. 433.

известных, брызжущих оптимизмом романа – «Дети капитана Гранта», «20 тысяч лье под водой», «Таинственный остров» и «Пятнадцатилетний капитан». Должно будет пройти еще 20 лет, прежде чем сменится настроение, и утратившая оптимизм эпоха найдет свое отражение не только в «Упадке» М. Нордау и настроении «Fin de siècle», но и в мрачных тонах написанных в 1890-х годах четырех самых известных романов Герберта Уэллса – «Человек-невидимка», «Остров доктора Моро», «Война миров» и, конечно же, «Машина времени» с ее морлоками. Морлоки, эти опасные низы, волновали Уэллса и как представителя КС. С этими новыми «опасными классами» надо было что-то делать. Их нужно было включать в планы КС. Собственно, новые формы манипуляции «морлоками» в своих интересах и станут характерной чертой деятельности КС в конце XIX – начале XX вв. Но это уже другая история.

С.А. Горяинов

КРИПТОЭКОНОМИКА
МИРОВОГО
АЛМАЗНОГО РЫНКА

Горяинов Сергей Александрович —
исполнительный директор Гражданского центра
прикладных исследований

Формула Родса.....	149
Эрнст Оппенгеймер и «Англо-Америкен»	156
Алмазы Третьего рейха.....	159
Советский алмазный проект	168
«Де Бирс» и СССР	179
Алмазы, «международный терроризм» и новые способы управления глобальными рынками	190
Крушение белой ЮАР	204
Почему «АЛРОСА» не «Де Бирс»?.....	213

Современный алмазный рынок относительно невелик по объему: в 2008 г. мировая добыча составила около 163 млн карат на сумму примерно 12,7 млрд долл. (В 2009 г. объемы добычи резко упали из-за глобального кризиса, в 2010 г. алмазный рынок демонстрирует энергичное восстановление, приближаясь к докризисным показателям.) Для сравнения – оборот российской нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» составляет 81,1 млрд долл. (2009 г., US GAAP), а операционная прибыль крупнейшей нефтяной компании мира «Exxon mobil corporation» превышает весь объем мирового алмазного рынка более чем в 6 раз.

Более 95% добываемых в мире алмазов (в стоимостном выражении) гранятся в бриллианты и используются в ювелирной промышленности. Доля натуральных технических алмазов в настоящее время продолжает сокращаться вследствие быстрого развития технологий синтеза, позволяющих получать искусственные алмазы для производственных нужд, по качеству и себестоимости превосходящие природные.

Относительно небольшой объем мирового алмазного рынка и превалирование (по стоимости) в обороте ювелирных алмазов над техническими может создавать у стороннего наблюдателя иллюзию «несерьезности», «второстепенности» алмазной индустрии, ее неспособности оказывать сколь-нибудь значительное влияние на глобальные экономические и политические процессы. Между тем именно алмазный рынок послужил моделью, на которой обкатывались методы управления глобальными сырьевыми рынками и первоосновой для создания влиятельных надгосударственных неформальных структур – подлинных генераторов масштабных программ, в значительной степени определивших ход исторического развития в XX в.

Алмазный рынок продолжает и сегодня оставаться инструментом, активно используемым при разработке криптотехнологий управления глобального уровня. Именно в этом качестве он будет рассматриваться в настоящей работе.

Формула Родса

В 1870 г. на юге Африки (на территории современной ЮАР) были открыты три крупных месторождения алмазов – Ягерсфонтейн, Дютойтспен и Коффифонтейн. Это были первые известные в Истории коренные месторождения, так называемые кимберлитовые трубки взрыва. В 1871 г. над этим алмазоносным районом был установлен британский протекторат, а в 1876 г. он был формально включен в состав Капской колонии Великобритании. Руководил аннексией этих территорий министр колоний Великобритании лорд Кимберли. В его честь был назван поселок, основанный на открытом в 1871 г. еще одном, выдающемся по характеристикам месторождении. Название поселка и месторождения вскоре стало обобщающим термином, а саму алмазную руду стали именовать кимберлитом.

До этих открытий алмазы добывались на россыпях в Индии, Бразилии и Африке в весьма незначительном количестве, и ценообразование на алмазном рынке определялось балансом спроса и предложения. Алмаз, обладающий исключительными ювелирными качествами, прежде всего уникальной твердостью, высоким показателем преломления и дисперсией, был крайне редким товаром, а потому и чрезвычайно дорогим. Рынок был чрезвычайно узок – суммарная мировая годовая добыча алмазов, по ряду оценок, не превышала 0,3 млн карат. Мизерный объем товара и запредельные цены определяли круг конечных потребителей – в то время украшения с бриллиантами могли себе позволить только представители высшей аристократии и крупной буржуазии.

Открытие колоссальных африканских коренных алмазных месторождений, отличающихся к тому же благоприятными горно-геологическими условиями добычи (алмазоносная порода выходила на поверхность), вызвало «алмазную лихорадку», и в Южную Африку хлынул поток энергичных авантюристов. Объем стихийной добычи алмазов в Африке резко возрос: с 16,5 тыс. карат в 1869 г. до 1080 тыс. карат в 1872 г. Стало очевидно, что алмаз вовсе не такой редкий минерал, как считалось ранее, напротив, он оказался наиболее распространенным из всех драгоценных камней 1-го порядка (алмаз, рубин, сапфир, изумруд, александрит, благородная шпинель, эвклаз, по классификации М. Бауэра – А. Ферсмана). Не менее очевидно

стало также и то, что если добыча будет расти такими темпами, то рынок будет затоварен и цены на алмазы рухнут в самом недалеком будущем.

Сесил Джон Родс (Cecil John Rhodes) появился в Южной Африке в 1870 г. – в момент эпохального открытия коренных алмазных месторождений. Сын рядового англиканского священника, Родс не обладал ни связями, ни серьезным капиталом, но «алмазная лихорадка» давала некоторые шансы сделать состояние, и он не замедлил в нее включиться. Поначалу Родс проявил себя способным организатором и спекулянтом, сосредоточившись не столько на добыче алмазов, сколько на посреднических операциях и инфраструктурных проектах в районах алмазодобычи, а практически всю прибыль тратил на скупку алмазоносных участков. Одной из таких покупок стало приобретение участка на ферме, принадлежащей братьям-бурам Йоханнесу и Дитриху Беерам (Де Бирс).

В 1873 г. Родс вернулся в Англию и поступил в Оксфордский университет (Ориел-колледж). Он справедливо полагал, что для развития его бизнес-проектов будут не лишними связи в среде влиятельной аристократии и финансовой буржуазии, а элитный университет давал такую возможность. Степень бакалавра Родс получил в 1881 г., формально пробыв студентом более восьми лет. Но, конечно, эти годы не были посвящены исключительно учебе. Пребывание в университете чередовалось с длительными командировками в Южную Африку – руку на пульсе алмазного бизнеса Родс держал постоянно. В Африке делались деньги и ковались кадры, в Оксфорде нарабатывались связи, и не только в научном мире – в эти годы «брат Родс» становится хорошо известен в масонских и парамасонских организациях, а также среди иезуитов. Изучение «изнутри» этих специфических организаций убедило Родса, что при всем своем богатстве и влиянии они «не видят ясной цели». Его же собственная цель стала приобретать все более четкие очертания.

В 1881 г. Родс основал «Де Бирс майнинг компани лимитед». Стартовый капитал составил 200 тыс. фунтов стерлингов. Незадачливые братья Де Бирс, продавшие свою ферму за 6300 фунтов, растворились во мгле Истории, но их аристократично звучащей фамилии была суждена фантастическая судьба.

Основание «Де Бирс» сопровождалось формулировкой знаменитого тезиса: «Если бы на всем свете было четыре человека, то продавать алмазов нужно столько, чтобы хватало лишь на двоих». Принято считать, что этот тезис, иначе называемый «формула Родса», определил структуру алмазного рынка более чем на столетие. Отчасти это действительно так – Родс был одним из немногих, кто понял, что алмазный рынок может успешно развиваться лишь в условиях предельной монополизации, которая способна обеспечить искусственный дефицит алмазного сырья, являющийся, в свою очередь, страховкой от неконтролируемого колебания цен. Но у «формулы Родса» есть и вторая часть, не озвученная публично, но тем не менее блестяще воплощенная на практике. Заключается она в следующем: «Если бы на всем свете было четыре человека, то необходимо сделать так, что бы они постоянно чувствовали, что позарез нуждаются в алмазах, хотя на самом деле алмазы никому не нужны».

На абсолютную монополизацию рынка Родсу потребовалось около семи лет, если считать с момента основания «Де Бирс». Главным препятствием на этом пути был Барни Барнато (Айзен) – этнический еврей, способный авантюрист, практиче-

ски одновременно с Родсом пришедший к пониманию, как следует организовать управляемый алмазный рынок. Барнато появился в Южной Африке чуть позже Родса – в 1873 г. Удачные спекуляции позволили ему купить несколько участков на месторождении Кимберли. В 1880 г. Барнато создал компанию «Кимберли сентрал даймонд майнинг компани», которая вскоре получила полный контроль над месторождением Кимберли. Война между «Де Бирс» и «Кимберли сентрал» продолжалась несколько лет с переменным успехом и закончилась победой Родса. Сказались наработанные в Оксфорде связи – в 1887 г., когда потенциал обоих соперников был уже изрядно истощен, Родс получил значительный по тем временам кредит в 1 млн. фунтов от «Н.М. Ротшильд и сыновья», что позволило ему приобрести участки независимых алмазодобытчиков, вклинивающиеся во владения Барнато. Барнато сдался – в 1888 г. «Де Бирс» поглотила «Кимберли сентрал» и образовалась «Де Бирс консолидейтед майнз», в которой Барни Барнато получил крупный пай, за ним также пожизненно сохранялась должность члена правления.

Таким образом, к началу 1890-х годов «Де Бирс» получила контроль над 90% мировой добычи алмазов и, соответственно, возможность управлять предложением. В соответствии с собственной формулой, Родс был готов продавать алмазы «двум из четырех», но как заставить «всех четырех» испытывать безумное желание эти алмазы купить?

Через пять лет с момента появления Родса в Африке добыча алмазов возрасла в 14,5 раз и продолжала нарастать. Огромный поток алмазов с новых месторождений уже сбил цены примерно на 25%. И дальнейший ценовой обвал становился все более реальным: узкий круг традиционных конечных потребителей бриллиантов – членов королевских семей, рафинированных аристократов, сливок финансовой, торговой и промышленной буржуазии – был просто не в состоянии поглотить столь резко возросшее количество товара. Ничтожная емкость рынка была очевидной, и в соответствии с законом спроса и предложения цена на алмазы неизбежно должна была упасть ниже себестоимости добычи, что, разумеется, означало крах «Де Бирс». Но создатель эмпирической формулы управляемого рынка изящно опроверг «объективные экономические законы».

В то время на массовом ювелирном рынке, ориентированном на средний класс, безраздельно царил благородный опал, месторождения которого находились в Европе, на землях, не контролируемых британской короной. Примерно с 1873 г. (что совпадает с появлением Родса в Оксфорде) в европейской прессе стали появляться публикации, направленные на придание ювелирному опалу отрицательной потребительской стоимости, – потребителей вкрадчиво информировали, что этот камень сказывается на судьбе обладателя самым несчастливым образом. Постепенно поток таких публикаций и сопровождающий их поток слухов нарастали. Одновременно нарастал поток информации о бриллиантах, окрашенной в самые позитивные тона.

«Точка бифуркации» пришлось на 1875 г. Испанию охватила эпидемия холеры. Король Альфонсо XII дарит своей супруге-королеве Мерседес перстень с исключительным опалом в качестве талисмана от смертельной болезни. Королева умирает. Перстень достается принцессе, которая также в скором времени отходит в мир иной. Опал начинает носить сам король и тоже становится жертвой холеры. Эта печальная история становится хитом европейской прессы и подозрительно долгое

время не сходит со страниц газет, обрастая леденящими душу сведениями не столько о страданиях королевской семьи, сколько о вредоносности опала и ювелирных изделий с этим камнем. Находится масса исторических примеров, «убедительно доказывающих», что именно ношение опалов приводило к гибели членов королевских семей и многих выдающихся представителей рода человеческого. Всевозможные астрологи, экстрасенсы, профессора медицины и даже геологии сокрушенно покачивая головами, согласованным хором рассказывают ошеломленному потребителю о вредоносности проклятых опалов – тут и «смертельные излучения», и притягивание нечистой силы, и способствование страшным заболеваниям... Через несколько лет рынок «несчастливых» опалов последовал за Альфонсо XII – перестал существовать, лопнул как мыльный пузырь.

Разумеется, испанский монарх отдал Богу душу не из-за магических свойств опала, а по причине ошибок проектировщиков водопровода и канализации в королевском дворце. Но как бы там ни было, наиболее массовый сегмент ювелирного рынка был успешно «зачищен» от конкурента, а ничего сравнимого с опалом по объемам добычи (кроме алмаза, разумеется) не существовало. Грамотный маркетинг довершил блестящую операцию, и бриллиант прочно вошел в обиход европейской (самой значительной на тот момент времени) массовой ювелирной торговли. Случилась, однако, досадная неожиданность: в 1872 г. в Австралии (британском доминионе) было открыто крупное месторождение ювелирных опалов. Пришлось проводить кампанию, смысл которой сводился к следующему неординарному тезису: вредоносны, оказывается, опалы из любых месторождений, кроме австралийских! Благородный австралийский опал – просто сказка: никаких вредных излучений, никакой нечистой силы, никаких болезней – аборигены носят и от холеры не мрут, в отличие от незадачливых испанцев. И эта кампания завершилась не менее впечатляющим успехом – австралийская продукция получила свою нишу на рынке, достаточную, чтобы обеспечить рентабельную эксплуатацию месторождения. Европейская же добыча опалов была уничтожена полностью. Все это случилось задолго до появления телевидения, Интернета и спутниковой связи.

Блестящая реализация на практике обеих частей «формулы Родса» не могла не привести последнего к пониманию того, что тезис о цене товара как об объективной реальности, заданной балансом спроса и предложения, далеко не универсален. Предложением на сырьевом рынке можно управлять, сосредоточив в одних руках (физически или с помощью картельных соглашений) значительную долю добычи. Спросом можно управлять, манипулируя информационной оболочкой товара, его образом, не только изменяя при этом объем традиционного рынка, но и создавая, по сути, новые рынки и уничтожая существующие. И все это – в планетарном масштабе.

Работа Родса по организации управляемого алмазного рынка была замечена и по достоинству оценена не только финансовой империей Ротшильдов, с которой у «Де Бирс» установились самые прочные и дружелюбные контакты. Идея о том, что сырьевые рынки – не стихия и ими можно управлять, стала быстро овладевать британским истеблишментом.

В 1890 г. – всего через два года после создания «Де Бирс консолидейтед майнз» – в Англии увидел свет роман сэра Артура Конан Дойля «Торговый дом Гердлстон».

Одна из сюжетных линий этой книги непосредственно связана с алмазным рынком, и здесь Конан Дойль сделал два удивительных пророчества: фактически предсказал возможность открытия в России колоссальных алмазных месторождений и популярно сформулировал положение о том, что глобальный рынок алмазов на самом деле является не классическим товарным рынком, описываемым известными на тот момент экономическими теориями, но рынком информации. Главный герой, крупный спекулянт из Сити, собирается устроить корнер на алмазах. «Корнер» в данном случае – термин биржевого сленга, означающий ситуацию на рынке, когда контроль над определенными активами полностью переходит к одному игроку, получающему таким образом возможность произвольно управлять ценой, остальные участники рынка вынуждены играть на его условиях, они как бы загнаны в угол, отсюда и *соггер* (угол – *англ.*). На вопрос изумленного компаньона: «Как же можно управлять ценами на алмазы, для этого требуется по меньшей мере капитал Ротшильда?», герой отвечает элегантно комбинацией – в России организованная им экспедиция «открывает» огромное (разумеется, виртуальное) месторождение алмазов, а вторая экспедиция интенсивно скупает реальные алмазы у старателей Капской колонии в Южной Африке, паникующих от известия, что рынок вот-вот будет завален русской продукцией и поэтому готовых расставаться с кристаллами по бросовым ценам. После того как известия из России окажутся блефом, цены вернуться на прежний уровень и искомый профит будет обеспечен. Главным инструментом в этом нетривиальном мероприятии является по сути правильно организованный информационный поток, создание которого герой берет на себя, и для этого вовсе не нужно капиталов Ротшильда, поскольку корнер-то достигается не на алмазах, а на информации об алмазах, что с точки зрения финансовых и временных затрат принципиально разные вещи.

Вряд ли можно сомневаться, что к идее «алмазного корнера» Конан Дойль пришел, анализируя доступную ему информацию о деятельности Родса, который, как известно, был другом и кумиром создателя Шерлока Холмса. По странной иронии судьбы, в том же 1890 г. британским экономическим классиком Альфредом Маршаллом был сформулирован фундаментальный закон спроса и предложения. Практика, как обычно, обогнала сухую академическую теорию.

Итак, работа Сесиля Родса в конце XIX в. показала, что сырьевым рынком (или ценообразованием на нем – что, в сущности, одно и то же) можно управлять. Мировые цены на сырьевые ресурсы – не объективная реальность и даже в первом приближении не определяются спросом и предложением, это параметр, который можно произвольно изменять в широких диапазонах, если есть возможности манипуляции объемами добычи и генерации специально организованного информационного потока. Впоследствии идея управления глобальными сырьевыми рынками (управления мировыми ценами на сырье) нашла свое воплощение в различных механизмах, таких, например, как ОПЕК (создана в 1960 г.). Но пальму первенства, без сомнения, следует отдать Родсу и «Де Бирс».

Возможность управления глобальным сырьевым рынком – это, безусловно, власть, это способность влиять, и иногда самым радикальным способом, на судьбы многих стран и миллионов людей. Власть эта не законодательная, не исполнительная, не судебная, она лежит за пределами известных государственных ин-

ституты и абсолютно нелегитимна. Ее механизм сосредоточен в недрах добывающей корпорации, прозрачной до конца только для своих создателей и владельцев. Опыт с алмазным рынком был только начальным этапом, «эскизным проектом» грандиозного процесса, но видимо, достаточным для понимания автором и его ближним кругом, – какие блестящие геополитические перспективы могут открыться для владельцев нового властного механизма. И Родс сделал вполне логичный шаг – объединил вокруг нового проекта наиболее способных представителей британской элиты.

В 1891 г. Родс, при участии лорда Бальфура, Ротшильда, Милнера и Эшлера, создал «Круглый стол» – некий неформальный клуб, экспертную площадку, которая объединяла представителей аристократии, влиятельных финансистов, высших чиновников, владельцев наиболее крупных промышленных и добывающих компаний. К моменту создания «Круглого стола» Родс уже прочно интегрировался в британскую элиту, он был не только обладателем крупнейшего состояния и владельцем компании – мирового алмазного монополиста, но и премьер-министром Капской колонии Великобритании.

Принято считать, что «Круглый стол» времен Родса был клубом единомышленников, одержимых идеей максимально возможного распространения в мире влияния Британской империи. Да, такие декларации были свойственны членам «Круглого стола», и было бы странно, если на публике они произносили что-нибудь другое, учитывая их положение и вес в британском обществе. Но на самом деле все было с точностью до наоборот – «Круглый стол» стал первой в Истории надгосударственной структурой, которая использовала государственные институты и финансы Британии для реализации собственных целей, которые заключались, прежде всего, в установлении контроля над глобальными ресурсными рынками, т.е. в развитии нового механизма власти, спроектированного Родсом. Впоследствии «Круглый стол» станет организационным и идеологическим ядром Совета по международным отношениям, Трехсторонней комиссии, Бильдербергского клуба – тех неформальных объединений мировой элиты, в которых генерируются геополитические программы.

Подлинный смысл «Круглого стола» проявился достаточно быстро – эта организация сыграла решающую роль в использовании государственной машины и бюджета Великобритании в целях установления контроля структурами Родса и Ротшильдов над мировым рынком золота и металлов платиновой группы, контроля, который будет окончательно оформлен в виде так называемого «лондонского фиксинга по золоту» в 1919 г.

В 1886 г. в Трансваале были открыты крупнейшие в мире месторождения золота. В 1887 г. Родс создает компанию «Голд филдз оф Сауз Африка», которая начинает скупать в Трансваале золотоносные участки. Достаточно быстро становится ясно, что мощность новых месторождений огромна, и они способны давать от 30 до 40% мировой добычи золота. Это был «контрольный пакет» мирового золотого рынка. Обладание этим пакетом давало шанс выстроить глобальный рынок золота по «алмазной модели». Но Трансвааль – независимое государство, к тому же дружественное Германии. И политического ресурса Капской колонии, и финансового ресурса «Де Бирс» явно было недостаточно, чтобы получить полный контроль

над золотыми месторождениями Трансвааля. Проблема решалась только с помощью армии и бюджета Великобритании.

Противников силового варианта решения хватало. Внутри «Де Бирс» возникла серьезная оппозиция во главе с Барни Барнато, который продолжал оставаться крупнейшим акционером и имел высокий авторитет среди деятелей алмазного бизнеса. Барнато был категорически против использования потенциала «Де Бирс» в рискованной политической игре. В 1896 г. Родс выкатывает пробный шар – небольшая армия наемников, сформированная и вооруженная на средства «Де Бирс», пересекает границу Трансвааля и делает попытку захватить Йоханнесбург (так называемый «рейд Джеймсона»). Наемники терпят поражение от буров, Германия официально заявляет о готовности поддержать Трансвааль. Барнато, от которого скрывали участие «Де Бирс» в финансировании «рейда Джеймсона», выражает категорическое несогласие с подобными авантюрами, его отношения с Родсом резко обостряются. В 1897 г. Барни Барнато, боксер и борец, отличающийся отменным здоровьем, выпал за борт корабля, совершавшего рейс в Англию. Погода была ясная, полный штиль... Барнато – человек № 2 в алмазном бизнесе, членом «Круглого стола» не был.

Подготовка почвы в метрополии для решения проблемы золота Трансвааля началась сразу после организации «Круглого стола». Представительный состав его участников и восприимчивость ими идей Родса позволили задать нужный вектор как государственной машине Великобритании, так и общественному мнению. Главным итогом Англо-бурской войны (1899–1902 гг.) оказалось установление контроля компаниями Родса над золотыми месторождениями Трансвааля и Оранжевой республики. Сам Родс не дожидаясь победы – скончался в марте 1902 г. Но дальнейшее развитие событий показало, что его стратегия по созданию управляемых сырьевых рынков, в основу которой легла «алмазная модель» «Де Бирс», будет востребована и развита надгосударственными структурами, прототипом которых стал «Круглый стол».

Эрнст Оппенгеймер и «Англо-Америкен»

Сесил Родс скончался в возрасте 48 лет, на пике своего интеллектуального развития. Эта смерть нанесла серьезный удар как по компании «Де Бирс», так и по процессу создания управляемых сырьевых рынков в целом. Как и подобает настоящему гению, С. Родс опередил свое время, масштаб его личности и революционность его идей оказались недооцененными даже ближайшим окружением. Барни Барнато – единственный человек, не уступавший С. Родсу по крайней мере в глубине понимания проблемы, отправился в мир иной еще раньше, и теперь никто четко не представлял: что следует делать дальше?

Между тем в начале XX в. открытия новых алмазных и золотых месторождений в Африке продолжались – в Намибии, Анголе, Заире. Особую опасность для «Де Бирс» представляли открытия в Намибии – тогда германском протекторате (Германская Юго-Западная Африка 1883–1915 гг.). После того как в 1883 г. Адольф Людериц за 200 винтовок выкупил участок намибийского побережья (бухта Ангра-Пекена) у местных царьков и основал порт, названный его именем, немцы, с присущей им основательностью, приступили к созданию инфраструктуры, позволяющей быстро продвигаться вглубь алмазоносных и золотоносных территорий. В 1903 г. в Намибии появились несколько германских дивизий под командованием Лотара фон Трота, сравнительно быстро ликвидировавшие все очаги туземного сопротивления и установившие предельно жесткий колониальный режим. В 1908 г. вдоль трассы железной дороги, связывающей порт Людериц с внутренними районами, были открыты богатейшие россыпные месторождения алмазов. В 1909 г. была создана компания «Дойче диамантен изельшафт мбх». Одновременно указом кайзера Вильгельма II вся торговля алмазами в Юго-Западной Африке ставилась под контроль Имперского колониального ведомства. Значительные государственные инвестиции и жесткий контроль принесли фантастические плоды: с 1909 по 1914 г. в Юго-Западной Африке германская компания добыла 5 140 000 карат алмазов, ее прибыли достигали 3800%.

Контроль над мировым алмазным рынком быстро уплывал из рук «Де Бирс», но корпорация, потерявшая своего волевого руководителя, была не способна этому противостоять. По понятным причинам «Де Бирс» ничего не могла противопоста-

вить германскому алмазному проекту, но она также не делала попыток поставить под контроль новые месторождения, открываемые на других африканских территориях, в том числе и входящих в зону британского влияния. Алмазный рынок возвращался в прежнее хаотичное состояние.

Идеи С. Родса были восприняты членами «Круглого стола», но не было человека, который бы смог их реализовать на практике в новых, причем быстро меняющихся, условиях. Поиск такого лидера начался сразу после смерти С. Родса, и искал его именно «Круглый стол».

Официальная биография Эрнста Оппенгеймера – это классический пример превращения «чистильщика сапог» в миллионера. Этнический еврей с немецким паспортом, пятый сын небогатого торговца табаком, он поступил в 1897 г. учеником в одну из лондонских компаний, аффилированную с «Де Бирс», чтобы освоить профессию диамантера. После окончания Англо-бурской войны он переехал в Южную Африку, продолжая работать на лондонскую фирму в качестве сортировщика и оценщика алмазов. Став крупным профессионалом в алмазном бизнесе, Э. Оппенгеймер решил попробовать себя в политике и в 1912 г. был избран мэром г. Кимберли. Прекрасная карьера, учитывая более чем скромные стартовые позиции.

Но дальше биография Э. Оппенгеймера приобретает совершенно фантастические черты. В 1915 г. он досрочно и добровольно слагает с себя полномочия мэра г. Кимберли и возвращается в Лондон. Отказывается от немецкого гражданства и получает британское. Как только из Африки выбивают немцев и Германская Юго-Западная Африка прекращает свое существование, Э. Оппенгеймер появляется в Йоханнесбурге и в сентябре 1917 г. основывает «Англо-Америкен корпорейшен», которая начинает стремительно скупать алмазные участки в Намибии, богатейшие месторождения золота Витватерсранда и акции «Де Бирс». Разумеется, собственного состояния Э. Оппенгеймера не хватило бы и на миллионную долю этих масштабных операций. «Англо-Америкен» была создана на средства банкирского дома «Джей Пи Морган». Представители семьи Морганов, так же как и семьи Ротшильдов, были членами «Круглого стола».

Когда именно Э. Оппенгеймер появился в поле зрения этой неформальной надправительственной структуры – неизвестно, но скорее всего, молодой профессионал алмазного бизнеса обратил на себя внимание после избрания мэром г. Кимберли. Последующие консультации в Лондоне убедили членов клуба – достойный наследник С. Родса найден. Он не мог похвастаться ни аристократичным происхождением, ни огромным капиталом, ни связями мирового масштаба. Но по уровню понимания реалий алмазного бизнеса, по волевым качествам и работоспособности он вполне соответствовал должности «главного инженера» клубного проекта по созданию глобальных управляемых сырьевых рынков. И сын мелкого табачного торговца возглавил крупнейшую в мире горно-добывающую корпорацию.

Уже в 1920 г. Э. Оппенгеймер добивается полного контроля над алмазными месторождениями Юго-Западной Африки, в 1929 г. к посту руководителя «Англо-Америкен» он добавляет пост президента «Де Бирс». В Рождество 1929 г. на заседании Наблюдательного совета «Де Бирс» Э. Оппенгеймер заявляет, что в своей деятельности корпорация должна руководствоваться принципами, разработанными С. Родсом. В этом же году Э. Оппенгеймер становится членом «Круглого стола». К

1933 г. Э. Оппенгеймер сумел подавить практически всех сколь-нибудь серьезных независимых игроков на алмазном рынке, создал Центральную сбытовую организацию (ЦСО), через которую проходило 94% добываемых в мире алмазов, и стал ее президентом.

Блестящая деятельность Э. Оппенгеймера окончательно доказала, что идеи С. Родса – не случайные озарения гения, но конструктивный принцип, которым можно руководствоваться в построении глобальных управляемых рынков. А контроль над рынками может быть воплощен в политический контроль над миром, осуществляемый неформальными объединениями, подобными «Круглому столу». Но на пути к этой цели находилось серьезное препятствие, в преодолении которого «Де Бирс» под управлением Э. Оппенгеймера предстояло сыграть далеко не последнюю роль.

Алмазы Третьего рейха

Практически все серьезные источники, большинство исследователей алмазного рынка категорично утверждают, что корпорация «Де Бирс» отказалась сотрудничать с гитлеровской Германией. Центральная сбытовая организация алмазного монополиста заблокировала продажи алмазов Третьему Рейху, это обстоятельство крайне негативно сказалось на развитии германской оборонной промышленности и послужило одной из косвенных причин военного поражения нацистского государства.

Такая точка зрения, на первый взгляд, имеет под собой солидные основания. Действительно, корпорация «Де Бирс» всегда была и остается жемчужиной британской короны, возглавляется с 1929 г. семьей Оппенгеймеров – этническими евреями, выходцами из Германии, и традиционно имеет тесные связи с банкирскими домами Ротшильдов и Морганов. Это, безусловно, серьезные обстоятельства для возникновения неустрашимых идеологических противоречий с автором «Майн Кампф». А поскольку ЦСО, созданная в 1933 г. – как раз к моменту прихода Гитлера к власти, контролировала 94% мировой добычи алмазов, то «Де Бирс», без сомнения, была в состоянии полностью перекрыть поставки Германии.

Германия же являлась пионером в применении технических алмазов – вначале в виде абразивов для шлифовки лучшей в мире оптики «Цейс». В 1927 г. Крупп запатентовал материал «Widia» (wie Diamant – «как алмаз»). Этот агломерат карбида вольфрама и кобальта совершил революцию в металлообработке – скорость и чистота резки самых твердых сталей возросли на порядки. Но затачивать резцы из «Widia» можно было только алмазным инструментом. Примерно в это же время немецкие машиностроительные фирмы создают и внедряют технологии и алмазный инструмент для финишного хонингования, позволяющего увеличить ресурс двигателей автомобилей, самолетов, танков и подводных лодок в несколько раз. На очереди были алмазные фильеры для проволоки для радиоэлектроники и еще десятки, если не сотни, областей применения алмаза в военно-промышленном комплексе. И все эти технологии в огромном объеме стали востребованы именно с 1933 г., когда Гитлер порвал Версальский договор и обеспечил Круппу, Тиссену, Сименсу, Цейсу и другим грандам германской индустрии небывалый в истории оборонный заказ.

Ну и конечно, нельзя не вспомнить «Рыцарский крест» – высшую степень Железного креста, с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, возделенную мечту головорезов, энергично готовящихся к «прогулке» по Европе.

Немцы были пионерами в алмазных технологиях, но и остальные участники предстоящей битвы оценили их возможности. В 1939 и 1940 гг. мировая добыча технических алмазов составила 10,5 и 11,2 млн карат соответственно. Это в три с лишним раза превосходило результат 1933 г. Впервые в истории рынка объем продаж технических алмазов по стоимости стал сравним с объемом продаж ювелирных. По качеству производимых вооружений Германия шла вровень с будущими противниками, а в некоторых областях – артиллерия, оптика, авиация, моторостроение – вырвалась вперед.

Итак, 94% мировой добычи алмазов контролировала «Де Бирс», а Германия, располагая самыми передовыми технологиями с алмазной компонентой, должна была за пятилетку произвести танковые, авиационные и корабельные армады – десятки тысяч самых совершенных на тот момент машин. И даже не за пятилетку – первые «Me-109» появились в небе Испании в 1936 г. Неужели такой технологический рывок был совершен на неподконтрольных мировой монополии 6% алмазов, разбросанных среди мелких дилеров на трех континентах? Или «сумрачный германский гений» справился с задачей без алмазов?

Некоторые предположения позволяют сформулировать данные по предвоенному германскому экспорту. В марте 1935 г. между Германией и СССР был заключен кредитный договор на 200 млн марок. Это был связанный кредит – на эту сумму Советский Союз должен был получить промышленное оборудование, необходимое прежде всего для развития ВПК, в частности более 1100 металлорежущих станков. По этому и другим аналогичным кредитам, а также по прямым закупкам СССР получил громадный парк немецких металлообрабатывающих станков, только в 1940 – начале 1941 г. объем поставок составил 6430 штук.

Первые партии этого оборудования стали устанавливаться на оборонных заводах Москвы и Ленинграда в 1936 г. Для заточки резцов, правки резьбошлифовальных кругов и т.п. станки были укомплектованы алмазным инструментом. Без него они работать не могли. Более того, аналогичные станки швейцарского производства, закупаемые в эти годы Советским Союзом, также комплектовались немецким алмазным инструментом. Германия была крупным экспортером алмазного инструмента! При колоссальных темпах развития собственной военной индустрии.

Хорошо известно, что министры вооружений Третьего рейха Фриц Тодт и Альберт Шпеер добились поразительных результатов – германский ВПК непрерывно наращивал количество выпускаемых вооружений в течение всей войны: так, в 1940 г. было выпущено 1803 танка и САУ, а в 1944 г. и начале 1945 г. – 23 478, причем значительно более совершенных и технологически более сложных моделей. В «Воспоминаниях» Шпеера можно найти несколько горьких сетований по поводу дефицита вольфрама, молибдена или никеля. По поводу алмазов там нет ни слова. В алмазах фатерлянд нужды не испытывал – прецизионные станки работали на полную мощность до весны 1945 г.

Откуда же поступали алмазы в Рейх? В 1930-е годы единственной страной – экспортером сырых алмазов, правительство которой было лояльно настроено к Гит-

лери, была Бразилия. Остальные значимые экспортеры (прежде всего ЮАС) либо входили в состав Британского содружества и здесь корпорация Де Бирс непосредственно контролировала добычу и сбыт, либо контроль осуществлялся через соглашения с ЦСО (например, компания «Форминьер» в Бельгийском Конго).

В Бразилии осенью 1930 г. в результате военного переворота к власти пришел харизматический диктатор Жоселио Варгас, исповедующий идеи, близкие к концепции «корпоративного государства» Бенито Муссолини. Варгас действительно предпринял ряд шагов к сближению с нацистской Германией, но одновременно интенсивно развивал связи с США, пытаясь балансировать между мощными игроками. Эта игра продолжалась относительно недолго: в 1938 г. радикальные армейские круги предприняли попытку фашистского путча, и Варгасу пришлось сделать выбор. Подавив путч, он окончательно принял сторону США, и уже в 1942 г. бразильские войска сражались в Италии на стороне союзников.

Бразильские россыпные алмазные месторождения обрабатывались старателями, не объединенными в сколь-нибудь крупные компании. Централизованно управлять такой добычей, а тем более прогнозировать ее, было невозможно. Ряд попыток организовать промышленную добычу с применением современного горного оборудования потерпел неудачу как по экономическим причинам, так и из-за нестабильности политической обстановки в районах добычи. Кроме того, в аллювиальных месторождениях процентное содержание кристаллов ювелирного качества обычно выше, чем в коренных, гаримпейрос интересуют именно такие алмазы, к техническим они относятся без энтузиазма. Поэтому теоретически Бразилия с 1933 по 1938 г. могла быть источником технических алмазов для Третьего рейха, но источником крайне скудным и ненадежным. Масштабное производство современного оружия требует долгосрочного жесткого планирования поставок необходимых материалов, практика алмазодобычи в Бразилии этому требованию не удовлетворяла абсолютно.

В период с 1939 по 1944 г. мировая добыча технических алмазов составила 54,08 млн. карат. Считается, что военно-промышленный комплекс США израсходовал в годы Второй мировой войны около 30 млн. карат. Поскольку совокупная мощность ВПК США и союзников была сравнима с мощностью ВПК стран Оси (иначе война не продолжалась бы так долго), следует признать, руководствуясь соображениями здравого смысла, что ВПК Германии, Италии и Японии должны были ежегодно потреблять миллионы карат технических алмазов. Очевидно, что доля Бразилии в этих поставках в лучшем случае исчисляется единицами процентов.

Тем не менее ряд современных источников утверждает, что в германском металлообрабатывающем оборудовании, поставленном в СССР в 1936–1941 гг., использовались бразильские технические алмазы. Более того, утверждается, что Советский Союз получал бразильские алмазы и по прямым поставкам. Таким образом, скользкий вопрос снабжения тоталитарных держав стратегическим материалом получает внешне непротиворечивый ответ: источником был также диктаторский режим. Чрезвычайно удобная точка зрения, тем более, что точной информации об объеме и структуре добычи и каналах сбыта продукции бразильских гаримпейрос не существует в принципе.

Два человека могли бы дать по этой проблеме исчерпывающие пояснения. Министр вооружений Германии Альберт Шпеер по должности был обязан знать, отку-

да, в каком количестве и на каких условиях Третий рейх получал алмазы. Он свободно пишет в «Воспоминаниях» о поставках, например, легирующих материалов из Норвегии, Финляндии, Турции, но Бразилию в качестве источника стратегического сырья не упоминает ни словом. Шпеер опубликовал «Воспоминания» в 1969 г., после того, как более 20 лет провел в Шпандау в качестве одного из главных нацистских преступников. Не подлежит сомнению, что эта книга носит отпечаток и внешней и внутренней цензуры. Неужели для Шпеера и его цензоров был так важен светлый образ бразильского диктатора Жоселио Варгаса – второго человека, который мог бы точно ответить на интересующий нас вопрос? Вряд ли, к 1969 г. Варгаса давно уже не было на политической арене – он застрелился в 1954 г.

Скорее всего, Шпеер не упомянул Варгаса по той простой причине, что поставки алмазов из Бразилии, если они и были, не играли никакой существенной роли для военной индустрии Германии. Единственный мировой рынок, на который Бразилия могла реально влиять в 30-е и 40-е годы XX в., был рынок кофе. Ресурс, конечно, важный, но бесконечно далекий от сферы интересов Шпеера. Попытка же придать бразильскому диктатору образ суперигрока, снабжающего стратегическим сырьем противоборствующие стороны мирового конфликта, выглядит как «операция прикрытия», удачная маскировка реального процесса, в котором действовал совсем другой игрок, действительно обладающий такими возможностями. А вот этого игрока Шпеер упомянуть не мог, если (в отличие от Рудольфа Гесса) после перенесенных мытарств хотел тихо скончаться в собственной постели.

В начале нашего столетия на нескольких интернет-сайтах, зарегистрированных в США, появилась информация, практически проигнорированная аналитиками алмазного рынка, но воспринятая аналитиками рынка финансового (в частности, на ее основе появилась публикация на ресурсах валютного рынка «Forex»). Суть этих публикаций сводится к следующему. В 1940 г. администрация Франклина Рузвельта провела ряд совещаний, посвященных вопросам мобилизации экономики США в условиях войны. Одной из тем этих консультаций была оценка роли технических алмазов в оборонной промышленности, прогнозирование их потребления и ревизия запасов. Было признано, что имеющийся у США запас может покрыть не более годовой потребности, и необходимо в экстренном порядке закупить не менее 6,5 млн. карат у «Де Бирс». Особенное беспокойство вызывали вполне реальные в 1940 г. планы нацистов по захвату Британских островов (операция «Морской лев»), в этом случае хранящиеся в Лондоне стоки «Де Бирс» могли попасть в руки гитлеровцев, что, по мнению американских аналитиков, вообще делало невозможным для США ведение боевых действий.

В результате последовало обращение американской администрации к владельцам «Де Бирс», в котором предлагалось срочно поставить 6,5 млн. карат технических алмазов и перевезти стоки «Де Бирс» в США, обезопасив их от угрозы захвата нацистами.

Неожиданно американцы получили категорический отказ. Эрнст Оппенгеймер заявил, что по его подсчетам у США вполне достаточно алмазов для текущих нужд оборонной промышленности и «Де Бирс» будет по-прежнему придерживаться ежемесячного графика поставок. Что же касается перевозки стоков в США, владелец «Де Бирс» оценил это предложение как «смехотворное» и вообще отказался обсуж-

дать. Тогда Госдепартамент обратился непосредственно к Уинстону Черчиллю. При формальном согласии последнего с аргументами американцев предложение подверглось саботажу со стороны руководителей государственных структур, отвечающих за алмазный сектор. Американская разведка быстро выяснила, что эти правительственные чиновники являются бывшими высокопоставленными сотрудниками «Де Бирс». Рузвельту ничего не оставалось делать, как прибегнуть к самому весомому аргументу, находящемуся в его распоряжении, и пригрозить заблокировать поставки военной авиации в Британию. Это подействовало: «Де Бирс» согласилась поставить в США 1 млн. карат и перевезти стоки в Канаду.

Администрация Рузвельта осталась недовольна таким паллиативным решением и продолжала настаивать на первоначальных требованиях. Корпорация «Де Бирс» всячески продолжала от этих предложений уклоняться. То утверждалось, что хранилища в Лондоне подверглись разрушению в результате немецких бомбардировок, то заявлялось, что для решения вопроса необходима полная инвентаризация стоков... Разведка США последовательно опровергала эти псевдопричины. В конце концов Рузвельт дал команду Управлению специальных операций (прототип ЦРУ) провести масштабное расследование в целях определения столь странного поведения союзника. Расследование продолжалось примерно два года и выявило множество любопытных аспектов тактики и стратегии «Де Бирс» по монопольной регуляции мирового алмазного рынка. Хотя эти данные противоречили идее свободной конкуренции и вызывали раздражение у адептов классической рыночной демократии, в принципе они были понятны и объяснимы. За исключением одного обстоятельства.

От своей агентуры, внедренной в структуры управления ВПК Третьего рейха, американцы узнали, что в ноябре 1943 г. Германия получила технические алмазы в объеме, достаточном для 8-месячного функционирования своей оборонной индустрии. Источник этой огромной поставки был установлен – Бельгийское Конго. Эта страна управлялась правительством, находящимся в изгнании – в Лондоне. Добыча на месторождениях Бельгийского Конго, осуществляемая компанией «Форминьер», полностью контролировалась «Де Бирс». В Конго был направлен сотрудник разведки под агентурным псевдонимом Teton, подлинное имя этого человека сегодня неизвестно. Teton смог установить маршрут доставки алмазов из Конго в Германию – через Танжер и Каир, он собрал доказательную базу, подтверждающую, что эти алмазы добыты именно «Форминьер» под контролем «Де Бирс» и вскрыл легендирование этого канала – алмазы провозились под видом посылок Красного Креста. Teton совсем близко подошел к информации об интегральной мощности этого канала и о людях, им управляющих. Но эти данные он получить не успел – был скомпрометирован бельгийской полицией, объявлен персоной нон грата и выслан из страны.

Работа американских спецслужб позволила предположить, что источником алмазного сырья для военной индустрии Третьего рейха могла быть «Де Бирс». Это отчасти подтверждало и странное нежелание Эрнста Oppenгеймера вывезти стоки «Де Бирс» в США. В этом случае их точный состав и объем становился известен не только кругу избранных сотрудников корпорации, и вопрос, каким образом гитлеровская Германия в 30-е годы стала крупным экспортером алмазного инструмента,

отпадал сам собой. После получения «бельгийского досье» Министерство юстиции США инициировало судебное преследование «Де Бирс». Но в 1945 г. дело было закрыто без всяких последствий, если не считать ликвидацию счетов «Де Бирс» в американских банках.

Это было не единственное дело такого рода, рассматривавшееся американской Фемидой. Спецслужбы США собрали внушительное досье на крупнейшую мировую нефтяную компанию «Стандарт ойл», входящую в бизнес-империю Рокфеллеров. Подробности впечатляли: немецкие экипажи на танкерах «Стандарт ойл», перевалочные базы на Канарах, где нефть перекачивалась в германские танкеры, заправка немецких подводных лодок на специально созданных островных базах, прямые поставки синтетического каучука в Германию и до и после Перл-Харбора, передача нацистам технологии для производства синтетического горючего, финансовые связи с лидером нацистской оборонной промышленности концерном «ИГ Фарбениндустри», поставка нефтепродуктов в Германию через Испанию и Северную Африку... Только через Франко нацисты получали ежемесячно 48 тыс. т техасской нефти! И это в 1944 г.!

В результате сенатских и судебных расследований компания «Стандарт ойл» понесла «заслуженное» наказание за сотрудничество с Гитлером – штраф в 50 000 (пятьдесят тысяч) долл. и конфискацию в пользу государства патентов, полученных от «ИГ Фарбениндустри».

Факты сотрудничества в течение Второй мировой войны крупнейших транснациональных корпораций с нацистами всегда были секретом Полишинеля. Масштаб этого процесса был столь значителен и количество людей, задействованных в нем, столь велико, что сохранить это прискорбное явление в тайне или, по крайней мере, предать забвению было невозможно. Фактура по поставкам стратегических товаров (и финансовому обеспечению этих сделок) англо-американскими корпорациями Третьему рейху многочисленна и достоверна, она изложена в сотнях статей и на страницах впечатляющих монографий, подобных труду Чарльха Хайема «Торговля с врагом» (Charles Highham. Trading With The Enemy: An Expose of The Nazi-American Money Plot 1933–1949. New York, 1983).

В чем же причина этого исторического парадокса, очевидно несовместимого с представлениями о морали, патриотизме и национальных интересах? На протяжении почти всей второй половины XX в. большинство исследователей достаточно категорично отвечал на этот вопрос: причиной были сверхприбыли. Действительно, Третий рейх был в состоянии время от времени оплачивать услуги поставщиков стратегических товаров, и оплачивать щедро. Несмотря на то что к 1936 г. золотовалютные ресурсы Германии почти обнулились, а с 1939 г. немцы быстро теряли рынки для своего основного экспорта (промышленное оборудование, машины, продукция химпрома, оружие), захват европейских стран, начиная с аншлюса Австрии, позволил Гитлеру оперировать награбленным золотом и прочими конвертируемыми ценностями. Такая возможность была нацистам предоставлена не без помощи английских госструктур. В ноябре 1938 г. правительство Чехословакии, обоснованно предполагая скорую оккупацию страны немцами, переправило свой золотой запас – около 80 т благородного металла – в подвалы Банка Англии. В марте 1939 г., полностью оккупировав Чехословакию, Гитлер попросил это золото

вернуть. Руководитель Банка Англии Монтегю Норман и министр финансов Джон Саймон с просьбой фюрера любезно согласились. Не менее странная история произошла с 200 т бельгийского золота, также возвращенного в рейх из африканских колоний, куда бельгийское правительство успело его спрятать незадолго перед оккупацией страны. Само бельгийское правительство (и секретная информация о месте нахождения бельгийского золотого запаса) в тот момент находилось в изгнании – в Лондоне. При оккупации Бельгии нацисты захватили в Антверпене приличное количество алмазов ювелирного качества и бриллиантов. Этот дорогостоящий товар отнюдь не был использован в технических целях. Через крупных алмазных дилеров он был реализован в США, в третьих странах были открыты долларовые счета, через которые оплачивались поставки стратегического сырья, в том числе и технических алмазов. Для подобных расчетов использовались также конвертируемые швейцарские франки, которые Германия получала, размещая в банках «цюрихских гномов» награбленное (в том числе и у жертв Холокоста) золото.

Так что у Третьего рейха было чем заплатить за миллионы карат технических алмазов для своей оборонной индустрии. Некоторые источники утверждают, что «Де Бирс» осуществляла поставки Германии по цене 26 долл. за карат – в 30 (!) раз дороже, чем при поставках для США. Если это соответствует действительности, то можно согласиться с утверждением, что «Де Бирс» внесла неопределимый вклад в падение гитлеровского режима (разоряя его на корню), и одновременно блестяще доказать марксистский тезис о том, что за 300% прибыли капитал способен на любое преступление.

Подобное торжество диалектики все же оставляет место для сомнений в том, что именно сверхприбыли были главной и единственной причиной сотрудничества англо-американских корпораций с Германией. Действительно, трудно скинуть со счетов этническую принадлежность владельцев, например, «Стандарт ойл» и «Де Бирс». Если автор «Международного еврейства» Генри Форд еще мог быть в какой-то степени солидарен с автором «Майн Кампф» по «еврейскому вопросу», то от Рокфеллеров и Оппенгеймеров этого ожидать сложно. Можно ли было искушенным бизнесменам мирового уровня уподобиться человеку, который станет продавать патроны гангстеру, приставившему револьвер к его лбу, только потому, что гангстер готов платить втридорога?

Следует также учитывать, что в США и Великобритании во время войны были приняты чрезвычайно жесткие законы, карающие экономическое сотрудничество не только непосредственно со странами Оси, но и с фирмами нейтральных государств, заподозренных в таком сотрудничестве. Эти законы были хорошо обеспечены финансово и организационно, и превентивные службы вполне были способны получать соответствующую информацию (что можно наблюдать на примере того же алмазного «бельгийского досье»). Неужели сверхприбыли оправдывали для корпораций риск конфронтации с государственными институтами США и Великобритании в условиях войны?

И наконец, сверхприбыли еще как-то годятся в качестве причины сотрудничества с Третьим рейхом в тот период, когда он разбухал от захваченных территорий и награбленных ценностей. Но как объяснить поставки стратегических материалов в 1944 и тем более – в 1945 г., когда уже у Германии не только были исчерпаны фи-

нансовые резервы, но даже ее армейская элита не испытывала иллюзий, что военное поражение – только вопрос времени?

Англо-американские корпорации, практически всю войну сотрудничавшие с Третьим рейхом, должны были быть уверены: 1) военная победа Германии, а следовательно, и глобальная реализация идеологических установок национал-социализма невозможны; 2) никаких репрессий со стороны государственных институтов за сотрудничество с врагом не последует, несмотря на то, что сами факты станут известны; 3) Третий рейх должен иметь возможность вести боевые действия до строго определенного момента. Что могло обеспечить такую уверенность?

В 2005 г. в Лондоне была издана впечатляющая работа экономиста Гвидо Препарата «Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх». (Guido Preparata «Conjuring Hitler. How Britain and America made the Third Reich» London, 2005). Основываясь на анализе многочисленных документов, в том числе из архива Банка Англии, автор убедительно показал, что англо-американская помощь Третьему рейху, включавшая как прямые инвестиции, так и «нелегальные» поставки, делалась «не из циничного желания получить доход», но ради будущей реконструкции Европы и прежде всего Германии под эгидой элитарных англо-американских клубов (прототипом которых был основанный С. Родсом «Круглый стол»), объединяющих владельцев и высший менеджмент крупнейших транснациональных корпораций, а также первый эшелон политических фигур, обслуживающих корпоративные интересы. Эта книга в известной степени развивает и дополняет работы профессора Стенфордского университета Энтони Саттона (Anthony Sutton) «Уолл-стрит и взлет Гитлера» («Wall Street and the Rise of Hitler»), «Уолл-стрит и большевистская революция» («Wall Street and the Bolshevik Revolution»), «Алмазная связь» («The Diamond Connection»), «Орден “Чепец и кости”» («America’s Secret Establishment: An Introduction to the Order of Skull & Bones») и ряд других, увидевших свет в 70–90-х годах прошлого столетия.

Работы этого типа (которых в настоящее время становится все больше) по отношению к рассматриваемой проблеме можно интерпретировать следующим образом: Третий рейх был не чем иным, как тщательно изготовленным проектом, основной целью которого было окончательное и бесповоротное лишение стран континентальной Европы (Германии в первую очередь) каких-либо притязаний на долю в контроле над мировыми ресурсными рынками. Решить такую задачу можно было, создав на обломках Веймарской республики идеологизированный режим, достаточно сильный, чтобы ввязаться в войну с СССР, но изначально обреченный на поражение в этой кампании. Именно поэтому помощь союзников СССР (легальная) и одновременно Германии (нелегальная) была средством затягивания вооруженного конфликта между советским и нацистским режимами, конфликта, который бы максимально обескровил обе стороны. Экономическая сторона этого процесса (пресловутые сверхприбыли) была второстепенна по отношению к конечному результату: Германия и ее сателлиты навсегда теряли контроль над минерально-сырьевой базой Африки и Азии, СССР после победы превращался в замкнутую автаркическую систему, выступающую по отношению к ресурсным рынкам исключительно в роли пассивного продавца сырья, добываемого на собственной территории. Причем такая роль СССР являлась органическим продолжением рассматриваемо-

го проекта и достигалась комплексом мер – от построения “железного занавеса” до неформальных соглашений с некоторыми представителями элиты. При всей дискуссионности эта гипотеза вполне объясняет, почему корпорации, сотрудничавшие с нацистами, отделались чисто символическим наказанием, хотя доказательств их вины было более чем достаточно. Находит объяснение также и то удивительное обстоятельство, что СССР за все время своего существования не предпринял ни малейшего усилия для установления контроля над минерально-сырьевыми ресурсами тех стран, где его мощное военное присутствие без труда могло такой контроль обеспечить. Хотя наиболее впечатляющим примером такого рода служит Ангола, но СССР не мог контролировать даже нефтяной комплекс Румынии – страны, входившей в СЭВ.

Содержание неформальных переговоров элит противоборствующих государств, конечно, не протоколируется, поэтому многие исторические загадки и труднообъяснимые парадоксы навсегда таковыми и останутся. Но сам факт таких контактов уже может быть достаточно красноречив. Достаточно сказать, что членами основанного С. Родсом «Круглого стола» в 1930–1940-х годах, помимо представителей семей Ротшильдов, Морганов, Оппенгеймеров и прочих влиятельных джентльменов, были Монтегю Норман (руководитель Банка Англии) и Ялмар Шахт (министр финансов Третьего рейха).

Советский алмазный проект

В 1951 г. в Западной Якутии был открыт ряд богатых алмазных россыпей. В августе 1954 г. была открыта первая в СССР кимберлитовая трубка – «Зарница». В 1955 г. было открыто крупнейшее алмазное месторождение «Мир» и еще 14 (!) коренных месторождений алмазов, а также несколько россыпей промышленного значения. СССР стал обладателем алмазной минерально-сырьевой базы, практически равной на тот момент ресурсам, которыми располагала «Де Бирс». Потенциальная возможность установления контроля над мировым алмазным рынком со стороны «коммунистической сверхдержавы» просматривалась вполне отчетливо. Но СССР за все время своего существования не предпринял ни единой попытки стать самостоятельным игроком на алмазном рынке, удовлетворившись ролью послушного сателлита «Де Бирс».

Советский алмазный проект всегда отличался высочайшей степенью секретности, едва ли не большей, чем проекты в области производства вооружений. Если учесть, что речь идет о минеральном сырье, на 90% (по стоимости) потребляемом ювелирной промышленностью, это выглядит труднообъяснимым парадоксом, тем более, что остальные мировые производители алмазов, и в первую очередь «Де Бирс», всегда публиковали данные по своей добыче в открытых источниках. Но если учитывать роль и место СССР в модели управления глобальными ресурсными рынками, обрабатываемой неформальными надгосударственными англосаксонскими клубами, этот парадокс находит объяснение: СССР рассматривался как особый криптоэкономический инструмент, применение которого не только служило одним из средств модерации сырьевых рынков, но и обеспечивало необходимый набор аргументов, благодаря которым клубы могли задавать нужные векторы развития внутренней политики США и Великобритании. Разумеется, такой инструмент и методы его применения должны быть непрозрачными для всех, кроме владельцев.

После ликвидации СССР были опубликованы воспоминания ряда функционеров и рассекречены некоторые архивные материалы, связанные с советским алмазным проектом. Хотя этих данных недостаточно для детального восстановления картины, они вполне способны дать представление об основном направлении раз-

вития советской алмазной индустрии и о том, кто был главным модератором этого процесса.

В декабре 1956 г. на пленуме ЦК КПСС с резкой критикой в адрес руководства Министерства цветной металлургии СССР выступил Семен Борисов, первый секретарь Якутского обкома. Вот несколько цитат из стенограммы этого выступления: «До сих пор Министерство цветной металлургии под руководством тов. Ломако добывает алмазы на Урале, причем для получения одного карата алмаза ему на Урале нужно переработать 300 куб. метров породы, или в 600 раз больше, чем в Якутии. Фактически себестоимость одного добытого карата алмазов на Урале составила в 1955 г. 3325 руб. и обошлась государству в 22 раза дороже, чем алмазы Якутии. Ежегодно тов. Ломако на добыче этих дорогих уральских алмазов расходует более 30 млн. рублей в год... Наряду с производством геологоразведочных работ по месторождениям Министерством геологии была организована попутная добыча алмазов в текущем году, в результате которой республика дала государству алмазов в пять раз больше, чем в 1955 г. добыла их специальная алмазодобывающая промышленность всего Советского Союза... Еще в 1954 г. Якутский областной комитет обратился к тов. Ломако с предложением об ускорении промышленного освоения якутских алмазов... Когда мы притиснули его к стенке фактическими данными, тогда он говорит: “Это новая отрасль промышленности, этим нам заниматься еще рано”. Таким образом, отказался в 1954 г. категорически... После этого мы вынуждены были в начале 1956 г. обратиться к председателю Совета Министров тов. Булганину Н.А. Тогда Совет Министров Союза принял специальное постановление от 5 января 1956 г. об ускорении промышленного освоения якутских алмазов. Там был записан конкретно обязывающий тов. Ломако пункт: “В ноябре 1956 г. представить практические предложения о строительстве и мощности промышленных предприятий по добыче алмазов, имея в виду необходимость удовлетворения потребностей народного хозяйства в отечественных алмазах в ближайшие годы”. До сих пор это предложение не представлено тов. Ломако...»

Номенклатурные «весовые категории» союзного министра, кандидата в члены ЦК КПСС Петра Ломако и секретаря провинциального обкома Семена Борисова были просто несопоставимы. На первый взгляд может показаться, что Борисов, опьяненный ароматами хрущевской «оттепели» и вдохновляемый светлым образом алмазного будущего ЯАССР, совершил бюрократический подвиг, бросившись на административную амбразуру, защищаемую угрюмым сталинским ретроградом. (П. Ломако руководил цветной металлургией СССР с 1940-х годов.) Но одно обстоятельство позволяет усомниться в якутском экспромте. С. Борисов в своем докладе достаточно свободно оперирует показателями добычи алмазов на Урале. В 1956 г. эта информация имела гриф «совершенно секретно». А система оборота секретной документации была устроена следующим образом: союзные министерства имели так называемый «Перечень сведений, подлежащих засекречиванию по министерству...», который сам по себе имел гриф и определял состав и процедуру засекречивания информации, касающейся объектов, производственных, экономических показателей и т.д., относящихся к ведению данного министерства. Любое лицо, в принципе обладающее допуском к секретной информации, но не работающее в отрасли, могло получить сведения, указанные в «Перечне...» исключительно в том

случае, если разрешение выдавалось уполномоченным сотрудником министерства. Проще говоря – информацию о добыче алмазов на Урале С. Борисов мог получить только в ведомстве П. Ломако. Любой другой путь получения такой информации, тем более для ее публичного использования, таил в себе чрезвычайную опасность, которую опытный аппаратчик С. Борисов не мог не учитывать. Скорее всего, П. Ломако был осведомлен о целях получения этой информации. А потому эмоциональное выступление якутского лидера министр никак не комментировал, аргументов в свою пользу не высказывал, защищаться не пытался.

Уже в начале января 1957 г. коллегия Министерства цветной металлургии СССР приняла постановление о срочном разворачивании работ по промышленному освоению месторождений алмазов в Якутии за счет капиталовложений министерства и создании треста «Якуталмаз». Столь быстрое воплощение якутских инициатив, особенно впечатляющее на фоне почти трехлетней предыдущей волокиты, позволяет предположить, что решение о старте алмазодобычи в Якутии было принято до декабрьского пленума, на котором на самом деле состоялся некий «алмазный концерт». Для кого же он предназначался и почему пришелся именно на конец 1956 г.?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо несколько прояснить ситуацию с алмазной промышленностью, существовавшей в СССР до открытия якутских месторождений. Относительно недавно был рассекречен доклад, адресованный Л. Берия и Г. Маленкову и включающий описание промышленных объектов, находящихся в ведении МВД на 1949 г. В нем, в частности, говорится: «Специальное главное управление (Главспеццветмет) МВД СССР. Имеет своей задачей обеспечение выполнения установленного Правительством плана по добыче золота, платины и алмазов. В системе Главспеццветмета имеются тресты и комбинаты, в состав которых входят приисковые, рудничные управления, отдельные шахты и другие объекты, непосредственно занимающиеся добычей драгоценных металлов. При трестах и комбинатах имеются старательские артели, работающие по договорам. На работах Главспеццветмета используются заключенные, содержащиеся в 9 лагерях» (ЦА ФСБ РФ).

В состав Главспеццветмета входил трест «Уралалмаз», образованный в сентябре 1946 г. На добыче алмазов работали заключенные «Кусьинлага», спецконтингент насчитывал более 3 тыс. человек. Должности руководителя «Уралалмаза» и «Кусьинлага» были первоначально объединены. В марте 1953 г. Главспеццветмет был передан в ведение Министерства металлургической промышленности СССР, куратором управления стал первый заместитель министра П. Ломако. В феврале 1954 г. это министерство разделилось на Министерство черной металлургии и Министерство цветной металлургии. «Уралалмаз» перешел в Минцветмет, министром которого был назначен П. Ломако.

Объем добычи «Уралалмаза» в 1940-е и 1950-е годы был небольшим – от 10 тыс. до 30 тыс. карат в год. Но не меньше трети добываемых алмазов имели массу более двух карат при превосходном ювелирном качестве. Гранильной промышленности в СССР в то время не существовало, внутренний рынок бриллиантов был равен нулю. С трудом верится, что суровые сталинские соколы дробили эту роскошь в порошки для хонингования цилиндров танковых дизелей в Нижнем Тагиле. Впрочем, выступая на упомянутой коллегии Минцветмета, П. Ломако весьма недвусмысленно дал понять, что основное назначение вверенной ему алмазной промыш-

ленности – давать экспортную продукцию: «Международная обстановка требует от нас сосредоточения всех сил и средств нашей Родины на укрепление и развитие валютного фонда нашего государства путем разработки алмазных месторождений в Якутии...». Вряд ли стоит сомневаться, что до открытия якутских алмазных месторождений «валютный фонд нашего государства» пополнялся «путем разработки» (руками спецконтингента «Кузьинлага») уральских месторождений.

История экспорта алмазного сырья Советским Союзом с 1946 по 1957 г. не написана и по ряду причин вряд ли когда-нибудь найдет своего летописца. Официальных данных об этом экспорте не существует. Но в рассекреченных в начале 1990-х годов документах (в основном стараниями правозащитников, боровшихся за историческую правду о ГУЛАГе) изредка всплывает упоминание структуры, осуществляющей «оперативно-чекистское сопровождение» алмазной промышленности. В документах разных лет она упоминается то как «спецотдел МГБ», то как «спецотдел МВД» под разными номерами. Известно, например, что в 1949 г. эта структура насчитывала 221 сотрудника, из них офицеров – 208. Что входило в понятие «оперативно-чекистское сопровождение» алмазной промышленности в 1949 г.? Охрана «Кузьинлага»? Вряд ли – охраной лагерей занимались другие, хорошо известные подразделения, да и не «оперативное» это дело. Внедрение агентуры в структуры теневого алмазного рынка? Так этого рынка в СССР тогда просто не существовало. Борьба с алмазной контрабандой? Говорить об алмазной контрабанде в СССР сталинского образца, окруженном «железным занавесом», просто смешно. Обеспечение сохранности продукции «Уралалмаза»? Но тогда при чем здесь оперативная работа? Остается предположить, что в функции этого подразделения входил санкционированный, но никак не отражаемый официальной статистикой экспорт алмазов, являющийся одним из внебюджетных источников «валютного фонда нашего государства».

Если такое предположение верно, то следует признать, что с 1946 г., когда началась промышленная добыча алмазов на Урале, СССР выстраивал устойчивый экспортный канал алмазного сырья, о существовании которого «хозяин» советской алмазной промышленности и номенклатурный «тяжеловес» П. Ломако, в отличие от секретаря якутского обкома, был осведомлен (чему косвенно свидетельствует его рассуждение на приснопамятной коллегии). Кто был покупателем этих алмазов, достоверно неизвестно. Но в любом случае не таким мелким представляется этот поток (а главное – его источник), чтобы ускользнуть от внимания корпорации «Де Бирс», которая тогда прочно удерживала монопольное положение на алмазном рынке.

Для понимания дальнейшего развития ситуации важно отметить несколько событий, произошедших в рубежном для алмазного рынка 1954 г. Открыто первое в Западной Якутии коренное месторождение алмазов (трубка «Зарница»). Министр профильного министерства П. Ломако жестко блокирует инициативы якутского руководства, направленные на «ускорение промышленного освоения якутских алмазов». Сэр Перси Силлитоу, бывший (до 1953 г. включительно) руководитель британской контрразведки, по предложению «Де Бирс» приступает к созданию Международной организации алмазной безопасности, ядро которой составили сотрудники МИ-5.

Приглашение Силлитоу возглавить спецслужбу «Де Бирс», безусловно, связано с угрозой рынку, которую могли создать только якутские алмазы. Во-первых, «русское направление» было в те годы ведущим в деятельности МИ-5, и Силлитоу разбирался в тактике и стратегии советских спецслужб лучше, чем кто-либо. Во-вторых, на первой встрече Эрнст Оппенгеймер пояснил Силлитоу, что если возникнет независимый источник сырья в объеме около 20% от существующего уровня добычи, монополий организации рынка может быть нанесен непоправимый ущерб. Обсуждение этой цифры показывает, что «Де Бирс» полностью владела прогнозируемыми оценками якутских месторождений, которые, разумеется, имели гриф «совершенно секретно» по ведомству П. Ломако.

Из воспоминаний С. Борисова («Алмазы и вожди», М., 2000 г.) совершенно невозможно понять, какими мотивами руководствовался П. Ломако, занимая столь жесткую позицию в отношении сроков освоения алмазных месторождений в Якутии. Аргументация С. Борисова, касающаяся экономических сторон проекта, выглядит безупречной, а возражения П. Ломако, мягко говоря, представляются неконструктивными. Представить же, что один из главных создателей советской горнодобывающей промышленности, занимавший министерское кресло в общей сложности более сорока (!) лет, был просто тупым, ленивым и безответственным бюрократом – невозможно. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, этот странный парадокс снимается следующей гипотезой.

Экспорт уральских алмазов, добываемых ведомством П. Ломако, шел в адрес «Де Бирс» или аффилированной с ней компании. Канал обеспечивался неформальными соглашениями сторон на достаточно высоком уровне, технически осуществлялся спецслужбами СССР и контролировался британской контрразведкой. По этому же каналу проходила информация о развитии алмазного проекта в СССР. Открытие якутских месторождений и впечатляющий прогноз их мощности, по видимому, вызвали дискуссию в советском руководстве – выйти на рынок самостоятельно или «лечь» под «Де Бирс». В частности, Никита Хрущев заявлял буквально следующее: «Агрессорам-империалистам надо показать “кузькину мать”, в скором времени наша Родина займет доминирующее положение на международном валютном рынке, увеличивая добычу алмазов в Якутии для ускорения создания материально-технической базы коммунизма в Советском Союзе». Для таких «зубров», как П. Ломако, экономический идиотизм Н. Хрущева был, вне всякого сомнения, очевиден (кстати, после отставки Н. Хрущева П. Ломако продолжал оставаться министром цветной металлургии до 1986 г., пережив на этом посту и Л. Брежнева, и Ю. Андропова, и К. Черненко). И элитная группировка, к которой принадлежал П. Ломако, решила предоставить «Де Бирс» время для перегруппировки. В течение этого срока «Де Бирс» должна была решить следующие задачи: разработать маркетинговую стратегию для бриллиантового рынка, дабы он был способен поглотить без критического перегрева товар, ограниченный из якутских алмазов, и обеспечить страховку на тот случай, если в СССР возобладает точка зрения сторонников самостоятельного выхода на рынок. Первая задача была решена, как известно, с помощью маркетинговой программы «Eternity Ring», а о решении второй позаботился сэр Перси Силлитоу, информация о деятельности которого, распространяемая по неформальному экспортному каналу, несомненно, создавала до-

полнительные аргументы против желающих «занять доминирующее положение на международном валютном рынке».

Видимо, двух с половиной лет хватило для выполнения этой работы, и к декабрю 1956 г. П. Ломако получил позитивный сигнал. Стороны сумели договориться, избежав губительной для рынка ценовой войны, угроза для монополии «Де Бирс» была снята. «Алмазная клоунада» на пленуме ЦК КПСС была своеобразным финальным аккордом переговорного процесса, понятным только посвященным. В 1957 г., одновременно с началом масштабной добычи на якутских месторождениях, прекратила существование Международная организация алмазной безопасности, а в 1959 г. было заключено первое официальное соглашение с «Де Бирс».

Дискуссия о сроках освоения якутских месторождений – далеко не единственная «странность» в развитии советского алмазного проекта, не менее интересен другой вопрос: почему СССР не использовал для освоения алмазных месторождений ГУЛАГ – мощнейший трудовой ресурс «красной империи»?

В 1948 г. генерал-лейтенант Иван Никишов, начальник Главного управления строительства Дальнего Севера (Дальстрой) выступил с инициативой ликвидации ЯАССР как совершенно декоративного образования, служащего лишь бюрократическим препятствием для функционирования горнодобывающей промышленности, созданной в рамках МВД СССР. Следует отметить, что И. Никишов обладал весьма серьезным номенклатурным потенциалом: кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда. В течение почти десятилетия он руководил множеством лагерей, входящих в империю Дальстроя, и даже удостоился на этой ниве полководческого ордена Кутузова I степени. Скоропостижный конец молодой якутской государственности был вполне реален, но в результате интриги в МВД И. Никишов вышел в отставку и его «якутская» инициатива развития не получила.

Тем не менее практически вся добывающая промышленность в ЯАССР действительно имела корни в ГУЛАГе. На территории автономной республики насчитывались десятки лагерей, входящих в Алданлаг, Джугжурлаг, Янлаг и т.д., обитатели которых использовались на добыче золота, слюды, угля, олова, вольфрама и всевозможных строительных работах. Поскольку алмазная промышленность СССР также начиналась в ГУЛАГе (Кусьинлаг), было бы логично ожидать, что и после открытия алмазов в Якутии ее развитие будет происходить в рамках этой системы. И действительно, такой план был разработан. В 1950 и 1951 гг. в среднем течении реки Марха были открыты несколько россыпей, содержание алмазов в которых было в 3 раза выше, чем в уральских. Как только эта оценка была сделана, в Вилюйский алмазоносный район прибыла комиссия МВД СССР с целью подготовки предложений разработки этих месторождений силами главка, в который входили «Уралалмаз» и «Кусьинлаг». В 1952 г. МВД разработало достаточно детализированный план промышленной добычи алмазов в Якутии, который лег в основу проекта постановления Совмина СССР «О мероприятиях по увеличению добычи алмазов и расширению геологопоисковых и разведочных работ по алмазам». Не подлежит сомнению, что если бы это постановление было принято, то Вилюйский алмазоносный район был бы превращен в «Вилюйлаг» и разработка якутских месторождений пошла бы вполне традиционным для того времени путем.

Но практически сразу после смерти И. Сталина с МВД были сняты производственные функции: закрытыми постановлениями Совмина СССР от 18 и 28 марта 1953 г. 15 производственных главков и управлений МВД были ликвидированы. Их производственные структуры были переданы в профильные министерства, а лагеря перешли в подчинение Минюста. В результате массовых амнистий и пересмотра «политических» дел резко снизилась численность заключенных: если в 1953 г. их насчитывалось 2 650 747 человек, то в 1954 г. – уже 1 482 297. На первый взгляд может показаться – вот они, плоды хрущевской «десталинизации», наступила эпоха, несовместимая с использованием рабского труда во имя мифического «коммунистического будущего». Это иллюзия. ГУЛАГ никуда не исчезал – ни как идея, ни как структура. Уже в 1954 г. наметился его ренессанс – было принято решение о возврате лагерей в МВД и восстановлении лагерно-производственных комплексов. Были восстановлены производственные главки МВД по атомному проекту, лесной промышленности, реанимирована лагерная составляющая Дальстроя. Более того, освоение целинных земель – этого символа хрущевской «оттепели», не обошлось без создания в 1955 г. в Казахстане новых лагерей для строительства инфраструктуры для вновь создаваемых совхозов.

С конца 1920-х годов и до развала СССР ГУЛАГ был инструментом, позволяющим быстро концентрировать в нужном направлении предельно дешевую рабочую силу. При создании горнодобывающей промышленности СССР этот механизм был использован в максимальной степени – никель и платина Норильска, уголь Воркуты, золото Колымы и Якутии и еще многие десятки объектов были освоены ГУЛАГом, опыт такой разработки месторождений в СССР был огромным. Да и руководящие кадры профильных министерств были выкованы именно на таком опыте – деловая биография того же Петра Ломако, «хозяина» советской алмазной промышленности, была неразрывно связана с ГУЛАГом. Первый управляющий трестом «Якуталмаз» В. Тихонов в 1938 г. был главным инженером «Верхамурзолота», входящего в Ключевлаг, а его преемник Л. Солдатов до прихода в алмазную промышленность руководил лагерем на Чукотке, специализирующимся на добыче урана.

Изначально было ясно, что освоение алмазных месторождений в Якутии – это большой проект, из разряда тех, которые до сих пор «поднимались» только с помощью ГУЛАГа. Тяжелые климатические условия, полное отсутствие какой-либо инфраструктуры в алмазоносном районе означали, прежде всего, что людей, привлекаемых в проект на добровольных началах, придется хорошо стимулировать, – задешево в таких условиях работать никто не поедет. Рабочая сила обещала быть очень дорогой. Кроме того, не было никаких гарантий, что ее вообще удастся мобилизовать в нужном количестве, да и опыта освоения таких месторождений руками «вольного» контингента тоже не было. Впоследствии практика подтвердила эти опасения – в 1957 г. из Западной Якутии сбежало до 20% кадров «Якуталмаза», призванных по партийному «оргнабору».

На другой чаще весов лежал проект МВД 1952 г., позволяющий минимизировать расходы созданием «Виллюлага». К 1957 г. в лагерях находилось 966 260 заключенных, проблем отобрать 20–30 тыс. рабов, включая обладателей нужных строительных специальностей, практически не было. Пример с освоением целинных земель – проекта не менее масштабного, показывает, что при выборе вариантов хрущевское руководство ориентировалось совсем не на идеалы гуманизма.

Но в итоге при создании и развитии треста «Якуталмаз» пошли по самому затратному пути, который был только возможен: никаких лагерей, никаких вахт, высокие зарплаты, высокий районный коэффициент и надбавки, строительство городов и поселков с современной по тем временам инфраструктурой, нормы снабжения, соответствующие столичным, фантастически дорогой северный завоз, строительство ГЭС с заведомо энергоизбыточными характеристиками и т.д. Такая схема на долгие годы вперед обеспечила отрицательную рентабельность советского алмазного проекта.

Убыточность добычи алмазов в Якутии автоматически гарантировала принципиальную невозможность ценовой войны с «Де Бирс». Какой бы заманчивой ни была для Н. Хрущева мысль «занять доминирующее положение на валютном (читай – алмазном) рынке», продавая сырье в убыток, много не «надоминируешь». Была ли суперзатратная стратегия освоения якутских месторождений навязана советскому руководству или это был независимый выбор – остается только догадываться, но объективно этот фактор, как никакой другой, способствовал укреплению положения «Де Бирс» в качестве контролера мирового алмазного рынка.

Это обстоятельство часто удачно маскируется весьма остроумным тезисом, что главной целью освоения якутских месторождений был вовсе не экспорт алмазного сырья, но получение технических алмазов, остро необходимых советской промышленности и прежде всего военно-промышленному комплексу. А стало быть, соображения экономики отступают перед требованиями безопасности. Безусловно, этот аргумент заслуживает самого пристального внимания.

Версия о том, что после окончания Второй мировой войны на поставки технических алмазов и алмазного инструмента в СССР было наложено эмбарго, достаточно широко распространена. Причем ее разделяют не только авторы популярных изданий, но и люди, имеющие самое непосредственное отношение к российской алмазной промышленности. Так, В. Штыров (президент АЛРОСА в 1996–2002 гг.) в интервью «Российской газете» отмечал: «После начала “холодной войны” в 1946-м, когда Запад прекратил поставки стратегического сырья в СССР, мы испытывали огромную нужду в алмазах. Прежде всего, для оборонной промышленности. В СССР же были известны лишь небольшие россыпные месторождения драгоценного камня на Урале». А. Кириллин (президент АЛРОСА в 1993–1995 гг.): «Да, действительно, в годы советской системы и созданного “железного занавеса” после Второй мировой войны для нашей страны практически было объявлено эмбарго на продажу алмазов, что и побудило провести целенаправленные поисковые работы на алмазы сперва на Урале, затем в Казахстане и Восточной Сибири» (журнал «Наука и техника в Якутии»). Н. Тимофеев (в 1996–2005 гг. заместитель генерального директора единой сбытовой организации АЛРОСА) признал: «Во время “холодной войны” поставки алмазов в СССР шли нелегально по линии спецслужб КГБ и ГРУ» (журнал «Алмазы и золото России»).

Итак, уральские месторождения были не в состоянии обеспечить потребности советского ВПК, империалистические страны установили режим эмбарго на поставки алмазов в СССР, и до начала эксплуатации якутских месторождений алмазы импортировались по нелегальным каналам стараниями спецслужб. Увы, эту стройную картину портит одна деталь: 28 августа 1947 г. приказом министра станкостроения

СССР Александра Ефимова в составе министерства было создано новое структурное подразделение – «Всесоюзное бюро технической помощи по рациональному использованию алмазного инструмента и внедрению алмазозаменителей» (ОРГАЛ-МАЗ). Функции новой структуры были определены достаточно ясно: «Контроль за распределением и использованием алмазов и алмазных инструментов, закупаемых за рубежом». «Холодная война» была уже в разгаре – фултонская речь У. Черчилля прозвучала за полтора года до появления этого прозаического документа, не содержащего, кстати, ни малейших намеков на вовлеченность в процесс закупок алмазов каких-либо спецслужб. Если бы вновь испеченная организация была призвана контролировать использование предприятиями ВПК материалов, полученных нелегально в обход международного эмбарго, ее деятельность отражалась бы в документах совсем иного уровня и иной ведомственной принадлежности.

Следует также отметить, что именно в конце 1950-х и начале 1960-х годов был достигнут технологический паритет СССР и США в области производства новейших образцов оружия. Более того, в ряде направлений СССР даже вырвался вперед: в 1956 г. проведен первый в истории пуск ракеты с ядерной боевой частью (Р-5М), в 1957 г. запущена первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета (Р-7), в 1961 г. впервые было произведено успешное испытание противоракетной системы (система «А»). Совершенно очевидно, что достичь технологического паритета в таких сложных областях, как производство современных видов вооружений, невозможно без равного или, по крайней мере, сравнимого доступа к стратегическим материалам, составляющим необходимый элемент этих технологий.

Что же касается уральских алмазов, то их использование для нужд оборонной промышленности вызывает обоснованное сомнение, поскольку хорошо известно, что экспериментальное создание отечественного алмазного инструмента началось ВНИЛАЛМАЗ только в 1956 г., причем на якутском сырье. А первый в СССР Томилинский завод по производству алмазного инструмента был пущен только в 1958 г. Промышленная добыча алмазов на Урале велась с 1946 г. – кто же и где делал из этого сырья алмазный инструмент в течение десяти лет? Таким образом, реальная картина представляется прямо противоположной исходному тезису: никакого алмазного эмбарго не было, поставки алмазного инструмента в СССР шли вполне цивилизованным путем и в количестве, достаточном для обеспечения паритета с Западом в области оборонных технологий. Уральские алмазы, напротив, не имели ни малейшего отношения к нуждам ВПК и экспортировались в адрес корпорации «Де Бирс» (или аффилированных с ней компаний) действительно по каналам спецслужб.

В октябре 1959 г. продажа партии сырых алмазов объемом 13 тыс. карат положила начало официальному торговому сотрудничеству между СССР и «Де Бирс». В 1960 г. был подписан договор, включавший два принципиальных момента: СССР лишился права самостоятельного выхода на рынок, «Де Бирс» обязывалась закупать все советские алмазы, предназначенные для экспорта. Таким образом, СССР был интегрирован в одноканальную систему мирового алмазного рынка в качестве пассивного продавца, не обладающего никакими реальными возможностями влиять на цены, а, следовательно, не имеющего рычагов управления рынком.

Первоначально серьезная убыточность добычи алмазов в Западной Якутии, связанная с беспрецедентными расходами по созданию инфраструктуры алмазо-

носного района и с высокой стоимостью рабочей силы, служила достаточно надежной гарантией от попыток советской стороны рассматривать идею «ценовой войны» как близкую перспективу. Но это позитивное (для «Де Бирс») решение таило в себе проблему, с которой рано или поздно мировому регулятору алмазного рынка предстояло столкнуться. С течением времени огромные затраты неизбежно стали воплощаться в быстро нарастающий поток алмазного сырья; в соответствии с семилетним планом 1959–1965 гг. предполагалось увеличить добычу алмазов в Якутии в 25 раз, и характеристики минерально-сырьевой базы «Якуталмаза» вполне позволяли это сделать. Уже в 1961 г., вслед за трубкой «Мир» началась отработка трубки «Айхал», отличающейся высоким процентным содержанием алмазов в руде, а также нескольких россыпных месторождений. Причем темпы освоения месторождений с лихвой перекрывали все мировые рекорды: если для карьеров «Де Бирс» в Южной Африке считалась нормой отработка по 10 м в год, то в Западной Якутии отработка в среднем вдвое превышала этот показатель, а на трубке «Интернациональная» превосходила 40 м в год. Такая чудовищная интенсивность эксплуатации месторождений была главным аргументом «для внутреннего пользования», оправдывающим само существование советского алмазного проекта, – только такой темп давал возможность окупить затраты в более-менее приемлемые сроки. Но мировой рынок был не в состоянии безболезненно поглотить этот поток алмазов.

В июне 1961 г. Совмин СССР принимает решение о строительстве в Смоленске гранильного завода – первого из девяти, которые впоследствии войдут в состав производственных объединений «Кристалл» Министерства приборостроения СССР. Кроме Смоленска гранильные заводы были созданы в Москве, Киеве, Виннице, Гомеле, Барнауле, Ереване, Чите, Шахризабзе.

Таким образом, практически одновременно с масштабной программой наращивания добычи алмазного сырья в СССР принимается программа «многоканального алмазного экспорта», в соответствии с которой часть продукции «Якуталмаза» должна была продаваться «Де Бирс», часть перерабатываться на отечественных заводах и экспортироваться в виде бриллиантов, а часть изготовленных бриллиантов – экспортироваться в составе ювелирных изделий. Авторство этой незаурядной идеи принято приписывать советскому премьеру Анатолию Косыгину.

Ювелирная составляющая «многоканального экспорта» скончалась, толком не родившись. Советский опыт в ювелирном маркетинге был ничтожным, и это обстоятельство сыграло решающую роль. По словам финансового эксперта и консультанта «Де Бирс» Никиты Лобанова-Ростовского, «в своё время “Алмазювелирэкспорт” старался продавать в Европе изделия с бриллиантами (а было огромное количество русского товара), но они не пошли. Думаю, что изделия воспринимались и как немодные, и как низкокачественные».

Ситуация с гранильной промышленностью СССР оказалась намного сложнее и интереснее. С начала 1960-х годов и до распада Советского Союза она устойчиво развивалась, исправно поглощая значительное количество добываемого в Якутии сырья. Были разработаны строгие стандарты огранки, в соответствии с которыми производились практически идеальные бриллианты. «Русская огранка» стала синонимом качества на бриллиантовом рынке, своеобразным отраслевым брендом, и покупатели давали премию до 10% к розничной цене на этот товар. Но качество

доставалось дорогой ценой: выход годного¹ на круглых бриллиантах в среднем был около 30% – в полтора раза меньше, чем у конкурентов.

Но дело даже не в том, что значительная (до 70%) часть высококачественного сырья превращалась в пыль. Во всем мире гранильный бизнес характеризуется низкой нормой прибыли – в стоимости готового бриллианта стоимость сырья составляет от 85 до 95%. Это хорошо известный факт, и тот, кто принимал решение о создании гранильной промышленности в СССР, должен был отдавать себе отчет в том, что маржа, практически никогда не превышающая 15%, будет не в состоянии окупить ни содержание многотысячной армии огранщиков (особенно учитывая вполне достойный «социальный пакет», полагавшийся трудящимся в государстве «развитого социализма»), ни организацию системы безопасности, необходимую для борьбы с неизбежно возникнувшим криминальным алмазным рынком, ни создание инфраструктуры новой отрасли, ни расходы на экспорт. Так оно и получилось – вся гранильная промышленность СССР от рождения и до кончины была нерентабельна. Продажа бриллиантов приносила денег меньше, чем стоило сырье, из которого эти бриллианты были изготовлены.

В стране с рыночной экономикой такая промышленность моментально бы разорилась. Но СССР был хорош тем, что в нем в принципе не могло быть убыточных предприятий, – манипуляции с внутренними, совершенно условными, оторванными от мировой практики ценами позволяли гранильным заводам выглядеть «передовиками социалистической индустрии». А реально они просто дотировались бюджетом.

Итак, «многоканальный алмазный экспорт» Советского Союза на самом деле был построен следующим образом. Часть сырья продавалась «Де Бирс» – этот объем устанавливался таким образом, чтобы не перегреть рынок и не слишком обременять мирового регулятора содержанием излишних стоков. Вторая часть утилизировалась советской гранильной промышленностью, тотальная убыточность которой позволяет утверждать, что ее главной функцией было уменьшение давления на мировой рынок алмазного сырья. И наконец, третья часть просто сбрасывалась в стоки Гохрана, где лежала без движения. Разумеется, содержание этих стоков обеспечивалось советским бюджетом.

Следует признать, что труднообъяснимые события, связанные с советским алмазным проектом, а именно упорное нежелание Минцветмета СССР начать разработку якутских месторождений ранее 1957 г., применение максимально затратной схемы освоения и, наконец, создание убыточной гранильной промышленности, объективно «работали» в интересах «Де Бирс».

¹ Годное – термин, обозначающий вес полученного бриллианта по отношению к весу алмаза, подвергнувшегося огранке.

«Де Бирс» и СССР

Успех «Де Бирс» в выстраивании отношений с СССР после эпохальных открытий алмазных месторождений в Западной Якутии столь очевиден, что невольно возникает впечатление – перед нами закономерное развитие доброго старого партнерства, а не уродливый альянс идеологически непримиримых противников, продиктованный сиюминутными меркантильными соображениями.

Но российская постперестроечная специализированная литература (в советских открытых источниках тема взаимоотношений СССР и «Де Бирс» практически не освещалась) утверждает: контакты советского руководства и владельцев «Де Бирс» берут свое начало лишь в 1959 г. Именно тогда состоялся визит в Москву сэра Филиппа Оппенгеймера (брат Эрнеста Оппенгеймера) и было заключено соглашение о продаже первой партии якутских алмазов. Этой же даты придерживаются и подавляющее большинство зарубежных авторов, исследующих историю мирового алмазного рынка.

Вопрос, где и как использовались алмазы Урала, промышленная добыча которых велась с 1946 г., при полном отсутствии в СССР производства алмазного инструмента и гранильной отрасли до 1958 и 1961 гг. соответственно, остается открытым. Никаких следов уральских алмазов в открытых источниках нет, предположение об их многолетнем экспорте при участии «Де Бирс» – всего лишь гипотеза, имеющая ряд косвенных подтверждений, но пока не получившая прямых доказательств. А до начала эксплуатации уральских месторождений никакого отношения к рынку алмазного сырья СССР, очевидно, иметь не мог.

К рынку алмазов – да, не мог. А вот мировой рынок бриллиантов находился в сфере самого пристального внимания руководства коммунистической России с самых первых лет ее существования. Дело в том, что в условиях охватившего страну послереволюционного экономического коллапса главными и практически единственными экспортными статьями молодого советского государства в начале 20-х годов XX в. стали ценности, экспроприированные у «эксплуататорских классов»: драгоценные металлы в слитках, монетах, ювелирных изделиях, всевозможный антиквариат и драгоценные камни, в первую очередь – бриллианты. Так, в 1921 г. наи-

более значительная выручка от внешнеторговых операций Советской России пришлось на антиквариат – 9 млн золотых рублей, на втором месте оказались бриллианты – 7 млн золотых рублей. Но это только по документально подтвержденным данным.

На самом деле объемы и способы выброса российских бриллиантов на рынок были просто чудовищными. Вальтер Кривицкий (Самуил Гинзберг, в 1918–1921 гг. функционер Коминтерна, позже сотрудник советских спецслужб) вспоминал: «Обычной процедурой было указание Политбюро ОГПУ доставить в адрес Коминтерна мешок (sic!) с конфискованными бриллиантами...». И, судя по всему, «мешок» – отнюдь не гипербола. Из воспоминаний Якова Рейха, главы Западноевропейского бюро Коминтерна: «Повсюду золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках, кто-то явно их пытался сортировать и бросил. В ящиках около входа полно колец. В других золотая оправы, из которой уже вынуты камни. Ганецкий (Яков Фюрстенберг, в 1920-х годах – заместитель Наркома финансов и управляющий Народным банком РСФСР) обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, сказал: “Выбирайте!”. Потом он объяснил, что все эти драгоценности, отобранные ЧК у частных лиц, по поручению Ленина Дзержинский сдал сюда на секретные нужды партии. Мне было очень неловко отбирать: как производить оценку? Ведь я в камнях ничего не понимаю. “А я, думаете, понимаю больше?” – ответил Ганецкий. – Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отбирайте на глаз – сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы Вы взяли побольше”. Я стал накладывать, а Ганецкий все приговаривал: «Берите побольше»... Наложил полный чемодан (sic!) камнями, золото не брал – громоздко...». Бывший секретарь И. Сталина Борис Бажанов в своих «Воспоминаниях» упоминает некий «алмазный фонд Политбюро» – огромный сток бриллиантов исключительного качества – и сетует, что «судьба его неизвестна». Поскольку сегодня, спустя многие десятилетия после публикации воспоминаний Б. Бажанова, судьба этого актива по-прежнему неизвестна, резонно предположить, что он не избежал общей участи и в «мешках», «чемоданах» и прочей экзотической для бриллиантового бизнеса таре переместился на берега туманного Альбиона.

Такой своеобразный экспорт привел к закономерному результату – мировые цены на бриллианты быстро покатались вниз и крупные диамантеры – клиенты «Де Бирс» стали испытывать обоснованное беспокойство. В целях стабилизации цен «Де Бирс» была вынуждена в 1921 г. существенно, не менее чем на 25%, сократить добычу алмазов в Южной Африке. Но экспорт российских бриллиантов по демпинговым ценам продолжал нарастать: предприимчивые большевики и их коминтерновские коллеги открывали все новые и новые «окна» и «каналы» в Прибалтике, Польше, Финляндии, на Дальнем Востоке, в Турции... Волна бриллиантовой контрабанды захлестнула Европу и США: несмотря на то что «красных» курьеров ловили десятками, число их умножалось в геометрической прогрессии. Объективно этот демпинг наносил серьезный ущерб всем участникам алмазно-бриллиантового рынка – процесс явно требовал упорядочения.

В 1920 г. полпредом Советской России в Великобритании был назначен Леонид Красин. Этот видный функционер большевистской партии был вхож в круги английской элиты и, судя по всему, реалии алмазного рынка представлял себе весь-

ма отчетливо. Во всяком случае, так позволяют утверждать некоторые образцы его переписки с руководством Наркомфина: «До продажи драгоценностей организованным путем мы все еще не доросли, и падение цен, вызванное на рынке бриллиантов более чем неудачной торговлей ими Коминтерном и другими учреждениями, имеет и в будущем под собою достаточные основания».

Л. Красин абсолютно точно определил направление выхода из кризиса, охватившего бриллиантовый рынок: «Следует немедленно прекратить разовые продажи художественных ценностей и бриллиантов через сомнительных лиц, рекомендуемых начальником Гохрана Аркусом (некий швед Карл Фельд и другие) или через высокопоставленных “кремлевских жен” (жена Горького актриса Мария Андреева-Юрковская, жена Каменева и сестра Троцкого Ольга Каменева-Бронштейн, музейный руководитель). Вместо этого необходимо срочно создать картель (СП) для совместной продажи бриллиантов, лучше всего, с “Де Бирсом”. Синдикат этот должен получить монопольное право, ибо только таким путем можно будет создать успокоение на рынке бриллиантов и начать постепенно повышать цену. Синдикат должен давать нам под депозит наших ценностей ссуды на условиях банковского процента».

Предложение Л. Красина направить поток советского бриллиантового «конфиската» в адрес «Де Бирс» имело под собой веские основания. Во-первых, такой способ реализации действительно оберегал бриллиантовый рынок от обвала цен, в котором советская сторона была совершенно не заинтересована. Во-вторых, появлялась основа серьезных деловых контактов с банкирскими империями Ротшильдов и Морганов, с которыми «Де Бирс» была аффилирована, а соответственно, экспроприированные бриллианты могли выступать уже не только в виде обычного товара, но как актив, обеспечивающий всевозможные кредитные сделки, в том числе связанные с получением перспективных технологий и современного оборудования. И наконец, только «Де Бирс» и ее влиятельные клиенты могли организовать оборот «красных» бриллиантов таким образом, чтобы он был невидим остальному миру. А это было важно не только для прекращения многочисленных скандалов, вспыхивающих по причине опознания бывшими владельцами своих драгоценностей, отобранных большевиками, а потом появляющихся в каталогах престижных европейских и американских аукционов. Не афишируемые договоренности о совместных операциях с крупными партиями бриллиантов закладывали базу той финансово-организационной сетевой структуры, которая впоследствии сыграла важную роль в передаче СССР оборонных технологий и открывали возможности непосредственных неформальных контактов представителей англосаксонской и советской элит.

16 марта 1921 г. был подписан первый в истории Советской России и Великобритании торговый договор. С советской стороны его подписал Леонид Красин. Это соглашение содержит одно крайне интересное условие. Англия брала на себя обязательство «не накладывать ареста и не вступать во владение золотом, капиталом, ценными бумагами либо товарами, экспортируемыми из России в случае, если бы какая-либо судебная инстанция отдала распоряжение о такого рода действиях». Фактически это ограничение делало невозможным вмешательство английского государства (не говоря уже о зарубежных государствах) в деловые операции, проходившие под эгидой этого договора. А если учесть, что на момент заключения дого-

вора между Великобританией и Россией вообще не было дипломатических отношений, то следует признать, что данный договор являлся лишь формальным прикрытием сотрудничества большевиков с силой более влиятельной, чем английские государственные институты.

За полгода до подписания договора Л. Красин открыл в Лондоне компанию «АРКОС» (аббревиатура от All-Russian Cooperative Society). Формально компания имела британскую регистрацию. Эта фирма стала первой в целом ряду компаний («Амторг» в США, «Весторг» и «Дерутра» в Германии и еще десяток более мелких), которые являлись центрами деловых операций с основным экспортным товаром советской России 1920-х годов: золотом, антиквариатом и бриллиантами. Л. Красин создал также «Советско-Южноафриканское смешанное торговое общество» – весьма говорящее название, учитывая, что в это время единственным стратегическим партнером в Южно-Африканском Союзе, с которым России имело смысл работать в плане экспорта бриллиантов, была компания «Де Бирс». Компания «АРКОС» была не только исторически первой – она была наиболее мощной, подлинным «генеральным штабом» всей операции, и Л. Красин лично и постоянно контролировал ее деятельность.

После заключения англо-русского договора экспорт российского золота и бриллиантов достаточно быстро вошел в цивилизованное русло. Советские биографы Л. Красина неизменно ставили ему в заслугу ликвидацию так называемой «золотой блокады» – иными словами, переход от чисто контрабандной торговли ценностями к крупным оптовым сделкам, формально не противоречащим законодательству стран-импортеров. (Моральная сторона вопроса – по существу речь шла о торговле краденым – не интересовала ни покупателя, ни продавца.) Значительная часть бриллиантов вообще не выходила на рынок, становясь залоговыми активами. В результате цены на бриллианты устойчиво поползли вверх, и 30–40%-ный провал, вызванный диким советским демпингом, был достаточно быстро компенсирован. С 1922 г. «Де Бирс» начала наращивать добычу и уже через пять лет превысила довоенный уровень.

На что тратилась прибыль, получаемая большевиками от продажи конфискованных ценностей? Разумеется, приобреталось продовольствие для голодающей страны, покупалось промышленное оборудование, средства транспорта и т.д., оплачивалось содержание советских миссий за рубежом. Но это было не главное. Экспроприированные бриллианты превратились в стартовый капитал многочисленных «частных» компаний, конечным бенефициаром которых был СССР, были инвестированы через третьих лиц в крупные пакеты акций ведущих мировых промышленных концернов и стали обеспечением мощных кредитных линий. Через эту сеть СССР беспрепятственно получал доступ к новейшим оборонным технологиям, благодаря этой сети он смог создать военно-промышленный комплекс, достаточный для того, чтобы в четырехлетней русско-немецкой мясорубке 1941–1945 гг. уничтожить все шансы континентальной Европы на долю в контроле над глобальными сырьевыми рынками. Эта сеть, созданная в 1920-е годы, будет устойчиво работать все время существования СССР, обеспечивая, в том числе, фантастические «успехи советской разведки» в получении ядерных секретов и удивительно легкое преодоление «ограничений КОКОМ».

Создание сетевой структуры, предназначенной главным образом для массивированной накачки оборонной промышленности СССР оборудованием и технологиями, было завершено к концу 1920-х годов. Поток экспроприированных ценностей, вывозимых из СССР, еще не иссяк, его пик придется на 1930 г., но все необходимые условия для старта «сталинской индустриализации» были созданы. Окончание грандиозной операции требовало соответствующего оформления.

«12 мая 1927 г. около 4 часов дня отряды полисменов в сопровождении детективов (всего около 200 человек) неожиданно окружили здание по Мооргет-стрит, 49, которое занимали «АРКОС» и торгпредство СССР, и, ворвавшись внутрь, закрыли все выходы наружу. Несколько сот служащих обоих учреждений, в том числе немало англичан, были арестованы, и часть из них подвергнута личному обыску». Это цитата из «Воспоминаний советского дипломата» Ивана Майского (Ян Лиховецкий). И. Майский был заместителем Л. Красина, а после его смерти 24 ноября 1926 г. оставался в составе советского посольства на должности заместителя полпреда до 1929 г., в 1932–1943 гг. – чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании.

Налет на «АРКОС» наделал много шума в дипломатических кругах и прессе и послужил поводом для многочисленных взаимных претензий английской и советской сторон. И. Майский утверждает, что англичане искали в «АРКОС» некие документы, изобличающие подрывную «коминтерновскую» деятельность этой компании, но «потерпели фиаско». Английская сторона была вынуждена признать, что четырехдневный (!) обыск ничего не дал, – никакого компрометирующего архива найдено не было. Советская сторона в злорадных выражениях соглашалась – ничего не нашли, потому что ничего и быть не могло. Собственно, вот это «ничего не нашли» и являлось единственным «твердым осадком» грандиозного скандала – таким образом любопытствующих сторонних наблюдателей просили не беспокоиться: деятельность «АРКОС» в Лондоне не представляет никакого конспирологического интереса. Так бы и остался «налет на “АРКОС”» ярким свидетельством провокаций против молодой советской республики, инспирированных самыми консервативными кругами цитадели «загнивающего империализма», если бы в мае 2010 г. Игорь Золотусский не опубликовал документальную повесть «Нас было трое», некоторое количество страниц которой посвятил деятельности своего отца. Отец И. Золотусского – Петр Золотусский с февраля по июнь 1927 г. был легальным резидентом ИНО ОГПУ в Лондоне и имел к «АРКОС» самое непосредственное отношение.

По рассказу П. Золотусского, его командировке в Лондон предшествовала личная встреча с И. Сталиным. Вождь был озабочен судьбой архива «АРКОС». На П. Золотусского возлагалась задача эвакуации архива, поскольку Москва была заблаговременно предупреждена о готовящемся полицейском налете на «АРКОС». П. Золотусский блестяще справился с поручением советского лидера – архив «АРКОС» был вывезен из Англии... на эсминце британских ВМФ! Дословно: «Он сумел уговорить капитана британского эсминца помочь стране рабочих и крестьян и вывезти из Англии компрометирующие бумаги *до того*, как в “АРКОС” вошла полиция».

Итак, советский резидент вербует английского военно-морского офицера на почве сочувствия «стране рабочих и крестьян», вместе они загружают эсминец се-

кретным архивом, и в то время как полицейский батальон штурмует офис «АРКОС», корабль на полных парах идет, например, в Мурманск. Бред? Конечно бред!

А теперь взглянем на ситуацию под несколько другим углом. К 1927 г. финансовые потоки, в основе которых лежали экспроприированные золото и бриллианты, трансформировались в сетевую структуру, готовую начать «сталинскую индустриализацию». Детальная история этой блестящей операции, все «имена, пароли, явки» содержатся в архиве ее «генерального штаба» – в «АРКОС». Но есть серьезная проблема, и заключается она в том, что практически вся работа выполнена руками функционеров Коминтерна. То есть существует довольно большое количество людей, мыслящих в нелепых категориях «мировой революции» и слишком много знающих о связях, установленных государством «рабочих и крестьян» с «империалистическими» державами, о связях, мягко говоря, не укладывающихся ни в какие марксистские и даже околomarксистские теории. Конечно, знание каждого из них было слишком фрагментарно, чтобы представить картину в целом, но вероятность правильно сложить пазл из этих фрагментов и понять, кому и для чего нужен на самом деле проект под названием «СССР», была высока. Слишком высока, чтобы авторы проекта могли позволить себе такой риск. Кроме того, эти технические участники проекта по недоразумению были склонны считать себя владельцами или по крайней мере совладельцами созданной сети. То есть полагали себя игроками, имеющими право на принятие серьезных решений. Такая самостоятельность создавала угрозу снижения эффективности управления сетью, вплоть до его полной утраты. Функционеры Коминтерна были явно лишние в новом раскладе. И архив «АРКОС», содержащий исчерпывающий перечень этих «лишних», должен был перейти к игроку, готовому радикально решить проблему доступными ему средствами. Перейти в целостности и сохранности, так, чтобы не одной бумажки, ни одного имени не потерялось. Для охраны такого ценного груза не только эсминца – авианосца было не жалко.

Вряд ли у Петра Золотусского возникала необходимость вербовать британского капитана – тот просто выполнил приказ. Вряд ли к заслугам советской разведки можно отнести тот факт, что Москва была извещена о точной дате «налета на “АРКОС”» – эта дата была любезно сообщена «старшим партнером». Спектакль с «налетом» просто прикрыл операцию доставки архива на Лубянку, где он и был использован по полной программе. В течение последующих десяти лет были «стерты в лагерную пыль», покончили жизнь «самоубийством», погибли в автокатастрофах или при невыясненных обстоятельствах подавляющее большинство операторов процесса превращения экспроприированных бриллиантов в сетевую структуру, связывающую «государство рабочих и крестьян» с экономикой «свободного рынка» и ставшую важнейшим элементом гибкого управления проектом под названием «СССР».

Некоторые пытались вырваться из этих жерновов, подобно упомянутому Вальтеру Кривицкому (ушел на Запад в 1937 г., «застрелился» в 1941 г.), и даже оставили воспоминания. Но большинство замолчало навсегда. И даже чудом выжив в лагерях, как тот же Петр Золотусский, они отнюдь не спешили просвещать современников об истинных пружинах процесса, в котором волею судьбы им довелось принимать участие. Уцелел только самый верхний эшелон – единицы людей типа

Ивана Майского, незаменимые посредники между главными участниками большой игры. Этот уровень вполне мог обслуживать решение конфиденциальных задач – будь то передача атомных секретов, организация экспорта уральских алмазов или весьма специфическое планирование освоения якутских месторождений.

Что же касается компании «АРКОС», то она не только благополучно пережила упомянутый «налет» и прочие «притеснения» со стороны британских спецслужб. Это наследство Л. Красина и И. Майского успешно функционирует и сегодня. Как и в 1920-е годы, современный «АРКОС» аффилирован с алмазным бизнесом и играет важную роль в обеспечении контактов представителей англосаксонской и российской элит. Штаб-квартира АО «Arcos Limited» по-прежнему находится в Лондоне, дислокация филиалов отражена в их названиях: «Arcos Hong Kong Ltd.», «Arcos East DMCC», «Arcos USA, Inc.», «Arcos Belgium N.V.», «Arcos Diamonds Israel Ltd.». Владелец этих предприятий является российский алмазный монополист – компания «АЛРОСА», председателем наблюдательного совета которой по должности является Министр финансов РФ.

Прямые конфиденциальные контакты советского руководства с владельцами «Де Бирс», установленные Л. Красиным в начале 20-х годов XX столетия, вышли на публичный уровень только в 1959 г. Исчерпывались ли эти контакты исключительно сферой алмазно-бриллиантового бизнеса? Учитывая вес клана Оппенгеймеров в системе глобальных неформальных надгосударственных структур, резонно предположить, что это взаимодействие распространялось на значительно более широкий класс управленческих задач. Документальных свидетельств этому не существует, в связи с чем полезно вспомнить один из принципов, которого придерживаются крупные функционеры алмазного бизнеса со времен С. Родса и до настоящего времени: «Доверие не нуждается в документах». Действительно, даже сегодня, когда транспарентность бизнеса и строгость стандартов бухгалтерской отчетности возведены до уровня фетиша, крупные и очень крупные сделки на алмазно-бриллиантовом рынке часто фиксируются лишь рукопожатием и кодовой фразой на иврите: «Мазал У' Браха!» (благословение и успех, т.е. – мы договорились). А в первой половине XX в. подобный способ «подписания договоров» на алмазном рынке был абсолютной нормой. «Бездокументарная» практика алмазного рынка была одним из принципов, взятых на вооружение «Круглым столом» и более поздними организациями этого типа.

«Моя деятельность была совершенно секретной, я отчитывался только перед тремя людьми: главой Центральной организации по сбыту Филиппом Оппенгеймером, Тэдди Доу и Монти Чарльзом. Сэр Филипп Оппенгеймер вел дела с СССР на протяжении 30 лет. За это время объем покупок советских алмазов увеличился с 56 тыс. долл. в 1959 г. до 1 млрд в 1991-м. Его правой и левой рукой были соответственно Тедди Доу и Монти Чарльз. Они, как и сам Оппенгеймер, – ветераны британской военной разведки, прошли Вторую мировую, каждый из них мог принимать решения, не ставя об этом в известность других. При этом никакие решения не фиксировались на бумаге. Когда в 1988 г. я хотел письменно изложить стратегию деятельности «Де Бирс» в СССР, мне дали понять, что писать ничего не нужно». Это цитата из интервью князя Никиты Лобанова-Ростовского, представлявшего интересы «Де Бирс» в СССР и РФ с 1988 по 1997 г.

Отпрыск древней русской аристократической фамилии, сын эмигрантов «первой волны», выпускник Оксфордского и Колумбийского университетов, Н. Лобанов-Ростовский принадлежал к высшему эшелону посредников (класса И. Майского), связывающих советское руководство с глобальными надгосударственными структурами. Впервые он появился в Москве в 70-х годах XX столетия в качестве представителя банка «Уэллс Фарго». Это один из крупнейших мировых финансовых институтов с годовым оборотом более \$ 50 млрд. Наряду с фондом Рокфеллеров «Уэллс Фарго» является основным источником финансирования Трёхсторонней комиссии – одного из американских клонов «Круглого стола», созданного в начале 70-х годов под руководством Д. Рокфеллера и З. Бжезинского. В «Уэллс Фарго» Н. Лобанов-Ростовский занимал должность вице-президента, курирующего европейское, африканское и ближневосточное направления.

Статус Н. Лобанова-Ростовского был чрезвычайно высок: князь без проблем встречался с высшим руководством СССР, включая члена Политбюро, председателя КГБ, впоследствии Генерального секретаря КПСС Ю. Андропова. По свидетельству Н. Лобанова-Ростовского, «в те поры от меня зависело многое в финансовом аспекте советско-американских отношений». Реалии советского политического процесса князь представлял вполне адекватно: «Насколько я понимаю, уже смертельно больной Андропов хотел сразу сделать лидером Горбачева, но опасался противодействия “партийных старцев” и пошел на промежуточный вариант Черненко (этот человек тоже был смертельно болен и умер через год, ничего не сделав)». После смерти Ю. Андропова князь вошел в «ближний круг» М. Горбачева, установив приятельские отношения с Р. Горбачевой на почве обоюдного увлечения «русским духовным наследием». Контакты высокопоставленного представителя финансового института, обслуживающего Трёхстороннюю комиссию, именно с Ю. Андроповым и М. Горбачевым вряд ли были случайными – это был один из прямых каналов передачи управляющих команд на демонтаж советского проекта.

Итак, Н. Лобанов-Ростовский стал официально представлять интересы «Де Бирс» в СССР в 1988 г. В этом же году произошел еще ряд ключевых для алмазного рынка событий: истек и не был автоматически продлен срок очередного торгового соглашения СССР – «Де Бирс», решением Политбюро ЦК КПСС было создано «Главалмаззолото» на правах союзного министерства, функции экспорта алмазов перешли от Минвнешторга к «Главалмаззолоту». Как показало дальнейшее развитие ситуации, эти события свидетельствовали о переходе «на ручной режим» управлением советским алмазным проектом со стороны «Де Бирс». Необходимость в этом могла возникнуть только в случае отчетливого понимания Оппенгеймерами, что дни Советского Союза сочтены. Трансформация советской алмазной промышленности в преддверии близкой кончины СССР началась намного раньше других отраслей: в очередной раз алмазный рынок выступал в роли модели для англосаксонских клубов.

«Главалмаззолото» возглавил Валерий Рудаков, заместитель министра цветной металлургии СССР. До прихода в Минцветмет он руководил «Якуталмазом» с 1978 по 1983 г. В. Рудаков являлся в то время одним из немногих представителей советской хозяйственной номенклатуры, кто был осведомлен о функционировании алмазно-бриллиантового комплекса СССР в мельчайших подробностях. Он отчет-

ливо видел всю цепочку от горной добычи до экспорта в адрес «Де Бирс» со всеми ее труднообъяснимыми «странностями»: избыточными темпами эксплуатации месторождений, в результате которых добывались алмазы, невостребованные рынком, рентабельностью «русской огранки», бессмысленным содержанием огромных стоков Гохрана. Причиной такого состояния дел В. Рудаков считал административные разрывы в советском «алмазном трубопроводе» и общую его оторванность от мирового механизма ценообразования. Действительно, «Якуталмаз» добывал кристаллы и сдавал их в Гохран по условным ценам, Гохран часть полученного сырья складировал, часть отправлял на гранильные заводы, опять же, по совершенно условным ценам, часть отдавал «Алмазювелирэкспорту», через который сырье попадало к «Де Бирс», на этот раз по ценам, близким к мировым, но полностью контролируемым транснациональной корпорацией. Мало того что в этой громоздкой схеме участвовали предприятия четырех союзных министерств, что провоцировало перманентные бюрократические «пробуксовки», ее эффективность в принципе невозможно было оценить из-за того, что внутренние расчеты были построены на произвольно назначенных ценах, не имевших никакого отношения к мировым. Манипуляции с такими ценами легко позволяли делать из реально убыточных предприятий рентабельные, но в целом весь советский алмазно-бриллиантовый комплекс производил впечатление хорошо организованного хаоса, главной задачей которого было поддерживать и укреплять монопольное положение «Де Бирс».

Получив возможность с высоты министерского кресла увидеть полную картину, В. Рудаков пришел к закономерному выводу: хаос можно прекратить, если сосредоточить все звенья алмазно-бриллиантового комплекса – от добычи до продажи – в одной структуре, которая стала бы самостоятельным игроком на мировом рынке. А проще говоря – создать «советскую “Де Бирс”». С такой плодотворной идеей новоиспеченный замминистра пришел к своему руководителю – престарелому сталинскому «зубру» П. Ломако. Реакция последней была вполне предсказуема: «Знаешь, сынок, я к тебе очень хорошо отношусь. Но если ты еще раз заговоришь об отделении, я тебе башку оторву». Такую фразу из уст бывшего комиссара отрядов по борьбе с бандитизмом следовало воспринимать серьезней, чем просто милую шутку, и на некоторое время инициатива В.Рудакова была предана забвению.

Идея В. Рудакова была совершенно правильной в коммерческом плане, но она имела один принципиальный недостаток – полностью противоречила той роли, которую отводили СССР англосаксонские клубы, – роли пассивного продавца сырья, не обладающего возможностью влияния на ценообразование на глобальных рынках. Создание «советской “Де Бирс”», безусловно, создавало такую возможность. Конечно, это понимал и многоопытный член ЦК КПСС П. Ломако. Но в отличие от В. Рудакова он также понимал, что хаос в советском алмазно-бриллиантовом комплексе не случаен, он спланирован, собственно говоря, это есть единственная форма его существования, согласованная со «старшим партнером». Шел 1983 год – демонтаж советского проекта еще только обсуждался, еще только намечались первые шаги на этом пути, и СССР пока должен был выполнять свою задачу в четко определенных границах.

В 1986 г. М. Горбачев отправил П. Ломако в отставку. С 1987 г. начинаются постоянные консультации В. Рудакова с представителями «Де Бирс». В апреле 1988 г.

выходит решение Политбюро ЦК КПСС о создании «Главалмаззолота». Кандидатура В. Рудакова на пост начальника «Главалмаззолота» вносится членом Политбюро Н. Рыжковым. Неожиданно кандидатура В. Рудакова встречает резкий протест со стороны члена Политбюро Е. Лигачева, который заявляет, что располагает информацией о том, что В. Рудаков «мафиози» и «агент влияния». Назначается проверка КГБ, по результатам которой председатель КГБ В. Чебриков информирует Политбюро, что никаких претензий к В. Рудакову нет. Назначение состоялось. С огромной энергией В. Рудаков начинает собирать предприятия алмазно-бриллиантового комплекса под единой «крышей», фактически творчески адаптируя организационные схемы «Де Бирс» к российской действительности.

«Де Бирс» весьма лояльно относилась к революционным преобразованиям в советской алмазной индустрии. В июне 1989 г. было заключено очередное торговое соглашение, содержащее ряд существенных отличий (в пользу советской стороны) от предыдущих. Вводился постоянный контроль советской стороной над уровнем цен мирового рынка через продажи так называемых «контрольных отрезков»: от каждой экспортной партии отбиралось 5% и продавалось на свободном рынке. Цена оставшихся 95%, поступавших «Де Бирс», не могла быть ниже цены «контрольного отрезка». Кроме этого, была отменена комиссия, уплачиваемая российской стороной за страховку, банковские гарантии, транспортировку и охрану доставляемых на склады «Де Бирс» советских алмазов. Такие договорные условия были исключительными в практике «Де Бирс».

Чем объяснить либерализацию отношений между СССР и «Де Бирс» накануне закрытия советского проекта? Конечно, «Де Бирс» не пыталась спасти Советский Союз. Но в условиях «перестройки» управляемый хаос, в котором пребывал советский алмазно-бриллиантовый комплекс с момента своего создания, мог превратиться в хаос неуправляемый. С развалом союзных министерств могло возникнуть множество мелких независимых компаний – в добыче, в огранке, в экспорте, через которые произошел бы неконтролируемый выброс на мировой рынок огромного количества советских алмазов. Единственным способом, позволяющим избежать этого крайне неблагоприятного для «Де Бирс» сценария, была предельная концентрация предприятий советской алмазной индустрии в одних руках, что и удалось сделать В. Рудакову. «Главалмаззолото», эта «советская “Де Бирс”», в условиях быстрого умирания СССР была не опасна, а полезна для контролера рынка, и ее следовало поддержать.

Поддержка «Главалмаззолота» со стороны «Де Бирс» достигла апогея в 1990 г. и выразилась в уникальной сделке. «Де Бирс» выдавал СССР гигантский несвязанный кредит в 1 млрд. долл. на пять лет под 5% годовых под залог 14,5 млн. карат ювелирного алмазного сырья, которое физически должно было быть доставлено в Лондон. Прецедентов такой операции в истории алмазного рынка не было. Операция завершилась блестящим успехом – огромный сток Гохрана «переехал» в Лондон, правительство СССР получило «живые деньги» для срочного латания дыр в стремительно разрушающейся экономике.

Разумеется, «Де Бирс» приняла решение о таком фантастическом кредите не из-за личных симпатий к В. Рудакову и к его революционным преобразованиям советского алмазно-бриллиантового комплекса. Причина крылась в опасениях «Де

Бирс» относительно возможности несанкционированного появления на рынке стоков Гохрана в критический момент ликвидации СССР. Это могло обвалить рынок, и «Де Бирс» решила подстраховаться, забрав около половины гохрановских алмазов. Развитие ситуации после августа 1991 г. показало, что опасения «Де Бирс» имели под собой реальную почву.

Не забывала «Де Бирс» и о прямом спонсировании ближайшего окружения М. Горбачева. Фонд «Наше наследие», руководимый Р. Горбачевой и академиком Д. Лихачевым, регулярно получал через Н. Лобанова-Ростовского весьма крупные суммы, ощутимо скрашивающие для высшего советского истеблишмента невзгоды «перестройки».

Одновременно с концентрацией отрасли вокруг «Главалмаззолота» осуществлялась ликвидация центробежных инициатив, часть которых была весьма серьезна: например, группа якутских депутатов пыталась организовать референдум об отделении алмазоносных районов от остальной Якутии. Жесткую оппозицию В. Рудакову составлял директор самого крупного (тогда около 80% годовой добычи «Якуталмаза») Удачинского ГОКа Николай Уркин. Он прямо настаивал на превращении ГОКа в абсолютно самостоятельное предприятие с правом экспорта алмазов. 15 января 1991 г. Н. Уркин, находясь в командировке в Москве, выпал с 7-го этажа гостиничного комплекса «Измайлово». Это была далеко не единственная странная смерть в последние годы существования СССР среди людей, связанных с алмазной промышленностью. Якутский журналист Г. Огороков собрал досье по ряду таких случаев, и на основании этих материалов прокуратура РСФСР была вынуждена начать расследование. Однако вскоре Г. Огороков был насмерть сбит автомобилем – прямо у порога якутского обкома КПСС. В конечном счете ни одно из дел об «алмазных» самоубийцах и жертвах «несчастных случаев» не было расследовано, хотя в этот перечень попали не только рядовые офицеры КГБ и функционеры алмазной промышленности, но и люди, входящие в номенклатуру ЦК КПСС, как, например, посол СССР в Ботсване Б. Асоян.

В июне 1990 г. было заключено очередное торговое соглашение между «Главалмаззолото» и «Де Бирс» – на сей раз на пять лет в отличие от привычных трех. Условия соглашения предусматривали его исполнение независимо от любых политических обстоятельств. Судя по всему, судьба СССР договаривающимся сторонам была абсолютно ясна.

Алмазы, «международный терроризм» и новые способы управления глобальными рынками

Ликвидация СССР с необходимостью ставила перед надгосударственными управляющими структурами задачу создания достаточно мощного спарринг - партнера, на которого могла быть возложена миссия очередной «империи зла». В силу целого ряда обстоятельств в качестве такого противника был выбран «международный исламский терроризм». Мог ли алмазный рынок, эта своеобразная лаборатория, в которой уже многие десятилетия моделировались и отрабатывались методы глобального управления, остаться в стороне от захватывающего процесса проектирования и производства нового «исчадия ада», сравнимого по масштабу с германским нацизмом и коммунистической угрозой? Разумеется, нет. Детищу Сесила Родса в очередной раз предстояло сыграть пионерскую роль в отработке новейшей стратегии надгосударственных структур.

Терроризм как способ решения политических задач был известен с незапамятных времен, но до исчезновения СССР с политической карты мира никогда не претендовал на роль самостоятельного политического игрока. Это был инструмент, который при определенных обстоятельствах использовался практически всеми серьезными участниками политической игры, независимо от идеологических оболочек, в которые они упаковывали свои стратегии. Террористическая деятельность, тем более в значительных масштабах, требует серьезного финансирования, поэтому конечным бенефициаром любой террористической организации могут быть только контролеры соответствующего бюджета – государства и (или) корпорации. Так оно и было до начала 90-х годов XX в. Террористические акты – убийства чиновников и государственных деятелей, захват заложников, взрывы административных и оборонных объектов и т.д. – осуществлялись радикалами всевозможных калибров и сортов, но рано или поздно за этими действиями неизбежно вырисовывались физиономии заказчиков: превентивных государственных или корпоративных служб. Правило не знает исключений – любая современная крупная террористическая организация инфильтрована агентурой спецслужб именно в той степени, которая подразумевает ее целевое использование в нужный момент. Сам по себе терроризм в принципе не мог быть самостоятельным игроком, поскольку никакой идео-

логический флер не в состоянии прикрыть отсутствие экономической базы. Чтобы «международный терроризм» превратился из идеологической пустышки в реально-го глобального политического игрока, ему нужно было создать собственную экономику. Эту задачу и должен был решить алмазный рынок.

«Международный исламский терроризм» не мог финансироваться за счет бюджета одной или нескольких мусульманских стран, какой бы высокой степенью радикализма ни отличалось их руководство. Финансирование через государственный бюджет неизбежно привлекает огромное количество глаз и ушей. Источники оплаты единичного акта «государственного терроризма» можно на некоторое время более-менее надежно спрятать, но финансирование «мировой террористической войны», ведущейся одновременно на всех континентах, кроме Антарктиды, и в течение пары десятилетий, пропустить через госбюджеты невозможно. А если существуют надежные доказательства, что новая угроза всего лишь инициатива одного или нескольких радикальных исламских государств, этих политических изгоев и экономических карликов, то и адекватное решение – короткий (слишком короткий!) межгосударственный конфликт с абсолютно прогнозируемым результатом. Убедительный пример – теракт на дискотеке La Belle в Западной Германии весной 1986 г., проведенный по заказу ливийских спецслужб и направленный против американских военнослужащих (пострадали более 200 человек), и через месяц – ответная бомбардировка авиацией США Триполи и Бенгази.

«Государственный терроризм» со стороны известных исламских стран не мог обеспечить глобального конфликта требуемого уровня и длительности, для этого требовалась надгосударственная исламская радикальная структура с оригинальными и непрозрачными для мирового сообщества источниками финансирования. Традиционные глобальные криминальные рынки – наркотиков, проституции, контрафакта – не годились для решения этой задачи в силу своей громоздкости, медленного оборота, а главное – тесной взаимосвязи с национальными бюрократиями, коррумпированность которых есть необходимое условие существования криминальных рынков. Проблема решалась только финансовыми потоками быстрыми, почти невидимыми и принципиально недоступными для контроля со стороны национальных бюрократий.

Необходимо отметить, что исламский мир обладает превосходной теневой финансовой структурой, известной как «хавала». Ее история насчитывает несколько сотен лет, она построена на принципе отсутствия документирования финансовых операций и позволяет перебрасывать денежные средства из страны в страну практически моментально – по телефонному звонку с кодовой фразой. Наличие такой системы было просто подарком для проектировщиков «международного исламского терроризма», но «хавала» имела один существенный недостаток. Она была хороша как секретная платежная система, но не годилась как источник прибыли, которая могла бы быть инвестирована в мировую террористическую войну. Как известно, Коран запрещает брать проценты с финансовых операций. «Хавала» формально нарушает этот запрет, но только в объеме, необходимом для ее собственного функционирования, фактически только для содержания института операторов – «хаваладаров» и компенсации накладных расходов. Реально это 1–3% от суммы транзакции. Свободного денежного потока она практически не генерирует. Для

создания независимой экономики «международного исламского терроризма» в «хавалу» требовалась впрыснуть свежую финансовую кровь, обеспечивающую необходимый для инвестиций в новый проект профит.

Сегодня невозможно назвать имя гения, который предложил скрестить «хавалу» с бездокументарным оборотом алмазов, с принципом «Мазал У'Браха». Был ли он хасидом или шахидом – кто знает? В конце концов, обе системы – бездокументарных сделок с алмазами и бездокументарных переводов и платежей – были изобретены в семитском мире, правда, на разных его полюсах. А может это был тот, кто блестяще знал алмазный бизнес и одновременно принадлежал к числу изобретателей «международного исламского терроризма», тот, кто понимал острую необходимость возникновения новой «империи зла», поскольку был одним из авторов ликвидации империи старой?

Как бы там ни было, но в самом начале 90-х годов XX столетия в алмазоносных странах Африки появились представители спецслужб Саудовской Аравии – страны, которая со времен «пакта Куинси» являлась проводником интересов англосаксонских клубов на Ближнем Востоке и которой конструкторами «международного терроризма» отводилась роль непосредственного исполнителя этого проекта. Одним из главных действующих лиц в процессе освоения «международным терроризмом» алмазного трафика стал полковник Службы Общей разведки Саудовской Аравии Азиз бин Саид бин Али аль-Гамди, позднее получивший известность в прессе под именем Абу аль-Валид.

Абу аль-Валид прибыл в Анголу в самом начале 90-х, по одним данным – в 1991 г., по другим – в 1993 г. Он работал в этой стране довольно долго – до 1995 г. Целью его командировки было установление контактов с людьми оппозиционной УНИТА, занимающихся нелегальным экспортом ангольских алмазов в Антверпен, и одновременно с функционерами законного правительства Эдуарду душ Сантуша, курирующими официальную добычу алмазов. Следует заметить, что «алмазный отдел» УНИТА в Антверпене и представители законного ангольского правительства в Бельгии находились между собой в нормальных деловых контактах, в то время как их боевые подразделения жесточайшим образом уничтожали друг друга в ангольских джунглях.

Направление Абу аль-Валида саудовской разведкой именно в Анголу не случайно. В Академии национальной гвардии в Эр-Рияде его готовили как специалиста по деятельности советских и российских спецслужб, а с 1975 по 1991 г. Ангола находилась в зоне жизненно важных интересов Советского Союза, и значительное число функционеров как легального правительства, так и оппонирующей ему УНИТА, интересующих саудовскую разведку, являлись агентурой советских спецслужб, прошли профессиональную подготовку в СССР и свободно говорили на русском языке, которым Абу аль-Валид владел превосходно.

Пока Абу аль-Валид внедрялся в алмазный трафик в Анголе – стране-производителе, саудовская разведка интенсивно работала в Бельгии – основной торговой площадке «свободного» алмазного рынка. В 1995 г. ряд европейских газет с удивлением отметили, что из европейских стран именно Бельгия отчего-то является наиболее привлекательной для радикальных исламских организаций. Именно в Бельгии обосновалась штаб-квартира «Европейской арабской лиги», и эта ор-

ганизация стала оказывать постоянное давление на хасидскую общину Антверпена, традиционно занимающуюся алмазным бизнесом. «Европейская арабская лига» является филиалом «Всемирной исламской лиги», созданной еще в 1962 г. саудовским королем Фейсалом. Программа «Европейской арабской лиги» включала требования квот для мусульман в государственных учреждениях Бельгии, в первую очередь – в силовых структурах, ислам в качестве государственной религии, арабский язык в качестве государственного. В ее задачи входила также организация в Антверпене собственных силовых формирований – так называемой арабской общественной милиции. Сайты этой организации были переполнены антисемитскими материалами, были отмечены случаи нападения членов «Европейской арабской лиги» на евреев и попытки поджога синагог. Беспрецедентная активность саудовцев в Бельгии заставила европейских журналистов именовать Антверпен «бельгийским халифатом», но истинный смысл этой экспансии в середине 90-х был ясен очень немногим.

К концу 1995 г. внедрение саудовской разведки в алмазный трафик Луанда – Антверпен было успешно завершено. Абу аль-Валид из Анголы прибыл в Чечню, где занялся организацией и финансированием тренировочных баз боевиков: только в 1996–1997 гг. им было создано четыре мощных лагеря подготовки диверсантов. Рабочим контактом Абу аль-Валида в Чечне стал глава Службы внешней разведки Ичкерии Хож-Ахмед Нухаев. С подачи Абу аль-Валида Нухаев был представлен крупнейшему оператору глобального рынка оружия саудовскому миллиардеру Аднану Хашогги, представлявшему в США интересы Saudi bin Laden Group, а на арабском Востоке – элиту американского ВПК, концерны «Локхид», «Нортроп», «Рейтеон». Весной 1997 года Хашогги представил Нухаева своему партнеру по инвестиционной компании Carlyle Group Джеймсу Бейкеру (госсекретарь США в 1989–1992 гг., руководитель выборных кампаний Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего). В апреле 1997 г. в Вашингтоне Нухаевым была зарегистрирована «Кавказско-американская торгово-промышленная палата». По протекции Бейкера Нухаеву было присвоено звание почетного гражданина г. Остин – столицы штата Техас. В июне 1997 г. Хашогги выступил с заявлением о намерении создать «Кавказский инвестиционный банк», который должен был обслуживать операции «Кавказско-американской торгово-промышленной палаты». Должность вице-президента этой организации занял близкий к президенту Д. Бушу Фредерик М. Буш.

Несмотря на то что к проектам Нухаева проявили интерес немало VIP, например М. Тетчер, Дж. Вульфенсон, А. Макальпайн и др., никаких легальных инвестиций он привлечь не смог. Однако структуры Нухаева стали превосходной ширмой, прикрывающей эффективную работу теневого алмазного трафика, организованного саудовской разведкой и использующегося для накачки Чечни высокоточным оружием, диверсионной и разведывательной аппаратурой, современными средствами связи, полевыми госпиталями, униформой, снаряжением, отлично подготовленными арабскими инструкторами и диверсантами. По оценке главы контрразведки Ичкерии Лечи Хултыгова, общий объем этих поставок составил более 740 млн. долл. США. Так состоялся один из самых кровавых раундов «мировой террористической войны».

Использование ангольского алмазного трафика саудовской разведкой – один из наиболее ярких примеров обслуживания алмазным рынком нужд «мирового

терроризма», но далеко не единственный. По данным израильской контрразведки ШНАВАК, начиная с 1995 г. в операции с алмазами были вовлечены ХАМАС, «Хезболла», «Бригады Изаддина аль-Касама», «Братья-мусульмане» и другие радикальные арабские организации. Организационный триумф этого процесса пришелся на 2002 г., когда в Объединенных Арабских Эмиратах была создана Дубайская алмазная биржа. Это событие означало ликвидацию последних барьеров на пути слияния «хавалы» и алмазного рынка.

Еще в марте 2001 г. Госдепартамент США опубликовал ежегодный доклад «International Narcotics Control Strategy Report». В нем отмечается, что Объединенные Арабские Эмираты (Дубай), Индия и Пакистан образуют так называемый «треугольник “хавалы”» бездокументарной финансовой системы, пронизывающий мусульманский мир сверху донизу и по горизонталям. В качестве залоговых активов в «хавале» используются наличные деньги, драгоценные металлы и камни. С оценкой драгметаллов на Арабском Востоке проблем не бывает, поскольку в качестве операторов «хавалы» обычно выступают владельцы ювелирных лавок. В Дубае находится один из самых больших в мире розничных рынков золота «Сук аз-захаб», на котором вне какого-либо государственного контроля работают тысячи мелких операторов. ОАЭ – мировой лидер по потреблению золота на душу населения. Примечательно, что после атаки США на Афганистан осенью 2003 г. золото талибов было переправлено через Карачи именно в Дубай, поскольку Объединенные Арабские Эмираты были одним из трех государств мира, установивших с талибами дипломатические отношения.

Несмотря на очевидную свободу действий радикальных арабских организаций в ОАЭ (по данным спецслужб США, организатор теракта 11 сентября в Нью-Йорке Мухаммад Атта большую часть денег на эту операцию получил из Дубая. Первый пилот, протаранивший южную башню ВТЦ, Маруан аш-Шеххи, был подданным ОАЭ), создание Дубайской алмазной биржи было с энтузиазмом встречено участниками мирового алмазного рынка, и она стремительно начала увеличивать обороты буквально с первых дней своего существования. До сих пор использование алмазов в качестве залогового актива в «хавале» ограничивалось серьезной технической проблемой: оценка алмаза, в отличие от золота, требует чрезвычайно высокой квалификации. В арабском мире таких специалистов практически не было, с открытием Дубайской алмазной биржи эта проблема была снята. Теперь алмаз мог быть полезен арабским радикалам не только и не столько в качестве инструмента, концентрирующего в предельно малом объеме максимально возможную стоимость, к тому же легко транспортируемого и не обнаруживаемого никаким детектором. Отныне окончательно исчезла необходимость возить кристаллы через границы – достаточно было внести алмазы как залог оператору «хавалы» в Дубае, чтобы в течение нескольких часов эквивалентная сумма была получена доверенным контрагентом, например, в Грозном, Нью-Йорке, Мадриде или Москве. «Международный исламский терроризм» получил свою экономику и таким образом стал реальным политическим игроком.

Но создание новой «империи зла» означало решение лишь половины задачи. Теперь нужно было создать эффективный механизм борьбы с новорожденным монстром. Сочетание глобального управляемого противника и адекватных средств его подавле-

ния является необходимым условием контроля над мировыми ресурсными рынками – эта аксиома лежала в основе проектов «Третий рейх» и «СССР». И противодействии «международному терроризму» развивалось в точном соответствии с ней.

В 1998 г. никому доселе не известная британская некоммерческая организация (НКО) Global Witness (GW) опубликовала сенсационный доклад о внедрении исламских террористов в алмазный бизнес. В этом документе приводились многочисленные имена функционеров радикальных организаций, маршруты их передвижения по алмазоносным странам Африки, ксерокопии их личных документов и авиабилетов, состав контактов и содержание переговоров с представителями алмазного бизнеса. Объем и детализация доклада не оставляли сомнения в том, что источниками данных для него могли быть только спецслужбы – как государственные, так и ведущих алмазодобывающих корпораций. Едва алмазный рынок оправился от шока, вызванного докладом GW, как эта организация и ряд поддержавших ее НКО из стран Британского содружества выступили с оригинальной инициативой: для того чтобы остановить проникновение «международного терроризма» в алмазный рынок, необходимо создать глобальную надгосударственную структуру, обладающую правами регулятора – возможностью блокировать алмазный бизнес в той стране, которую этот регулятор по каким-либо причинам сочтет поддерживающей «международный терроризм», а также нарушающей «права человека» и т.п. Так было положено начало «Кимберлийского процесса» – «общественного движения», быстро трансформирующегося в транснациональную бюрократическую структуру, формальной целью которой является изгнание из цивилизованного рынка потока «конфликтных» или «кровавых» алмазов, способствующих финансированию криминальных и террористических организаций. Разумеется, такая благородная инициатива моментально нашла поддержку ООН, и уже через пару лет после упомянутого доклада GW мировой алмазный рынок перешел в новое качество – отныне государства, не включившиеся в «Кимберлийский процесс» и не выполняющие требования принятых в его рамках документов, исключаются мировым сообществом из международной торговли алмазами. Подобное прямое управление глобальным ресурсным рынком с помощью «общественного регулятора» ранее не имело прецедента – вновь алмазный рынок выступил в качестве полигона для клубного эксперимента.

Вскоре последовала закономерная попытка сделать опыт «Кимберлийского процесса» универсальным, перенести эту схему управления на другие ресурсные рынки, прежде всего на рынок нефти. Наиболее полно концепция управления ресурсными рынками через «борьбу» с «международным терроризмом» была сформулирована в программном документе GW «Нервы войны», на котором стоит остановиться подробнее.

Итак, инициаторы «Кимберлийского процесса» полагают, что:

- источником современных локальных конфликтов являются природные ресурсы, находящиеся на территориях стран, вовлеченных в конфликт;
- этот же источник является финансовой базой «международного терроризма»;
- способность сторон конфликта к его продолжению и интенсификации зависит от возможности продвигать эти ресурсы на внешние рынки и получаемую прибыль использовать для приобретения оружия, боеприпасов и другого имущества,

необходимого для вооруженной борьбы, в том числе для террористической деятельности;

– блокада со стороны цивилизованного мирового сообщества доступа на мировые рынки природных ресурсов из зон конфликта однозначно ведет к прекращению этого конфликта в связи с потерей источников финансирования;

– приведенные посылки являются универсальными, распространяемыми практически на все современные локальные конфликты (в «Нервах войны» рассматривается около 20 стран) и на все виды ресурсов «конфликтных территорий», востребованных мировыми рынками.

Эта механистическая модель, удивительным образом напоминая классические марксистские работы, обладает несомненной привлекательностью в силу ее простоты и безупречной, на первый взгляд, логики. Она превосходна в качестве пропагандистского инструмента, но на самом деле является всего лишь ширмой, удачно скрывающей процессы, природа которых не может быть объяснена подобными примитивными посылками.

Действительно, в современном мире существуют многочисленные вооруженные конфликты, развивающиеся на территориях, либо вообще лишенных природных ресурсов, востребованных мировыми рынками, либо располагающих ничтожным количеством таковых, ни в коей мере не соответствующим интенсивности и продолжительности конфликта. В «Нервах войны» содержится таблица «Гражданские войны, обусловленные природными ресурсами», где в первой строке приводится Афганистан, а в качестве «природных ресурсов», соответствующих вооруженному конфликту в этой стране, – «драгоценные камни и опиум».

Если следовать этой логике, то необходимо признать, что дорогостоящая и масштабная война в Афганистане, продолжающаяся практически без перерыва уже более 30 лет, война, в которой принимали и принимают самое непосредственное участие СССР, Пакистан, Саудовская Аравия, США, вызвана странным желанием контролировать более чем скромные запасы дешевого лазурита и заросли опиумного мака. Последний «природный ресурс», кстати, не является присущим исключительно Афганистану, а при известной сноровке участников этого специфического рынка может выращиваться в том числе в окрестностях Москвы, Лондона или Вашингтона. Очевидно, что реальные причины афганского конфликта имеют мало общего с «природными ресурсами», которые Афганистан может предложить на мировые рынки.

В модель GW не вписываются, например, палестино-израильский конфликт (на этих территориях вообще нет никаких природных ресурсов, востребованных мировыми рынками), балканские конфликты, конфликты на постсоветском пространстве (какими значимыми природными ресурсами обладают Северная Осетия или Нагорный Карабах?). Тем не менее в зоны подобных «безресурсных» конфликтов исправно в большом количестве поступает современное оружие, и незаконные вооруженные формирования подчас являются самыми боеспособными соединениями в соответствующих регионах. Очевидно, что эти поставки оружия не могут быть прекращены с помощью блокады несуществующих ресурсных потоков.

Ангола и Демократическая Республика Конго (ДРК) в первом приближении вписываются в модель GW сегодня идеально. Но если взглянуть на ретроспекти-

ву вооруженных конфликтов в этих странах, становится очевидно, что их первоначальные причины лежат совершенно в иной плоскости. Группировки, участвующие в гражданской войне, вспыхнувшей в Анголе в 1974 г. после получения независимости, финансировались и вооружались СССР и Западом вовсе не в качестве платы за ангольские нефть и алмазы. Поставки современного оружия на миллиарды долларов в течение 15 лет, финансирование 40-тысячного кубинского экспедиционного корпуса, подготовка тысяч ангольских специалистов в СССР – эти колоссальные расходы искупались не ангольскими природными ресурсами, а возможностью использовать территорию Анголы (прежде всего протяженное атлантическое побережье) для обеспечения деятельности советской глобальной системы Морской космической разведки и целеуказания (МКРЦ «Легенда») – ассиметричного средства, позволяющего в известной степени нейтрализовать авианосные группировки США в Атлантике. И самое главное – конфликт в Анголе был прекращен вовсе не из-за блокады продаж алмазов, находящихся под контролем группировки УНИТА. В распоряжении этой организации находились ресурсы, позволяющие продолжать войну еще добрый десяток лет. Но в феврале 2002 г. в результате хорошо скоординированной операции спецслужб трех заинтересованных государств был уничтожен лидер УНИТА Жонас Савимби, а непосредственно перед этой акцией были достигнуты соответствующие договоренности с его потенциальными преемниками. Этого оказалось вполне достаточно для прекращения почти 30-летнего конфликта. Очевидно, что рассматриваемая модель GW здесь совершенно ни при чем.

Что же касается ДРК, которую населяют более 450 народностей и племен, то там межплеменная резня имеет многовековые корни и происходила задолго до появления первых европейцев в Африке. Искусственная тонкая оболочка «демократической республики» скрывает систему отношений, характерную для Европы примерно XII в., с соответствующими ценностными представлениями. Безусловно, автомат Калашникова – существенно более эффективное оружие, чем лук и стрелы, но эксперты, хорошо знакомые со спецификой родоплеменных отношений в Конго, практически единодушны во мнении, что в случае блокирования поставок современного оружия (что даже гипотетически трудно представить, учитывая неконтролируемую границу с Замбией) в ход пойдет любое, вплоть до традиционного.

Приведенные выше соображения, конечно, не являются отрицанием того факта, что начиная с 90-х годов XX столетия и по сей день многие вооруженные конфликты в Африке, а также «международный исламский терроризм» подпитываются за счет нелегального алмазного трафика. Но это обстоятельство не объясняет ни историю, ни подлинные причины этих конфликтов и справедливо лишь для исторически короткого временного интервала.

Следовательно, нет никакой уверенности, что с ликвидацией нелегального алмазного трафика эти конфликты будут исчерпаны. Более того, лишение населения этих стран доходов, которые дает им теневой алмазный трафик, способно спровоцировать эскалацию существующих конфликтов. Там, где сейчас убивают за алмазы, будут убивать за миску риса, предоставленного гуманитарными миссиями.

Наконец, нельзя не коснуться ряда современных конфликтов, действительно тесно связанных с природными ресурсами, но в тоже время окончательно опровергающих модель GW.

Нигерия входит сегодня в первую десятку мировых добытчиков нефти и является членом ОПЕК. Добыча ведется в дельте реки Нигер компаниями Royal Dutch Shell, Agip и Total с нефтяных платформ, соответственно транспортировка осуществляется танкерным флотом. Уровень ежедневной добычи превышает 2 млн. баррелей в сутки. В мангровых лесах дельты Нигера обитает племя айджо, традиционным занятием которого является рыболовство. Лидеры этого племени находятся в оппозиции к правительству Нигерии, декларируя, что айджо практически лишены своей доли национального нефтяного «пирога». Племя имеет несколько боевых организаций, крупнейшей из которых («Добровольческие народные силы дельты Нигера») руководит Муджахид Докубо-Асари. Боевики айджо исповедуют ислам и с полным основанием могут считаться одним из передовых отрядом «международного исламского терроризма». Боевые организации айджо перманентно угрожают нефтяным платформам и на протяжении многих лет находятся в состоянии вооруженного конфликта с правительственными войсками Нигерии.

Казалось бы, классическая для модели GW ситуация: африканская страна, богатая природными ресурсами, с коррумпированным правительством, нищим страдающим населением, незаконными вооруженными формированиями, и причина всему этому кошмару – крайне востребованная мировым рынком нефть. Все составляющие налицо. Но...

Племя айджо не экспортирует нефть. Даже если моджахеды айджо захватят нефтяные платформы и станут выкачивать из родной дельты Нигера лишний миллион баррелей, им просто некуда будет его деть – придется захватывать танкерный флот и т.д. Это, конечно, фарс. Но за этим фарсом кроется тщательно игнорируемая аналитиками нефтяного рынка загадка. Племя айджо очень бедно – доходов от рыболовства хватает только, чтобы не умереть с голоду. И в тоже время племя айджо прекрасно вооружено – едва ли не лучше, чем правительственные войска Нигерии. Племя айджо имеет стрелковое оружие бельгийского, французского и американского производства последних модификаций, быстроходные катера-охотники с моторами Yamaha и BMW самых совершенных моделей, крупнокалиберные пулеметы, гранатометы и даже ПЗРК. С таким арсеналом племя айджо действительно способно угрожать нефтяному бизнесу в дельте Нигера. Кто и зачем поставляет племени айджо современное оружие? И какими «природными ресурсами» (не угрями же?) платит за него племя айджо?

Изучая эту проблему, некоторые эксперты пришли к довольно циничному выводу: неграмотное в целом племя айджо отчего-то прекрасно разбирается в нефтяных фьючерсах и каким-то образом держит руку на пульсе биржевой игры. Практика показывает, что племя айджо выезжает из мангровых зарослей на катерах Yamaha и подвергает интенсивному обстрелу нефтяные платформы (а за компанию и правительственных полицейских) именно в тот момент, когда все остальные средства игры на повышение на мировых нефтяных биржах исчерпаны. Племя айджо неизменно добивается успеха – очередное громкое заявление Муджахиды Докубо-Асари о новом раунде гражданской войны в Нигерии, подкрепленное десятком гранат, выпущенных по нефтяной платформе, сотней-другой убитых правительственных солдат, а также несколькими публикациями в авторитетных деловых изданиях, неизменно подбрасывают биржевую стоимость сортов Bonny Light и

Forcados на пару долларов вверх, что в итоге весьма позитивно сказывается на балансе Royal Dutch Shell, Agip, Total и играющих на повышение биржевых спекулянтов. Учитывая последнее обстоятельство, вопрос «Откуда у племени айджо современное оружие?» представляется риторическим.

После окончания первой чеченской войны в 1996 г. Чечня получила независимость de facto и все ее нефтяные ресурсы контролировались правительством Яндарбиева – Масхадова. Торговля чеченской нефтью шла свободно, и вся прибыль доставалась чеченским структурам. Ни Масхадов, ни Яндарбиев новой войны с Россией не хотели, они обоснованно считали ее бессмысленной. Зачем потребовался провокационный рейд Басаева и Хаттаба в Дагестан в 1999 г.? Кто развязал вторую чеченскую войну и с какой целью? Разве борьба за чеченскую нефть была ее причиной, а сама эта нефть – источником финансирования? Нет, Чечня в 1996–1999 гг. была накачана оружием, деньгами, инструкторами и агентами саудовских спецслужб с главной задачей – развязать долгосрочный и масштабный гражданский конфликт в одном из крупнейших мировых экспортеров нефти – в России. Это было частью стратегии неоконов, направленной на тотальное повышение биржевых цен на углеводороды, цена рванула вверх именно с 1999 г. И никакая блокада продаж чеченской нефти не остановила бы эту войну.

Два приведенных выше примера являются убедительным доказательством, что современный локальный конфликт может использоваться как средство эффективной регуляции и управления глобальным рынком (в данном случае – нефти) в интересах известных транснациональных игроков. В этом случае блокирование продаж добываемых сторонами конфликта (или одной из сторон) природных ресурсов либо просто бессмысленно, поскольку не является инструментом, влияющим на подлинную причину конфликта либо соответствует интересам внешнего транснационального игрока, заинтересованного в эскалации конфликта, как в средстве, влияющем на мировые цены ресурса, но ни в коем случае не служит средством, останавливающим конфликт, и тем более не способствует позитивному развитию «конфликтной территории».

В период становления «Кимберлийского процесса» некоторые авторитетные специалисты алмазно-бриллиантовой отрасли высказали ряд здравых суждений о подлинных причинах этой инициативы. Например, в интервью изданию RBC daily, данному в октябре 2004 г. по случаю открытия в Нью-Йорке Всемирного алмазного совета, вице-президент Ассоциации российских производителей бриллиантов А. Эвоян утверждал, что «уже сейчас появление на рынке конфликтных алмазов благодаря жесткому контролю крайне маловероятно. То есть сама проблема камней из горячих точек явно раздута непропорционально своему значению для алмазного рынка. Да и аргумент, согласно которому на деньги, полученные от продажи “грязных алмазов”, покупается оружие, также неубедителен. Ведь тогда гораздо логичнее бороться с незаконной торговлей оружием, однако этот рынок почему-то никто всерьез не трогает». По мнению Арарата Эвояна, «Кимберлийский процесс» был инициирован и продвигается через неправительственные организации, прежде всего, усилиями США. «В Америке продается 60% всей алмазной продукции, поэтому игнорировать мнение американцев никто не может. Тему “грязных” камней постоянно поднимают Amnesty International и другие неправительственные организа-

цин, Кимберлийский процесс тесно связан с процессом глобализации. Алмазный рынок очень хорошо организован, и его легко контролировать. США хотят отработать на Кимберлийском процессе схему взятия под полный контроль движения товаров. Путем сертификации можно контролировать объемы «на входе и выходе». В будущем это может быть нефть, сталь и прочие товары. Это элемент американского проекта глобализации», – считает Арарат Эвоян. В принципе эта точка зрения не далека от истины, особенно точно замечание в отношении оружейного рынка. Однако она требует некоторого уточнения, поскольку «американский проект глобализации» – слишком расплывчатая характеристика, не позволяющая продвинуться в понимании интересов конкретных участников процесса.

В основании аргументов, высказываемых как pro, так и contra «Кимберлийского процесса», часто фигурирует цифра 4%. Якобы именно такова была доля «кровавых алмазов» в мировом обороте алмазного сырья на момент старта этого движения и именно этот объем стал основой экономики «международного терроризма». Некоторые эксперты считали эту цифру внушительной, другие, подобно А. Эвояну – напротив, мизерной, но вряд ли кто может ответить на вопрос, откуда вообще она взялась. Почему 4%, а не 14 или 0,4%? В многочисленных публикациях есть ссылки на экспертные оценки, но нам не удалось найти никаких расчетных методик, сколь-нибудь убедительно обосновывающих этот загадочный показатель.

Здравый смысл заставляет предположить, что определить (хотя бы с точностью до процента) размер потока «конфликтных алмазов», потока, состоящего из очень многих крупных и мелких ручейков, могла только структура, которая специально ставила своей задачей этот поток как минимум «видеть» и как максимум контролировать. Такой мотив, а главное, такие возможности были только у одного участника мирового алмазного рынка – корпорации «De Beers». Действительно, в аналитическом бюллетене ПИР-центра «Вопросы безопасности», изданном в сентябре 2000 г., в разделе «Россия и проблематика конфликтных алмазов» именно эксперты «De Beers» называются в качестве авторов подобных оценок.

Парадоксально, но подлинную ясность в проблему внесла сама Global Witness, обвинив в декабре 1998 г. «De Beers» в закупках алмазов у африканских незаконных вооруженных формирований (НВФ) в период 1992–1998 гг. на сумму \$3,7 млрд. Несложно определить, что эта цифра в пересчете на ежегодный объем рынка сырых алмазов в указанный период и дает приблизительно 4%. Несмотря на то что «De Beers» публично отвергла сами обвинения, ее эксперты не оспаривали пресловутые 4%, и все остальные участники рынка априори согласились с этой цифрой. Примечательно, что GW не раскрывает источники, сообщившие ей многолетние и точные данные о закупках «кровавых алмазов» «De Beers». Но совершенно очевидно, что эта информация не могла быть результатом собственного мониторинга GW, поскольку в начале исследуемого периода (1992) этой организации просто не существовало, да и алмазной проблематикой она занялась только с 1998 г. Остается предположить, что эта весьма скромная на тот момент неправительственная организация имела агентурные источники в недрах одной из самых закрытых транснациональных корпораций, известной среди специалистов соответствующего профиля выдающейся эффективностью своих превентивных служб. Причем эти источники находились в самой щепетильной и, соответственно, информационно за-

щищенной области, где содержались данные о закупке сырых алмазов у африканских НВФ с целью регуляции давления на монополизированный «De Beers» рынок. Очевидно, это предположение невероятно. Гораздо более правдоподобна другая гипотеза – данные в \$3,7 млрд. за период в 7 лет (или 4% от ежегодного оборота рынка сырых алмазов) были любезно предоставлены британским правозащитникам самой корпорацией «De Beers» и реально характеризуют не объем трафика «кровавых алмазов», но долю «De Beers» в этом трафике, что, согласитесь, – несколько разные вещи.

Итак, 4% «кровавых алмазов» на рынке – это то, что «De Beers» закупала у африканских НВФ. Исчерпывался ли реальный поток этой цифрой? На наш взгляд, – нет. На этом рынке работали (и что печально, продолжают интенсивно работать) десятки бельгийских, израильских, украинских и прочих компаний, а также предприятий неопределенной принадлежности, типа фирм легендарного Виктора Бута. Кто может с достоверностью определить объем этого трафика? Может ли, например, статистика правоохранительных органов лежать в основе таких определений? Что, разве всех поймали? Или кто-то (может GW?) имеет внедренную агентуру в десятки организаций, практикующих «серый» и «черный» алмазный бизнес? И эта агентура выдает данные в некий единый центр? Очевидно, что точный объем нелегального алмазного трафика не может определить никто.

В структуре мирового алмазного рынка существует много «серых» и «черных» каналов, финансовая энергия которых действительно активно используется криминальными и террористическими структурами. Но эти каналы странным образом ускользают от внимания «Кимберлийского процесса». В период 1996–1998 гг. в России произошел массовый сброс стоков Гохрана через систему так называемых «совместных оградочных предприятий», которые использовали для доставки этого сырья на мировой рынок полукриминальные и откровенно криминальные методы. Объем этих операций оценивался экспертами примерно в \$ 0,3–0,5 млрд. в год и мог бы существенно повлиять на пресловутые 4%, но не заинтересовал отцов-основателей «Кимберлийского процесса», несмотря на то что «De Beers» подвергла санкциям несколько сайтхолдеров, на которых пали подозрения по участию в «сером» экспорте из России.

Технология, с помощью которой «Кимберлийский процесс» борется с «кровавыми алмазами», также вызывает недоумение. Так называемая «система сертификации КП» по сути представляет собой бюрократическую процедуру, на самом деле эффективную только в развитых странах с законопослушным населением. Люди, знакомые с реалиями Конго, Анголы, Либерии, Армении и т.п. стран, согласятся, что подделка сертификатов КП и выстраивание соответствующего коррумпированного таможенного канала не представляет сколь-нибудь серьезной проблемы для действующих здесь мощных и энергичных криминальных структур. Позволим себе сравнение с наиболее бюрократизированным и контролируемым оружейным рынком – здесь действует «сертификат конечного пользователя», который в известной степени можно считать аналогом «сертификата КП». Но никто не будет оспаривать тот факт, что, несмотря ни на какие сертификации и контролирующие усилия национальных и транснациональных бюрократий, «горячие точки» планеты не испытывают ни малейшего недостатка в современном оружии. И это при том, что

провести «черную» или «серую» оружейную поставку неизмеримо труднее, чем алмазную, хотя бы просто в силу физических характеристик товара. Бюрократизация рынка на самом деле всего лишь увеличивает его коррумпированность. Для того чтобы по настоящему эффективно бороться с теневыми потоками (не важно – оружия, алмазов, наркотиков), нужны политическая воля и соответствующим образом подготовленные спецслужбы – история с ликвидацией Жонаса Савимби блестяще подтверждает этот тезис.

Таким образом, следует признать, что подлинный интерес «Кимберлийского процесса» сосредоточен не на изучении реального мирового теневого алмазного трафика и разработке эффективных методов его блокады, но на регуляции стихийных поставок алмазов из совершенно определенных стран Африки, в первую очередь Анголы, Либерии, Сьерра-Леоне, ДРК, где запасы алмазов наиболее высоки, а добыча не подконтрольна «De Beers».

Если сопоставить хронологию (1998–2001) следующих событий:

- уход «De Beers» из этих стран;
- развитие проектов конкурентов «De Beers» в этих странах, прежде всего АЛ-РОСА, группы Леваева и группы Гертлера;
- получение GW данных о закупках «De Beers» «кровавых алмазов» у африканских НВФ;
- экспансию «De Beers» в Канаде, включая установление контроля над месторождением Снэп-Лейк;
- декларацию «De Beers» о прекращении монопольной регуляции алмазного рынка;
- энергичный старт «Кимберлийского процесса», то можно вполне сочувственно отнестись к эмоциональному утверждению крупного эксперта алмазного рынка Мартина Рапапорта: «GW с их шокирующе провокационной кампанией “Blood Diamond” буквально гонит клиентов к алмазам “De Beers” и Канады – прочь от старателей. Эта кампания GW убьет немаркированные алмазы, так что крупные горные компании смогут продвигать свои бренды и освободиться от мелких».

В период 2000–2006 гг. благодаря инициативам прежде всего GW были действительно в той или иной степени блокированы потоки алмазов из Анголы, Либерии, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуара. Не подлежит сомнению, что эти алмазы связаны с конфликтами, коррупцией, эксплуатацией детского труда. Но по странному стечению обстоятельств, средняя стоимость одного карата алмазов, добываемых в этих странах, находится в том же диапазоне (\$120–145), что и алмазов, добываемых «De Beers» на новых месторождениях Канады и в Танзании. Объективно получается следующая картина: интенсивный рост добычи на перспективных месторождениях, контролируемых «De Beers», одновременно сопровождался блокадой товара той же ценовой категории из стран Западной Африки, где присутствие «De Beers» практически равно нулю. Является ли это совпадение случайным? С кем на самом деле идет борьба – с гражданскими конфликтами и «международным терроризмом» или с конкурентами? За что идет борьба – за гуманитарные ценности или за удержание цен?

История алмаза насчитывает немало кровавых страниц. Так называемые «исторические алмазы», например «Шах» или «Регент», буквально выкупаны в челове-

ческой крови. С алмазами прочно связаны захватывающие авантюрные истории, интриги, борьба, предательство, убийства, войны, стремительные и несправедливые обогащения и катастрофические разорения. Эти камни – лучшие друзья не только девушек и королей, но и кинематографических, литературных и реальных шпионов, диверсантов, гангстеров и террористов. Аура интриги – неотъемлемое свойство этого кристалла, она творение самой Истории, она реальная и возможно, главная составляющая понятия «алмаз», эта аура создана десятками поколений, на нее поработал талант многих выдающихся мастеров пера и камеры. Если на одном аукционе выставить два практически совпадающих по оценочным характеристикам бриллианта, но к одному приложить красивую сказку в виде сертификата о древнем происхождении, романтических приключениях и трагических насильственных смертях десятка бывших владельцев, а к другому – справку, что он изготовлен в прошлом году на заводе «Кристалл» (г. Гомель) из алмаза, добытого на месторождении имени XXIII Съезда КПСС – какова будет разница в цене?

В наш век политкорректности приведенные аргументы не могут служить материалом для лобовых рекламных кампаний, да это и не требуется – надежная основа заложена предыдущими столетиями. «Кровь» и «алмаз» понятия неразделимые на глубоком уровне подсознания потенциального покупателя бриллиантов, это сочетание – почти инстинкт. Энергия эстетики крови, эстетики трагедии и интриги была, есть и будет всегда неизмеримо сильнее пресного наслаждения условной красотой, вяло ассоциированной с банальными ухаживаниями. Массовый покупатель бриллиантов, тот, кто делает рынок, – современный американец, японец, европеец, чья жизнь в постиндустриальном обществе жестко регламентирована и скучна настолько, что требует повседневного мощного допинга в виде компьютерных игр, голливудских сказок и телевизионных суррогатов, этот покупатель на самом деле глубинами своего подсознания ощущает в бриллианте вовсе не какое-нибудь дурацкое «северное сияние», обещанное примитивной рекламой. Нет, там, внутри этого брутального кристалла идет англо-бурская война, там «Копи царя Соломона», Джеймс Бонд и родезийские наемники, там короли, фаворитки и мушкетеры, обольстительные красавицы, элегантные разведчики и лихие контрабандисты, там звездные Николас Кейдж и Леонардо Ди Каприо. Там кровь. А без нее – это просто кусок кристаллического углерода. Не о чем говорить.

Да, судя по всему, «Кимберлийский процесс», эта оборотная сторона «международного терроризма», есть не что иное как новейший механизм регулирования рынка в интересах старого доброго монополиста, так сказать, «ноу-хау эпохи глобализации». Объективно это так, какими бы мотивами ни руководствовались отдельные участники.

Крушение белой ЮАР

Создатель алмазной монополии «Де Бирс» и первого неформального надгосударственного элитарного клуба «Круглый стол» Сесил Родс был последовательным расистом и своих убеждений не скрывал. Афоризмы типа «Ученый негр, господа, – это крайне опасное существо!» частенько слетали с его уст, и карьера представителей чернокожего населения в «Де Бирс» тех лет строго ограничивалась уровнем кирки и тачки. Основатель горнодобывающего гиганта «Англо-Америкен», член «Круглого стола» и президент «Де Бирс» до 1957 г. Эрнст Оппенгеймер в публичных выступлениях проблему расовых отношений старался не комментировать, но именно в период его руководства «Де Бирс» режим апартеида в ЮАР был сначала установлен *de facto*, а потом и закреплён законодательно. А вот сын Эрнста – Гарри Оппенгеймер (президент «Англо-Америкен» и «Де Бирс» в 1957–1984 гг.) зарекомендовал себя пламенным борцом с режимом апартеида. Представители следующих поколений легендарного клана, Николас Оппенгеймер (нынешний президент «Де Бирс») и его сын Джонатан Оппенгеймер, – горячие поклонники «общечеловеческих ценностей», противники сегрегации, борцы с ксенофобией и т.д. Столь радикальная смена взглядов на расовую проблему, произошедшая среди владельцев эталонного алмазного бизнеса, безусловно, заслуживает внимания, хотя бы потому, что позволяет добавить к описанию механизма управления глобальными ресурсными рынками несколько ярких иллюстраций.

Честь изобретения термина «апартеид» (африкаанс *apartheid* – разделение) принадлежит близкому сотруднику и в известной степени ученику С. Родса, а впоследствии – соратнику Эрнста Оппенгеймера Яну Смэтсу. На биографии этого выдающегося деятеля стоит остановиться подробнее.

Я. Смэтс родился в 1870 г. в Капской колонии, в семье фермеров-африканеров. После окончания Кембриджа вернулся в Южную Африку, занял весьма высокое положение в «Де Бирс» – стал личным юрисконсультom С. Родса и зарекомендовал себя принципиальным последователем и активным пропагандистом его идей: от монопольного управления алмазным рынком до расовой сегрегации. С подачи С. Родса Я. Смэтс стал членом «Круглого стола». Но вскоре произошла удивительная метаморфоза: с началом Англо-бурской войны (1899–1902 гг.) Я. Смэтс пере-

ходит на сторону буров и становится видным военачальником, приближенным бурского лидера П. Крюгера, непримиримого врага Британской империи и «Де Бирс».

Этот странный порыв видного члена «Круглого стола» до сих пор вызывает неоднозначные трактовки. Весьма распространено мнение, что если бы у Крюгера была еще пара генералов, подобных Смэтсу, то Англо-бурская война закончилась бы (разумеется, в пользу англичан), толком не начавшись. Но гипотеза о том, что проекты С. Родса послужили моделями, на которых отрабатывались перспективные механизмы глобального управления, придает «бурскому патриотизму» Я. Смэтса значение, не исчерпывающееся банальным шпионажем. Действительно, Англо-бурская война стала полигоном, на котором отрабатывались новые тактические схемы ведения боевых действий, новые виды вооружений, новые принципы тотального подавления сопротивления гражданского населения. Но кроме рейдов командос, пулеметов, униформы цвета хаки и концлагерей эта первая война XX в. несла в себе новации, которые трудно переоценить. Заказчиком и идеологом войны впервые выступили надгосударственные структуры, ход, а главное – продолжительность боевых действий определялись не военной целесообразностью, а программой долгосрочного планирования, в которой собственно война составляла первый и самый незначительный по времени этап.

Очевидной целью войны был захват корпоративными структурами С. Родса месторождений золота Трансвааля и Оранжевой республики. Военная машина Британской империи, подключенная к решению этой задачи усилиями «Круглого стола», в принципе была способна обеспечить нужный результат максимум за полгода. За первые два месяца войны англичане перебросили в Африку контингент численностью более 120 тыс. солдат, увеличив, таким образом, свою армию почти в 5 раз. Причем ничто не мешало непрерывно наращивать мощь – резервов хватало, и к концу войны численность английского контингента в Южной Африке превышала 400 тыс. человек. Полевая армия буров, включая резервистов и ополченцев, в принципе не могла быть более 50 тыс. человек – просто количество боеспособного населения исчерпывалось этой цифрой. Результат войны был изначально предрешен, несмотря на самоотверженность и высокие боевые качества буров, а также и весьма посредственный уровень английского командования (боевые потери в среднем составляли 1 : 3 в пользу буров). Через полгода после начала боевых действий пала столица Оранжевой республики Блумфонтейн, еще через два с половиной месяца – столица Трансвааля Претория. Регулярная армия буров перестала существовать, города и дороги полностью контролировались англичанами, все усилия П. Крюгера по втягиванию в вооруженный конфликт влиятельного союзника – Германии – успехом не увенчались. Казалось бы, война проиграна вчистую, пора переходить к переговорам.

Но бурское командование развязывает беспрецедентную по длительности, интенсивности и жестокости партизанскую войну. Едва ли не главным инициатором этой совершенно бессмысленной с военной точки зрения акции, гарантировано обреченной на поражение, выступил генерал Ян Смэтс – член «Круглого стола», ученик С. Родса. Если обратиться к мемуарам известных бурских генералов (например, «Война буров с Англией» Христиана Девета), то несложно заметить, что непосредственно в боевых действиях Ян Смэтс участия практически не принимал, од-

нако в штабной и идеологической работе, а особенно – в переговорном процессе с английской стороной его роль трудно переоценить.

На партизанские акции буров англичане закономерно ответили тактикой «выжженной земли», по сути – геноцидом бурского населения: массовыми расстрелами, концлагерями, присвоением статуса «военнопленных» восьмилетним детям. За год этого кошмара в английских концлагерях погибли 26 250 детей и женщин – гораздо больше, чем солдат на полях сражений (боевые потери буров не превышали в целом 6 тыс. человек).

Так была достигнута вторая цель этой войны: буры получили жесточайший урок, надолго отбивший у них желание претендовать на контроль над минерально-сырьевой базой собственной страны. Но захват месторождений и подавление воли буров к сопротивлению отнюдь не являлись конечным результатом проекта – это были лишь стартовые условия. Впереди была кропотливая работа – нужно было создавать и в соответствии с меняющимися обстоятельствами непрерывно модернизировать благоприятную среду развития англосаксонских добывающих корпораций, главной базой которых стала Южная Африка, в этом был залог контроля над глобальными рынками, и это было задачей грядущих десятилетий.

И «дравшийся как лев» против англичан, «перебежчик», «предатель» и идеолог партизанской войны Ян Смэтс не только не был подвергнут каким-либо репрессиям после заключения мирного договора в 1902 г., но получил ранг вице-премьера и букет министерских постов (министр обороны, внутренних дел, горной промышленности) во вновь созданном Южно-Африканском Союзе (ЮАС – будущая ЮАР), в который вошли захваченные англичанами в ходе Англо-бурской войны территории.

Англо-бурская война была «лабораторным экспериментом», испытанием простой модели действий: заставить противника вести войну, которая истощает его потенциал до уровня, не позволяющего ни при каких обстоятельствах восстановить конкурентоспособность в послевоенном мире. И эта же модель много позже была применена к самому грозному конкуренту Англо-саксонских транснациональных корпораций и контролирующих их надгосударственных структур. Как Смэтс у Крюгера, у Адольфа Гитлера появится свой ближайший советник – член «Круглого стола» Ялмар Шахт. Рейхсминистр экономики и президент Рейхсбанка, он был одним из главных архитекторов Третьего рейха. И одновременно партнером Монтегу Нормана, Эрнста Оппенгеймера, Яна Смэтса и прочих достойных джентльменов по «Круглому столу». Я. Шахт создал мощнейшую финансово-экономическую систему гитлеровской Германии, настолько сильную, что Третий рейх смог на удивление долго противостоять Союзникам, и это затянувшееся противостояние в конце концов настолько истощило Германию, что она утратила все шансы на долю в контроле над мировыми ресурсными рынками в послевоенном мире. Как главный военный преступник Я. Шахт предстал перед Нюрнбергским трибуналом. Разумеется, он был полностью оправдан.

Система расовой сегрегации, энергично разрабатываемая Я. Смэтсом с момента его появления в окружении С. Родса и впоследствии оформленная в режим апартеида (формально Я. Смэтс ввел этот термин в оборот в 1917 г.), была ключевым фактором бурного экономического роста ЮАС и превращения его в сильнейшее го-

сударство на африканском континенте. Не сложно предположить, что заказчиком такого проекта выступали «Англо-Американ», «Де Бирс» и патронирующий эти корпорации «Круглый стол». Мощные силовые структуры ЮАС, а соответственно, способная содержать их мощная национальная экономика, были необходимы в первую очередь для вышибания из Африки германских корпораций и предотвращения любых попыток их возвращения. Совершенно очевидно, что создать развитую экономику и эффективные силовые структуры в то время в Южной Африке могло только белое правительство и белое население, поскольку развитие чернокожего населения в лучшем случае соответствовало уровню XII в.

Я. Смэтс блестяще справился с задачей: экономический и военный потенциалы ЮАС уже к 1914 г. были существенно выше, чем у главного конкурента, что не замедлило сказаться на ходе боевых действий. После начала войны в Европе экспедиционный корпус ЮАС, состоящий в основном из буров, тремя колоннами вторгся в Германскую Юго-Западную Африку. Операция была хорошо подготовлена, и атакующим сопутствовала удача: уже 12 мая 1915 г. пал Виндхук – столица германской колонии. 9 июля немецкие войска полностью капитулировали. Корпорация «Дойче диамантен» – самый опасный конкурент «Де Бирс» – прекратила свое существование. Помимо Намибии, Я. Смэтс успел отличиться и в боях за Германскую Восточную Африку. Здесь немцы сражались более упорно, и окончательного их поражения удалось достичь только в 1918 г.

Годы между двумя мировыми войнами были использованы для наращивания военного потенциала ЮАС, в частности, по инициативе Я. Смэтса были созданы военно-воздушные силы, которыми в то время не обладала ни одна африканская страна. Интенсивно развивался военно-промышленный комплекс. Успехи в оборонном и экономическом строительстве тесно коррелировали с развитием системы расовой сегрегации. «Было создано Министерство труда с целью проявлять заботу об удовлетворении требований белых рабочих и ограждения их от любой конкуренции со стороны цветных и негров. Неквалифицированные африканские рабочие на железнодорожном строительстве и других государственных предприятиях были заменены белыми безработными. Был установлен “цветной барьер” на рудниках – некоторые категории квалифицированного и полуквалифицированного труда отныне резервировались только для белых. “Закон об арбитраже в промышленности” и вовсе исключил африканцев из категории рабочих и служащих. В 1927 г. был принят закон, запрещающий “безнравственные отношения” между европейцами и африканцами» (Д. Жуков. Апартеид. История режима. М., 2007).

4 сентября 1939 г. ЮАС объявил войну Германии. В мае 1941 г. премьер-министру ЮАС Я. Смэтсу британский парламент присвоил звание фельдмаршала. Войска ЮАС сражались с итальянцами в Кении, с корпусом Роммеля в Египте, принимали участие в высадке союзников на Сицилии в 1943 г. Южноафриканские пилоты составляли основу британских «пустынных» ВВС.

Экономика и демографический потенциал ЮАС существенно не пострадали в ходе Второй мировой войны. И бурное развитие страны в течение первого послевоенного десятилетия способствовало резкому увеличению добычи алмазов «Де Бирс» (с 1946 по 1956 г. добыча в Африке возросла с 10 млн. до 25 млн. карат). Масштабное развитие инфраструктуры, технологий, в том числе горных, высокое ка-

чество белой рабочей силы в ЮАС позволили «Де Бирс» совершить качественный рывок и обеспечить набирающую скорость мировую экономику всеми видами алмазного сырья.

Процесс экономического развития ЮАС приобретал экспоненциальный характер. Была создана самая развитая в Африке сеть автомобильных и железных дорог, морские порты получили современное оснащение, построены международные аэропорты. Энергетика, машиностроение, автомобилестроение, химическая, пищевая промышленность, сельское хозяйство – в этих и многих других областях страна стала безусловным лидером континента. Уровень развития национального военно-промышленного комплекса хорошо иллюстрируется тем фактом, что уже к началу 1970-х годов в ЮАР была создана промышленная база для обогащения урана, потенциал которой позволял получить несколько десятков ядерных зарядов.

К началу 1960-х годов XX в. уровень жизни белого населения ЮАР достиг первого места в мире, а уровень жизни чернокожих – первого места в Африке. Система расовой сегрегации постоянно совершенствовалась, как законодательно, так и в реальной практике. Это был сложный, часто драматический процесс, но в целом изобретение Я. Сметса продемонстрировало способность к эволюции, в конечном счете обеспечивающую приемлемый баланс интересов белого и черного населения, являющегося основой уверенного развития страны. Именно в это время со стороны представителей неформальных англосаксонских клубов началась жесткая критика режима апартеида и призывы к «защите прав чернокожего населения Южной Африки». Наиболее весомой фигурой этого процесса стал Гарри Оппенгеймер, сменивший Эрнста Оппенгеймера у руля «Англо-Америкен» и «Де Бирс» в 1957 г.

Причина, в сущности, была проста. Глобальные сырьевые рынки уже полностью перешли под контроль англосаксонских клубов, с исчезновением германского присутствия в Африке никакого реального конкурента на горизонте не просматривалось. СССР привычно занимался братанием с туземными царьками на почве марксистских догм, но в механизмы управления рынками и не думал вмешиваться. В отсутствие реальной угрозы содержание такого мощного защитного механизма, как стремительно развивающаяся ЮАР, становилось накладным. И чем сильнее развивался и совершенствовался этот механизм, тем дороже и потенциально опаснее он становился для своих создателей. Дело было даже не в том, что быстро растущие численность и уровень жизни населения ЮАР увеличивали косвенные издержки «Англо-Америкен» и «Де Бирс», вынужденных повышать зарплаты персоналу, расширять социальные пакеты и увеличивать затраты на инфраструктуру. В ЮАР сформировался широкий слой хорошо образованных, независимо мыслящих, состоятельных граждан, все ветви власти формировались на демократических (в отношении белого населения) принципах, госаппарат был эффективен и практически не коррумпирован, социальные лифты работали безупречно, влияние криминала на власть было минимальным. При таких предпосылках неизбежно должен был возникнуть с новой силой извечный «бурский вопрос»: «А почему, собственно, население страны и ее государственные структуры не принимают ни малейшего участия в управлении финансовыми потоками, формирующимися за счет эксплуатации недр ЮАР?». Этот вопрос на самом деле никуда не исчезал со времен Англо-бурской войны, но чем мощнее становилось государство ЮАР, тем большую взрывоопасность он приобретал.

Ответ у англосаксонских клубов мог быть только один: «Апартеид нарушает права человека, и он должен быть разрушен». У авторов этого тезиса вряд ли были сомнения, что приход чернокожих к власти в ЮАР разрушит эффективное государство, превратит процветающую экономику в бардак, уровень преступности и коррупции станет запредельным. Такая перспектива просчитывалась без труда. Как и то, что содержание коррумпированного и безграмотного черного правительства обойдется несравненно дешевле, чем допуск излишне креативных и самостоятельных буров к управлению модельными сырьевыми рынками – алмазным и золотым.

Скорее всего, принципиальное решение о демонтаже режима апартеида в ЮАР было принято на рубеже 50-х и 60-х годов XX века, и заметную роль в этом процессе должен был сыграть спарринг-партнер «Де Бирс» на алмазном рынке – СССР.

В 1956 г. в СССР принимается решение о масштабной добыче алмазов в Западной Якутии, согласованное с компанией «Де Бирс». Парадоксально, но в этом же году СССР разрывает дипломатические отношения с Южно-Африканским Союзом (напомним: «Де Бирс» имеет южноафриканскую регистрацию), формальная причина – страна «победившего социализма» не может сотрудничать с режимом апартеида. Совпадение по времени этих событий не случайно.

Дипломатические отношения между ЮАС и СССР были установлены в 1942 г. в результате переговоров, которые с советской стороны проводил Иван Майский (Ян Лиховецкий) – в то время посол СССР в Великобритании. Однако рабочие контакты между СССР и ЮАС были установлены задолго до этого. В 1925 г. в Москве было зарегистрировано «Советско-Южноафриканское смешанное торговое общество». Инициатором создания этой организации выступил Леонид Красин – создатель компании «АРКОС», через которую прошла львиная доля экспортируемого Советской Россией в 1920-е годы бриллиантового конфиската. Поскольку известно, что Л. Красин был горячим сторонником сбыта экспроприированных большевиками бриллиантов через «Де Бирс», несложно предположить, что упомянутое торговое общество служило именно эти целям. Но не только. В задачи общества входило привлечение инвестиций и организация геологической разведки (в том числе на алмазы) в Сибири. Понятно, что кроме «Де Бирс» никто в ЮАС не мог выступать в качестве такого инвестора и организатора. Стартовая инвестиционная программа имела объем 0,5 млн. британских фунтов – весьма значительную по тем временам сумму. В 1929 г. «Советско-Южноафриканское смешанное торговое общество» направило в ЮАС большую делегацию советских геологов, установивших контакты на профессиональном уровне с коллегами из «Де Бирс». Именно с этого момента все алмазные проекты СССР становятся прозрачными для «Де Бирс», несмотря на пугающие грифы секретности.

Дальнейшая деятельность «Советско-Южноафриканского смешанного торгового общества» не получила серьезного развития: кураторами общества были Лев Троцкий и нарком финансов РСФСР Григорий Сокольников (Гирш Бриллиант), уничтоженные группировкой И. Сталина в ходе внутрипартийной борьбы. Но оперативные связи с «Де Бирс», наработанные в рамках этого проекта, а также в рамках деятельности «АРКОС», вполне позволяли Оппенгеймерам не только тщательно отслеживать развитие алмазной индустрии СССР, но и содействовать в организации теневого канала экспорта продукции треста «Уралалмаз» начиная с 1946 г.

Конечно, И. Майскому, в свое время выполнявшему функции заместителя Л. Красина по «АРКОС», не составило большого труда найти общий язык с окружением Я. Сметса, и в июне 1942 г. было открыто генеральное консульство СССР в Претории и консульство в Кейптауне. В ЮАС даже стал издаваться журнал «Советская жизнь».

Ни для кого в мире, включая советское руководство, не было секретом, что с момента основания ЮАС в 1910 г. в этой стране последовательно проводится политика расовой сегрегации. Почему же «страна рабочих и крестьян» могла себе позволить закрывать глаза на это прискорбное обстоятельство до середины 1950-х и внезапно прозрела лишь в год Пленума ЦК КПСС, санкционирующего добычу алмазов в Якутии? Ответ, на первый взгляд, выглядит фантастично: одним из условий доступа СССР на мировой алмазный рынок было участие в демонтаже белой ЮАР, а конкретнее – финансирование, вооружение и консультирование южноафриканских организаций черных расистов, в первую очередь – Африканского национального конгресса. Причем эту работу СССР должен был выполнить как можно более явно и шумно, возложив на себя привычную роль борца с «мировым империализмом» в его наиболее мерзком проявлении – расовой сегрегации. Проще говоря, «Де Бирс» была готова покупать советские алмазы, но часть выручки СССР должен был направить на осуществление нового плана Гарри Оппенгеймера – ликвидации апартеида, а следовательно, уничтожение выходящей из под контроля «Де Бирс», слишком самостоятельной белой ЮАР.

Именно дипломатический демарш СССР стал началом превращения ЮАС (ЮАР) в страну-изгоя. Позиция СССР (исключительный случай в дипломатической практике тех лет) была дружно поддержана странами Британского Содружества, и в 1961 г. ЮАР была вынуждена выйти из этой организации. Международное давление на белую ЮАР будет последовательно нарастать вплоть до ее кончины. С начала 1970-х годов – международное эмбарго на поставки нефти. 1974 г. – Генеральная ассамблея ООН лишает делегацию ЮАР полномочий. 1977 г. – международное эмбарго на поставки оружия и сотрудничество в области ядерных технологий... Вот только деятельность «Англо-Америкен» и «Де Бирс» не подвергалась никаким санкциям со стороны «возмущенного апартеидом» мирового сообщества. Продукция этих горных гигантов, добытая на территории ЮАР, обращалась на мировом рынке без затруднений, добыча алмазов и золота нарастала, балансы компаний выглядели прекрасно. В 1970 г. в ЮАР было добыто 1 тыс. т золота – абсолютный рекорд. А самый радикальный борец с апартеидом – СССР, поставлял в адрес южноафриканской «Де Бирс» алмазы во все более возрастающих количествах. Правда, чтобы уж совсем не потерять лицо, поставки осуществлялись в адрес некой лондонской фирмы «City and West East Ltd». Но это был секрет Полишинеля – все хорошо понимали, какой бенефициар прикрыт этим фиговым листком.

Участие СССР (а также его сателлитов – Кубы и ГДР) в финансировании Африканского национального конгресса (АНК), в снабжении оружием и подготовке боевиков «Копья нации» – военизированного крыла этого черного расистского движения, сегодня известно достаточно широко. Мы остановимся лишь на одном эпизоде, проливающим свет на истинный смысл советского участия в южноафриканских политических разборках. Итак, начало 1980-х годов. В Лондон из ЮАР нелегально

прибывает вице-президент АНК Юсуф Мохаммад Даду. Он встречается с сотрудником дипломатической резидентуры КГБ, получает от него 100 тыс. долл., расписывает пачки банкнот по карманам пальто и бредет на встречу с сотрудником Международного отдела ЦК КПСС, чтобы написать расписку в получении средств на борьбу с апартеидом. Покончив с бюрократическими формальностями, Юсуф Даду без проблем отбывает на родину – организовывать очередную диверсию против белых «колонизаторов». И такие вояжи неуловимый господин Даду проделывает регулярно, оставаясь вне досягаемости могущественных МИ-5 и МИ-6. Джеймс Бонд нервно курит в сторонке...

Теперь присмотримся к этой ситуации внимательнее. Г-н Даду – правая рука президента АНК Нельсона Манделы, который с 1964 г. отбывает «пожизненный срок» в весьма комфортабельных условиях и которого интенсивно готовят на роль первого президента «освобожденной» черной ЮАР. Г-на Даду как облупленного знают все разведки мира – он в розыске, на нелегальном положении, как лидер запрещенной террористической организации. Г-н Даду, мягко говоря, весьма ограничен в возможностях корректировать внешность в европейской среде, ибо черен, как голенище хромового сапога. И г-н Даду неоднократно катается в Лондон на встречу с советским резидентом и беспрепятственно возвращается в ЮАР с огромным количеством кеша! Ну не было на планете более удобного места для передачи денег черным террористам из АНК, чем Лондон! А кто же этот мужественный советский разведчик, регулярно вручающий неуловимому г-ну Даду пачки долларов? А это Олег Гордиевский, полковник Первого главного управления КГБ и по совместительству агент британской разведки МИ-6 под агентурным псевдонимом Ovation. Проблему неуловимости г-на Даду можно считать снятой, не так ли?

Фантастическая неуловимость финансистов АНК, работавших с лондонской резидентурой КГБ, должна была изрядно веселить директоров «Де Бирс» Филиппа Оппенгеймера, Тедди Доу и Монти Чарльза, чей офис располагался невдалеке от «АРКОС» и советского посольства. Эти заслуженные ветераны британской разведки могли по достоинству оценить юмор ситуации.

Приведенный пример, изложенный в мемуарах самого О. Гордиевского и в публикациях ряда историков спецслужб, убедительно свидетельствует о том, что канал финансирования Советским Союзом АНК находился под британским контролем. И не просто под контролем, а под патронажем – пожалуй, самый подходящий термин для описанной ситуации. И скорее всего, «вербовка» О. Гордиевского – это не удача МИ-6 в тайной шпионской войне, а результат договоренности двух старых добрых партнеров. Что объясняет и фантастическое исчезновение «разоблаченного» О. Гордиевского из Москвы в 1985 г., и неисполнение заочно вынесенного ему смертного приговора (хотя возможности для этого возникали неоднократно). Орден св. Михаила и св. Георгия «за служение безопасности Соединенного Королевства» Олег Антонович заработал честно.

Накачка АНК и «Копья нации» советскими деньгами из Лондона, а оружием и подготовленными боевиками с территории Анголы, Замбии и Танзании постепенно погружала белую ЮАР в кровавый хаос. Силловые структуры ЮАР в ответ были вынуждены усиливать прессинг черного населения, что, разумеется, только способствовало разжиганию конфликтов. Но процесс шел достаточно медленно, в

соответствии с принципами давно отработанной англосаксонскими клубами тактики – белую ЮАР нужно было не просто ликвидировать, нужно было уничтожить малейшие шансы на ее восстановление. Проклятый «бурский вопрос» должен был исчезнуть навсегда. В некоторых публикациях, посвященных исследованию описываемых событий, можно встретить тезис о том, что «Запад предал белую ЮАР». Это неверно. Запад, а точнее, неформальные надгосударственные структуры, члены которых представлены в наблюдательных советах «Англо-Америкен» и «Де Бирс», не предавал белую ЮАР, он сознательно ее уничтожил, в том числе руками своего младшего партнера – СССР.

Процесс ликвидации белой ЮАР занял немногим более 30 лет, если начинать отсчет с 1957 г., когда «Де Бирс» и «Англо-Америкен» возглавил «непримиримый борец с апартеидом» Гарри Оппенгеймер. В 1990 г. был легализован АНК, и Нельсон Мандела вышел на свободу – *de facto* это означало окончательный разгром «надежды белой расы» в Африке. Может показаться, что 30-летний горизонт планирования – это нечто фантастическое, сродни астрологическому прогнозу, и все странное временные совпадения между советским алмазным проектом и превращением процветающего южноафриканского государства в криминальную клоаку – всего лишь случайность. Но если принять во внимание, что основной состав неформальных надгосударственных структур, начиная с «Круглого стола», составляют выходцы из глобальных добывающих корпораций и связанных с ними корпораций финансовых, то картина приобретает необходимую реалистичность.

В глобальном горном бизнесе 30-летний цикл планирования – это норма. Именно столько требуется на освоение месторождения планетарного масштаба, эксплуатацию его на пике возможностей и безубыточное закрытие. Разумеется, такое планирование с необходимостью включает и политическую составляющую – иначе управление рисками невозможно. Поражающая стороннего наблюдателя чудесная способность англо-саксонских клубов к столь долгосрочному планированию несколько утрачивает магическое очарование, стоит лишь признать, что перед нами владельцы и управляющие минерально-сырьевой базой мировой экономики, для которых работа в 30-летних циклах – устоявшаяся практика со времен С. Родса. Ни одна политическая партия, ни один традиционный государственный институт не могут эффективно планировать свою работу на столь длительные сроки по очевидным причинам: нет традиции и опыта, нет необходимой информации, а главное – нет движущего мотива, нет экономической необходимости.

И совсем не случайно агония белой ЮАР была четко синхронизована по времени с агонией СССР – в конце 1980-х – начале 1990-х годов англосаксонские клубы завершали оба взаимосвязанных проекта, полностью исчерпавших свой смысл в их понимании.

Почему «АЛРОСА» не «Де Бирс»?

Идея управления глобальными сырьевыми рынками, сформулированная Сесилом Родсом и обкатанная на рынке алмазов, сегодня является подлинной основой мировой экономики и функционирующей на этом базисе политической надстройки – надгосударственных элитарных структур типа «Бильдербергского клуба». К началу XXI столетия на планете не существует ни одного сколь-нибудь значимого сырьевого рынка, цена на котором определялась бы на основании баланса спроса и предложения. Лондонский «золотой фиксинг», ОПЕК, «бенчмарк» на железорудном рынке, система ценообразования на рынках цветных металлов – все это не имеет ни малейшего отношения к понятию «свободный рынок» и прочим легендам классического капитализма. Ценообразование на глобальных сырьевых рынках – это управляемый процесс с долгосрочным (30 и более лет) горизонтом планирования, осуществляемый в недрах гибких неформальных структур, объединяющих представителей ведущих добывающих корпораций, финансовых институтов и политической элиты. А цена на сырье – абсолютный инструмент влияния на все производные рынки, вплоть до самого рафинированного хайтека. Поэтому тот, кто контролирует глобальные сырьевые рынки, в конечном счете контролирует всю экономику планеты.

Хорошую иллюстрацию такого контроля обеспечивает биржевая торговля. Во-первых, углеводороды и все «коммодитез» торгуются на основных мировых площадках только за доллары США. Без этого «продукта», производимого ФРС, никто не в состоянии приобрести на мировых биржах ни барреля нефти, ни тонны железной или медной руды и т.д. (ни одного карата алмазов на алмазных биржах – тоже). Пока существует такая практика, приходится признать, что единственная мировая резервная валюта обеспечена не только и не столько ВВП США, сколько всей планетарной минерально-сырьевой базой. Что, собственно, делает принципиальную устойчивость доллара практически безграничной.

Во-вторых, ничто не свидетельствует убедительнее о призрачности понятия цены как справедливого баланса спроса и предложения, чем биржевая торговля сырьем. В 2008 и 2009 гг. мир изумленно взирал на сумасшедшие ценовые скачки на

нефтяном рынке: в течение 3–4 месяцев цена падала с 140 до 30 долл. за баррель, а затем вновь взлетала до 100 долл. Совершенно очевидно, что попытка объяснить такие ценовые скачки сокращением или увеличением мирового спроса на нефтепродукты лежит за гранью здравого смысла – потребление на таких коротких временных интервалах оставалось практически постоянным. Отчего же так летала цена? Кто ее так гонял? Ах да, проклятые биржевые спекулянты... «Проклятые спекулянты» – это хороший емкий термин. Во всяком случае, ничуть не хуже, чем «международные исламские террористы».

Но кто же является настоящим биржевым игроком? Неужели бесчисленные «лемминги» с парой сотен тысяч долларов (или парой миллионов – в данном случае, это один порядок) на брокерском счету, сопящие над премудростями «технического анализа»? Нет, это всего лишь «биржевое мясо», в лучшем случае они могут лишь следовать за ценовым трендом, но никак не определять его. Кто же определяет, кто срывает банк? Любой грамотный брокер скажет: «инсайдер». Тот, кто способен закачать в биржевую игру миллиарды и триллионы и при этом без риска, ибо такими деньгами не рискуют. А это может быть только тот, кто знает (а на самом деле – определяет), насколько увеличит добычу ОПЕК через месяц, когда в Ливии произойдет «цветная революция», когда племя айджо атакует нефтяные платформы в дельте Нигера и какое решение по учетной ставке примет ФРС в мае следующего года... Вот этот «спекулянт» и определяет ценовые тренды на мировых сырьевых рынках. Остальным рекомендуется изучать классические труды по экономике и верить в то, что «невидимая рука рынка» устанавливает справедливый баланс между спросом и предложением.

Если приглядеться к составам советов директоров корпораций вроде «Эксон Мобил», «Англо-Америкен», «ВНР Billiton» и т.п., можно заметить, что там присутствуют те же лица, что входят в состав банков, образующих ФРС и международные финансовые институты, а также присутствуют на заседаниях надгосударственных «клубов». Это и есть управляющие глобальными сырьевыми рынками – мировой минерально-сырьевой базой. Те, кто определяет цену, – на все, из чего состоит планета.

Управление мировой минерально-сырьевой базой – это основа мировой экономики и основа подлинной власти, все остальное лишь более или менее значимые надстройки. Со времен Сесила Родса эта модель постоянно эволюционировала: от примитивного монополизма, от линейного диктата цены, от прямого захвата месторождений с помощью государственной военной машины – к гибкому многофакторному влиянию на ценовые тренды с постоянным и быстрым ростом информационной составляющей, с расширением поля производных финансовых инструментов, с подключением «общественных», «некоммерческих» институтов, с перетасовкой политических спарринг-партнеров и созданием новых «империй зла». Модель блестяще доказала жизнеспособность, готовность адаптироваться к стремительно развивающейся цивилизации. Адаптироваться в средствах. Цель же осталась неизменной: кто контролирует глобальные сырьевые рынки, тот правит миром. За это и шла борьба с конца XIX в., это и является поныне объектом пристального внимания со стороны подлинных обладателей власти.

В июле 2009 г., на пике экономического кризиса, в отставку был отправлен президент «АЛРОСА» С. Выборнов. И хотя российскими и зарубежными аналитика-

ми алмазного рынка был предложен целый спектр версий причин этого события, все они звучали не слишком убедительно, поскольку с финансово-экономических позиций «АЛРОСА» чувствовала себя в кризис гораздо лучше любой другой алмазодобывающей компании, включая «Де Бирс». А ларчик открывался просто – за несколько месяцев до отставки на Всемирном алмазном конгрессе в Антверпене С. Выборнов имел неосторожность предложить алмазному профессиональному сообществу перейти от расчетов в долларах США к расчетам в швейцарских франках. И действительно – на дворе надвигающийся кризис, доллар лихорадит, он нестабилен, крупнейшие алмазодобывающие компании: южноафриканская «Де Бирс», российская «АЛРОСА», австралийские «Rio Tinto» и «BHP Billiton» не имеют отношения к США, почему бы и не перейти к расчетам между собой в бронебойных швейцарских франках? Предложение было встречено вежливыми аплодисментами, за которыми последовала отставка. В свое время Саддам Хусейн всерьез предлагал перейти к расчетам за нефть в евро вместо долларов – судьба этого храбреца известна. Так что С. Выборнов еще легко отделался.

В 2010 г. «АЛРОСА» впервые в истории мирового алмазного рынка обогнала «Де Бирс» по объемам добычи. Казалось бы – вот он, шанс! «Де Бирс» серьезно потрепана финансовыми неурядицами, большие долги, конфликт с правительством Ботсваны, болезненная смена высшего менеджмента... Предложи клиентам лучшие условия, закрепи их долгосрочными договорами, дай ценовые преференции, поддержи Ботсвану в конфликте с «Де Бирс» на межгосударственном уровне – и рынок твой, ты лидер, ты определяешь ценовой тренд! Впервые за полвека! Но нет... «АЛРОСА» предложено заняться... разработкой огромного железорудного месторождения «Тимир» в Южной Якутии. Проект требует гигантских инвестиций и стоит дороже самой «АЛРОСА», у которой к тому же нет ни малейшего опыта таких работ – со времен «Якуталмаза» это была исключительно алмазная монокомпания. Нужно влезать в колоссальные долги, о лидерстве на алмазном рынке можно забыть надолго, если не навсегда. Разумеется, предложение, от которого нельзя отказаться, спущено с самого верха – с правительственных высот... Гибкое опосредованное управление!

Не важно, сколько ты можешь добыть, важно, кто и как определяет цену. Если у тебя нет допуска к этому механизму – ты не владелец рынка. Ты лишь спутник подлинного владельца. И ни вторая, ни третья, ни какая-либо еще экономики мира не являются исключением из этого правила.

Что из того, что Китай является крупнейшим в мире производителем золота и владельцем огромного золотого запаса? Цена на золото определяется «лондонским фиксингом» в долларах США в помещении банка Rothschild. И именно здесь определяется, а рентабельно ли вообще добывать золото в Китае и сколько будет стоить золотой запас КНР. Что из того, что Китай – крупнейший мировой производитель стали? Мировая цена на железную руду определяется соглашением Vale (формально – Бразилия, на самом деле – США), «Rio Tinto» и «BHP Billiton». И в конечном счете от этой цены зависит – сколько будет стоить китайская сталь и выгодно ли вообще ее будет производить. И так – на всех глобальных рынках.

Может ли положение поменяться, может ли смениться хозяин у минерально-сырьевой планетарной базы? Германская попытка кончилась неудачей, и с тех пор

серьезного претендента не видно. Но ничто не вечно под луной, династии вырождаются, ошибки накапливаются, и, может быть, детище гениального Родса скончается вследствие роста энтропии. И мир вернется в счастливый хаос, где нет места конспирологии и криптоэкономике, где спрос определяется предложением, а политический процесс – классовой борьбой, где бурлят так понятные «противоречия между трудом и капиталом»...

Но рано или поздно из хаоса появится некто, кто откроет заново, а может быть, вспомнит: «Если на всем белом свете будет только четыре человека, нужно продавать алмазов столько, чтобы хватало лишь на двоих!»

DE CONSPIRATIONE / О ЗАГОВОРЕ. Сборник монографий.

А.И. Фурсов (сост.).

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2014. 2-е изд. 522 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Верстка: М.В. Скороходова

Для заявок:

123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
<http://avtor-kmk.ru>

Подписано в печать 20.11.2013. Тираж 3000 экз. Заказ 4576.
Формат 70×100/16. Объём 33 п.л. Уч.-изд.л. 42,9. Бумага офсетная.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

